

Дана
ШЕФФЕР

БЫВШИЕ

Мой секрет

Кирилл Потемкин — моя первая и безумная любовь. Мы расстались, но я захотела, чтобы именно он стал отцом моего ребенка. И он стал... Только я сбежала, утаив от него, что беременна.

Сейчас нашей дочери пять, и ее отец ворвался в нашу жизнь, чтобы заявить свои права на нее. И на меня...

— Ева — моя дочь? Ты соврала мне тогда?

— Нет! — почти ору в панике. — Она — моя дочь. Только моя. Ты не имеешь к ней...

— Я видел родинку, Рита. Я знаю правду.

— И что ты будешь делать? — шепчу.

— Исправлять все, что ты натворила.

Бывшие. Мой секрет
Юля Шеффер

— Я хочу родить ребенка, — выпаливаю я, устав ерзать под выжидательным взглядом того, кого любила больше жизни, но с кем не виделась почти пять лет.

В холодных, льдисто-голубых глазах, в которых я знаю каждое пятнышко на радужке, мелькает удивление. Но он быстро гасит его и едко усмехается.

— Поздравляю. Похвальное желание. Только при чем тут я? Ты вдруг позвонила после стольких лет. Ради тебя я прервал важную встречу, притащился в это кафе, чтобы услышать... это? — брезгливо кривит губы, и я вздрагиваю от такой его реакции, а он безжалостно добивает: — С такими заявлениями стоило бы обращаться к мужу.

Мой бывший любимый, мой нежный и всегда улыбочивый Кирилл не скрывает язвительности в голосе, а его колкий и прожигающий насквозь взгляд не обещает мне простого разговора. Никогда раньше он не смотрел на меня так... Я начинаю сомневаться в правильности того, что затеяла. Сожалеть, что рискнула сунуться к нему со своей дикой просьбой.

Просьбой, которая родилась в моей голове, когда я листала каталог доноров репродуктивной клиники.

Я хочу ребенка и просто так отсюда не уйду. Это мой шанс, и я должна попробовать!

В конце концов, я ведь и не рассчитывала, что будет просто. Я же не стакан воды пришла у него попросить...

— У меня нет мужа. И парня тоже нет, — бормочу еле слышно, заливаясь краской.

Но мое состояние его ничуть не трогает.

— Сочувствую. Но опять не понимаю. И мне надоело гадать. Может, расскажешь, наконец, чего ты хочешь от меня?

Я киваю: расскажу. Конечно. Ведь я за этим сюда пришла. Открываю рот и... не могу выговорить ни слова.

Его очевидное неприятие сковывает меня, лишает уверенности, а с ней и дара речи. Да под его взглядом удава я вообще с трудом соображаю, кто я и зачем я здесь! Сердце колотится, ладошки взмокли, по спине тоже стекает струйка пота от волнения, мне нужна секунда, чтобы перевести дух, подобрать правильные слова, но я не могу — его цепкий взгляд пленил мои глаза, не отпускает.

Да, Кирилл Потемкин всегда умел выбить оппонента из колеи, вогнать в ступор, заставить почувствовать себя ничтожеством. А став акулой бизнеса, совладельцем одного из самых крупных в стране маркетплейсов, еще сильнее прокачал этот свой скилл. Довел до совершенства... И я попала под этот каток...

— Я жду, Рита.

Сердце колет: Рита, не Маргаритка, как когда-то...

Как ни прискорбно это признавать, но мои чувства к нему за это время совсем не изменились, а он... А он с трудом согласился встретиться со мной.

Ну почему я решила, что он захочет мне помочь?! Почему была так самонадеянна? Так уверена, что если я до сих пор сохну по нему, то и он меня не забыл, и с радостью откликнется на мое предложение...

Разум подсказывает бежать из этого кафе пока не опозорилась окончательно, но я знаю, что, если сейчас сбегу, потом не прощу себе, что даже не попыталась. И, чтобы не

передумать, я сбрасываю на него свою "бомбу":

— Я хочу родить ребенка от тебя.

На этот раз он даже не удивляется. Долго смотрит на меня, потом вдруг начинает смеяться. Качает головой и поднимается со стула напротив. Я понимаю, что он сейчас уйдет, и, вскочив, преграждаю ему путь.

За руку схватить не решаюсь. Раньше от его прикосновений меня неизменно пробивало током. Не рискую проверять, так ли это сейчас.

— Ты же сдал свой биоматериал... Я видела твою детскую фотку в каталоге клиники, — торопливо вываливаю ему все свои аргументы, надеясь достучаться. — Если ты сделал это для кого-то незнакомого, чем я хуже? Ты знаешь меня, ты любил меня... — запинаясь, а он вопросительно выгибает бровь.

Но я не позволяю себе смутиться. Куда еще больше-то?..

— И вообще, я могу сделать это без твоего ведома. Ты бы даже не узнал. Но я решила, что так будет честнее, — опускаю глаза.

Он садится обратно. Я тоже опускаюсь на свой стул.

— Почему именно я? — спрашивает после паузы. — В той клинике большая картотека. Наверное...

Смотрю ему прямо в глаза. Не моргая.

"Потому что я люблю тебя" — самый простой и честный ответ.

— Потому что я тебя знаю, — кажется, несколько букв я все же перепутала. — Твою семью, твоих родителей, наследственность. Ты — идеальный отец для моего ребенка.

— Не ожидал услышать от тебя такой комплимент, — он больше не иронизирует. — Но я не понял сути встречи — ты просто хочешь уведомить меня о том, что родишь моего ребенка? Или тебе нужно разрешение? А, может, рассчитываешь на алименты?

— Не смей, — вскидываюсь и почти не контролирую звук голоса. — Ты знаешь, мне ничего от тебя не нужно! Я ни...

— Я так думал, — обрывает меня. — Еще минут пятнадцать назад. Но теперь не уверен.

Его сомнение ощущается как удар кулаком в живот и причиняет реальную физическую боль. Невыносимо...

— Ладно, — встаю, не желая больше продолжать разговор. — Ты прав, я зря пришла. Извини, что побеспокоила.

Делаю шаг, чтобы уйти, но он удерживает меня, взяв за руку. Не вставая. И тут же отдергивает — он тоже это почувствовал?..

— Сядь, — приказывает сухо и хрипло. — Сядь и скажи, что хотела.

Возвращаюсь на свое место. В горле растет ком, я с трудом выговариваю:

— Я хотела, хочу... Я хочу зачать ребенка естественным способом.

Глава 1. На Титанике

Шесть лет спустя

— Ну, Дим, ну какое платье мне лучше надеть на этот твой деловой ужин? Это же твои партнеры, ты должен лучше знать, в чем их надо сражать наповал.

Кручусь перед зеркалом, меняя уже третий наряд из взятого с собой в круиз гардероба, но что-то ни один из них мне не муркает. Сегодня я недовольна ими всеми, хотя выбирала платье сама и пищала от восторга, примеряя их в магазинах. За них платил Дима, поэтому я позволила себе не смотреть на ценники, а брать все, что нравилось.

Но сейчас я почему-то не испытываю того восторга. Что-то не то...

Наверное, просто излишне волнуюсь. Сильно излишне.

Мандраж какой-то запредельный. Сердце трепыхается в груди пойманной в клетку птичкой, и даже дыхательная гимнастика не помогает успокоиться. И я не нахожу причин для столь сильного душевного резонанса.

Да, этот ужин очень важен для моего мужчины, и я, конечно, не хочу его подвести. Но от меня ведь ничего не зависит. Единственное, что я могу — это быть красивой.

Точнее — самой красивой. Поэтому меня колбасит?..

— Сражать наповал ты должна только меня. А я давно и безнадежно сражен, — подойдя, он привычно целует меня в ключицу.

И обнимает. А когда убирает руки, на моей шее остается бриллиантовое ожерелье. Теряю дар речи от его красоты.

— Попробуй подобрать платье под него. И знай, что ты будешь выглядеть сногсшибательно в любом из них. Собственно, как и без платья... — его руки обвивают мою талию.

— Дима! — легонько тычу его локтем в живот, он же сгибается пополам, переигрывая, а я обещаю мстительно: — Ты договоришься. Я приму этот вызов и действительно пойду на твой ужин в одном этом ожерелье.

Касаюсь камней пальцами, чувствуя грани — приятное ощущение.

— Заманчиво, но, боюсь, тогда ужин не состоится.

Мы встречаемся взглядами через зеркало и смеемся.

Через полчаса, когда я все же определилась, мы с Димой шагаем по покачивающейся палубе огромной яхты. Точнее, это он шагает, а я безвольной куклой висну на его локте — ноги не слушаются.

— Не дергайся, ты потрясающе красива, — говорит он мне, и я робко улыбаюсь, чувствуя себя Джулией Робертс в нетленной "Красотке".

И не зря — мой спутник тоже красив как Бог. Ну или хотя бы как Ричард Гир. Только без седины. Я беззастенчиво им люблюсь.

И горжусь.

Добившись очень многого в бизнесе и будучи достаточно суровым на работе, он остается мягким и нежным со мной. Несмотря на загруженность, всегда находит время на меня и мою дочь, любит ее как свою и даже хочет удочерить, когда мы поженимся. И это здорово, ведь отца у моего ребенка нет...

Но идя сейчас рядом с ним и считывая обожание в его взгляде, все равно не могу избавиться от тревожного чувства. Оно вибрирует во мне, разрастаясь и распространяясь по

телу, из-за чего я с трудом передвигаю ноги на высоких шпильках, хотя обычно на них свободно бегаю.

Может, это какая-то форма морской болезни?

Но я все же беру себя в руки, и в каюту, где собрались все самые успешные в стране бизнесмены — владельцы и руководители корпораций, — вхожу твердой походкой с широкой улыбкой на лице. И замираю, мысленно ахнув.

Кабюта очень большая и богато убранная — круглые столы, белые скатерти, винтажные стулья, на стенах резное дерево с драпировкой, и в глазах рябит от избытка золота. Глядя на все это великолепие, я ощущаю себя другим персонажем — молодым ДиКаприо, незаконно пробравшимся в каюту первого класса легендарного корабля.

Мужчина в форме провожает нас за один из центральных столов, за которым уже сидят две пары, а четыре других стула пусты. Нас будет шестеро или кто-то еще предпочитает появляться на третьем звонке?

Дима отодвигает мне стул, здоровается с мужчинами, целует руки дамам. Другие мужчины встают и прикладываются к моей — я точно не сплю?! Я реально чувствую себя на "Титанике", как в прямом, так и переносном смысле. Не сомневаюсь, что к концу вечера, нарушив какой-нибудь из высоких стандартов мероприятия, пойду ко дну. Тихо и бесславно.

— Добрый вечер, коллеги-конкуренты, — раздается у меня над ухом низкий бархатный голос, и от его звуков все во мне переворачивается.

Мое судно налетает на айсберг.

— И их прекрасные дамы.

Забыв, как дышать, медленно поворачиваю голову и встречаюсь испуганным взглядом с глазами колюче-голубого цвета.

Вновь прибывший смотрит на меня с едва заметной улыбкой и еще менее заметным интересом. Как смотрят на малоприятных незнакомцев.

Во мне же все кричит: "Боже мой, это Он!"

Глава 2. По-покер фэйс

Это он! Здесь, передо мной.

Живой. Настоящий!

Не мираж, не сладкий сон, не чуть подстершееся, но все еще живое воспоминание, не недостижимая мечта, а реальный Кирилл. Мой Кирилл!

Мой бывший Кирилл...

Такой же сокрушительно красивый, такой же небрежно элегантный и непоколебимо уверенный в себе.

Я смотрю в его глаза, не в силах оторвать взгляда или хотя бы моргнуть. Время словно остановилось. И не только время. Я сама будто остановилась, замерла. Как "морская фигура" в старой детской игре. Забыла, где я, с кем я и почему я, иначе никогда не позволила бы себе так пялиться на мужчину, который не мой.

К сожалению, не мой.

Давно уже не мой...

Судорожно сглатываю и протягиваю руку для поцелуя — кажется, тут так принято. Выдавливаю из себя сиплое:

— Приятно познакомиться. Рита.

Вопреки ожиданиям, он не тычется губами в мои пальцы, как другие, а чуть сжимает их в своей руке. Дежурно. Для галочки.

— Взаимно. Кирилл.

Сухо и с издевательским поклоном, а я заливаюсь краской стыда от того, что сама так палевно, так позорно на него отреагировала, когда он совершенно не разделяет моих чувств.

Увидев его, я растаяла и растеклась лужицей, как снег на солнце, он же нашей случайной — невысказанной! — встречей ничуть не тронут.

Выдернув руку, торопливо отворачиваюсь. На Диму не смотрю, чтобы не выдать себя. И потому что стыдно. Нестерпимо. Мне повезло, что эту сцену он наблюдал, не видя моего лица, а лишь спину. И фэйс Потемкина, но он у него непроницаемый.

Покер-фэйс Кирилла никак не выдал, что мы знакомы.

Его взгляд, как и он сам, на мне не задержались. Он почтил вниманием остальных присутствующих, при этом ручками других дамочек не побрезговал. Только моя вызвала у него отвращение...

Вряд ли, кроме меня, кто-то обратил на это внимание, но меня это задело.

Что это было? Это что, месть?! Но за что?

На самом деле, повод мстить мне, у него есть, и о-о-очень веский, но он-то о нем знать не должен! Или нет?..

Неужели он узнал мой секрет?!

Не может быть. Только не это! Я умру, если это произойдет.

Он никогда не простит мне, и... вообще!

Да и не нужно мне его прощение. Никакого преступления я не совершила. Я просто не хочу, чтобы он или кто-то другой когда-нибудь узнал. Что бы ни было в прошлом между нами, его это уже никак не касается. Он сделал свой выбор. Давно. Я тоже сделала свой. Сделала, как хотела. И ни о чем не жалею.

Но ради собственного спокойствия, ради нормальных отношений с Димой хочу

сохранить свой секрет. Хочу, чтобы это и дальше было моей маленькой тайной. От всех.

Ну, кроме Лизки...

Сестренка мою тайну знает, но никогда никому не расскажет. В ней я уверена.

Но если он все же в курсе, то неужели...?

Нет. Лиза не могла. Ни за что. Она меня не предаст.

"Раньше ты думала, что и Кирилл никогда тебя не предаст", возражает язвительный внутренний голос, втягивая меня в водоворот болезненных воспоминаний о том, как мы с Потемкиным расстались.

Я буквально тону в них.

— Марго, ты в порядке? — бросает мне спасательный круг заботливый голос Димки.

Вздрагнув, качаю головой и силюсь улыбнуться.

— Да, нормально. Душно немного, — успокаивающе пожимаю его руку под столом под голос распорядителя ужина, объявляющего:

— Последними к нашей компании присоединились один из совладельцев крупнейшего в стране маркетплейса "Трендизон" Кирилл Потемкин и его спутница Ольга Кошкина.

— Моя невеста, — поправляет его Кирилл, глядя мне в глаза.

Глава 3. Барби-girl

Вздрагиваю от его слов.

Невеста...

Потемкин сказал это так, будто финальный гвоздь в крышку моего гроба вогнал. И ведь вогнал...

А взглядом закопал.

Лишь Вселенная знает, каких трудов мне стоило удержать на лице эту насквозь фальшивую светскую улыбочку — одновременно не значащую ничего и говорящую столько всего сразу.

"Его невеста..." зачем-то проговариваю про себя, словно пробую на вкус. Паршиво звучит... И больно.

В горле сразу становится щекотно, а глаза предательски щиплет. Только бы не разреветься!

Ну почему меня это так задевает? Какое мне дело до того, с кем он... телевизор вечерами смотрит? А даже если занимается чем-то более... менее... да пофиг! Меня это совершенно никак не касается и не трогает. Не должно трогать.

А "невеста" очень гордится собой в эту минуту. Подалась вперед, грудь свою искусственную выпятила, та вот-вот из декольте до пояса вывалится, и губехи-рыбёхи алые еще бóльшим бантиком сложила — один-в-один морская царевна из старого мультика "В синем море, в белой пене".

Но это я, конечно, от злости. Я бы на ее месте и не так выпятилась...

А выглядит девушка шикарно — с губами и грудью перебор, чисто на мой вкус, — но, если не придирааться, то она очень красива. Той броской, бьющей по глазам красотой, которая заставляет мужчин оглядываться, а женщин — зеленеть от зависти. Высокая, стройная, с выпуклостями в нужных местах и разрезами на платье, в которых выглядывают ее бесконечные ноги. Прямые — отдельный пункт моей зависти — черные волосы завершают картинку.

Этакая темноволосая барби.

Поэтому как бы мне ни хотелось, приходится признать, что невеста Кирилла определенно соответствует и красоте своего будущего мужа, и статусу. И вместе они смотрятся отлично.

"А с тобой он смотрелся идеально" не упускает внутренний голос случая уколоть меня побольнее.

Заставляю себя собраться и, напустив в глаза равнодушия с щепоткой легкой дурилки, я отворачиваюсь от Потемкина. Не хочу больше его видеть. Его не существует.

И его "барби" тоже.

Я буду наслаждаться вечером и Димкой.

И я честно пытаюсь.

Но совсем отключиться от присутствия Кирилла не получается. Он — явно, издеваясь, — уселся рядом со мной и весь ужин якобы случайно касается меня то ладонью, то локтем, то бедром, хотя наши стулья стоят достаточно далеко друг от друга. Постоянно обращается ко мне и Димке, что-то спрашивает, изображает неподдельный интерес.

Это похоже на заигрывание, но... зачем? После сказанного и сделанного только что?!

Я совершенно не понимаю Кирилла. Не понимаю его мотивов.

Еще совсем недавно он пренебрег моей рукой, потом бросил мне в лицо это "моя невеста", зачем теперь он пытается наладить контакт? В основном, физический.

Мне хочется послать его, осадить, но я вижу, как доволен его вниманием Дима, понимаю, что для него это важно. Очевидно, что он имеет виды на сотрудничество с Потемкиным, и осаживаю я себя.

При первой же возможности выхожу из кают-компания, вдыхаю спасительно-свежий морской воздух. Он почти такой же соленый, как вода, колючий — и на вкус, и на ощущение. Но дышать им приятно.

— Ты же не от меня убежала?

Едва сдерживаюсь, чтобы не застонать в отчаянии — ну зачем?!

— Не от тебя, — не оборачиваюсь.

Наоборот, отшагиваю еще дальше. Дальше от него и от каюты, откуда нас могли бы увидеть, но и в еще большую темноту. Осознав это, боюсь, как бы Кирилл не принял это за желание уединиться с ним.

Смешок за спиной не оставляет сомнений — принял.

— А стоит? Ты преследуешь меня? — резко обернувшись, перехожу в наступление.

Но этим его лишь раззадориваю. Он всегда любил схватки. Любые.

Медленно, по-тигриному, шагает на меня, заставляя отступать до тех пор, пока не прижимаюсь спиной к стенке.

— Если бы я преследовал тебя, то давно уже нашел, Маргаритка.

Протягивает руку и тыльной стороной касается моей щеки.

Нежно, невесомо, волнующе. Как раньше.

Моя кожа мгновенно покрывается рябью от мурашек. Каждый волосок на тебе встает дыбом. Как раньше...

— Ты скучала по мне? Признайся. Я же вижу... — продолжает он выписывать круги по моей шее, спускаясь ниже к зоне декольте, а я едва могу дышать. — Я чувствую.

Еще один шаг, и наши тела соприкасаются. Я гащу вдох. Надеюсь, что это вдох удивления. Или возмущения его наглостью.

— Что тебе нужно, Кирилл?

— Поговорить. Тебе не кажется, детка, что нам давно уже нужно поговорить?

Его голос становится чудовищно серьезным, взгляд тяжелым, рука замирает в районе моей ключицы, а я тихо съезжаю по стеночке — о чем поговорить?

Неужели он узнал?!

Глава 4. Первый раунд

Сбывается мой самый страшный кошмар. Если Кирилл прознает о Еве, если поймет, что моя девочка — его дочь, он обязательно заберет ее у меня. В этом я не сомневаюсь.

Еще не встречала человека со столь же сильным чувством собственности, как у Потемкина. Сама не раз испытывала его на себе. Тогда это казалось очень милым и грело мне душу — еще бы! Ведь это значило — в моей системе координат, — что он относится ко мне по-особенному, что я не проходная девчонка для него, а его девочка. Сейчас же это его качество рискует стать самой большой моей проблемой.

Но я не должна пасовать перед ним.

Нельзя показывать ему свои страхи, нельзя выдать себя, посеять в нем зерно сомнений. Малейшее подозрение, и Кирилл вцепится в меня хваткой питбуля, и не успокоится, пока все не выяснит. Я видела, как люди, к которым он цеплялся, признавались даже в том, чего не совершали.

Но я не они.

Я просто так не сдамся.

Для меня на карту поставлено очень много. Я буду защищать свое до конца. Если он что-то заподозрит, уйду в глухую несознанку и до последнего буду все отрицать.

— О чем нам с тобой теперь разговаривать? — напускаю на себя независимый вид. — Наше время ушло. Рекомендую за общением обращаться к своей невесте — она оценит оказанную высокую честь.

— Мне считать это проявлением ревности? — все еще находясь неприлично близко ко мне, заламывает правую бровь.

Он всегда делает так, когда переигрывает удивление. Это открытие придает мне сил и уверенности, даже дерзости.

— Считай чем хочешь, но за мной ты отправился зря. Это ничего не изменит для нас, но может быть неправильно воспринято, если нас увидят вместе вот так. Соблюдай дистанцию, пожалуйста. Нет никакой надобности для столь тесного контакта — я по-прежнему прекрасно слышу.

— А что должно измениться для нас? — выполняя мою просьбу, Кирилл отталкивается от стены и, отступив на шаг, чуть разворачивается к морю.

Будто просто проходил мимо и остановился понаблюдать за волнами.

Я незаметно — надеюсь — выдыхаю. И равнодушно пожимаю плечами.

— Не знаю. Ты же зачем-то решил разворошить наше темное прошлое.

— А, может, я хотел поговорить о будущем?

В горле мгновенно пересыхает. Во рту буквально Сахара. А ноги мелко и противно трясутся. Черт! Только б не сковырнуться с любимых каблучков прямо ему под ноги...

Впиваюсь ногтями в левую ладонь, чтобы прийти в себя и выдать нужную эмоцию.

— О твоём будущем с невестой? Я так себе советчик в таких делах, Потемкин.

Слыша свой небрежный, даже чуть пренебрежительный голос, сама себе удивляюсь. Я смогла!

— Ты точно ревнуешь, Маргаритка.

Перестав созерцать горизонт — или делать вид, что созерцает, — он чуть поворачивает голову ко мне и улыбается. Точнее, усмехается, уверенный в своей правоте.

Самонадеянный засранец!

Это задевает еще сильнее потому, что он попал в самую точку.

— Не называй меня так! Это архаизм.

— Что архаизм — уменьшительно-ласкательная форма твоего имени? Или ты отказываешь мне в праве уменьшать? Или ласкать? — Кирилл вновь умножает на ноль расстояние между нами и тянет ко мне свои руки. — Я же отнюдь не против, чтобы ты ревновала меня. Маргаритка.

Резко вскидываю руки, отбивая его руки от себя. Нужно прекращать этот словесный поединок, мне не выйти победителем.

Но прекращать нужно красиво. Иначе он сочтет мой уход позорным бегством. А охота — то, что его заводит.

— Меня и без тебя есть кому ласкать, Потемкин. Надеюсь, тебя тоже.

И я возвращаюсь в кают-компанию, держа гордо спину и чеканя шаг.

Первый раунд за мной.

Глава 5. Мой диагноз печален

— Привет, — вваливаюсь я в квартиру к Лизке на следующее утро, затаскивая за собой чемодан.

— Привет, сестренка, — удивленно тянет она, закрывая за мной дверь. — Ты чего так рано? Я тебя раньше воскресенья не ждала.

— По дочери соскучилась.

Сестры мы не родные, но дружим с детства. Лиза мне и сестра, и лучшая подруга, и мудрый советчик, и поверенный всех тайн. Поэтому только с ней я могла оставить своего ребенка, отправляясь с Димой в круиз по Итальянской Ривьере. Тащить дочь с собой мне показалось неразумным, хотя Димка предлагал. И поначалу я даже загорелась этой идеей — круто же побыть всем вместе, на море, на яхте, побыть семьей, но потом я вдруг передумала. И как же хорошо, что я не совершила этой ошибки! Будь Ева там со мной, я бы психовала еще больше. Я будто знала, чувствовала, что ей не стоит ехать.

Аха, чувствовала...

Если бы я знала, что, точнее, кто меня ждет в тех Лазурных водах, и сама ни за что бы туда не сунулась!

— Дочь спит, вообще-то. Ты же не собираешься ее будить?

— Спит? — бросаю взгляд на часы — действительно, еще рано.

На нервах я совсем потеряла счет времени. И это неудивительно. То, что я пережила за эту ночь, кого угодно выбьет из колеи.

Невероятная, невозможная встреча с бывшим и тайным отцом моей обожаемой дочери в одном лице, новость о его скорой женитьбе, его подозрительный интерес ко мне, а в довершении — вишенка на торте — не очень приятный разговор с Димкой, который так и не понял, почему я бросила его одного. Сойти на берег со мной он не мог, его держали дела.

— Пойдем чай гонять. Расскажешь, как ты соскучилась. — Откатив чемодан в угол, Лиза подталкивает меня в сторону ее крохотной кухни.

Мне всегда было трудно что-либо утаивать от Лизки, и сейчас тоже не удалось обмануть. Сестрицу мой ответ не удовлетворил, а значит, допроса не избежать. И скормить ей ту же бессвязную чушь, что и Димке на яхте, не получится. Поэтому, хоть чаю я не хочу, послушно перебираю ногами.

А следующие пятнадцать минут, сидя на стуле с высокой спинкой и по-домашнему подложив под себя ногу, я смотрю, как младшая дочь брата-близнеца моей мамы свершает священный ритуал заваривания чая. В полной тишине — она занята, а я не тороплюсь исповедоваться — Елизавета Андреевна шуршит пахучей железной банкой, скрипит чайниками по дну и стенкам фарфорового заварника, журчит кипятком и тихо дзынькает крышкой.

Только потом усаживается напротив и сходу задает единственно верный вопрос:

— Что за черта ты увидела на той понтовитой яхте, что сбежала с нее раньше времени?

— Кирилла, — признаюсь на выдохе.

Нет смысла скрывать — на ужине были журналисты и фотографы, — да и не хочу. Кому, как не Лизе я могу все рассказать? С ней одной могу обсудить эту судьболомную — для меня однозначно — встречу.

— Твоего Кирилла? — округляет и без того огромные глаза.

— Уже нет, — криво улыбаюсь. — Он был там со своей невестой.

— Вот же гондольер... — от души.

Обычно я ржу над ее креативными ругательствами, но сегодня мне не до смеха. Кирилл купировал мое чувство юмора.

— И как он? — спрашивает серьезно и осторожно, явно, боясь, что разбередит мои раны.

Они и так уже вскрыты.

— Он... Кирилл, — просто отвечаю. — Такой же, как всегда.

— А ты так же, как всегда, в него влюблена.

Это не вопрос, поэтому я не отвечаю.

— Как он повел себя при встрече?

— Странно. Правда, странно, Лиз. Непонятно. Нелогично. По-дурацки. Сначала гадостей наделал и наговорил, а потом пошел за мной на палубу и сказал, что хочет поговорить. Почти обнимал, по щеке гладил...

Я машинально поднимаю свою руку и повторяю его жест. Но от моего прикосновения коленки не подкашиваются.

— А ты?

— Ты же уже поставила мне диагноз: влюблена.

— Как ты вела себя при своем диагнозе?

— Я сбежала.

Лиза замирает на секунду, потом наклоняется ближе ко мне через стол:

— Ты, надеюсь, за Евой приехала не чтобы бежать с ней еще дальше?..

Теперь моя очередь таращить на нее глаза.

В первое мгновение меня возмутил ее наезд, но в следующее я задумалась.

Такая мысль меня не посещала, вариант вообще уехать из Москвы я не рассматривала, даже в голову не приходило. Но теперь, когда Лизка произнесла это... Это звучит и кажется разумным. Может, это и есть тот выход, который я ищу?

Реально. Если мы с Евой уедем, то никогда больше я не столкнусь с Потемкиным, даже случайно — под влиянием ретроградного Меркурия или велению левой пятки. У Кирилла не будет возможности узнать о ней, узнать о том, что он — отец, и забрать у меня дочь. Боже, это же так просто! Почему я сама об этом не подумала? Это...

— Глаза потуши. Загорелась она... — приземляет меня сестра не на шутку строгим голосом, по моему лицу безошибочно считав ход моих мыслей. — Куда ты собралась бежать? Как? Вот прям от меня стартанешь, с этим чемоданчиком? — кивает на дверной проем.

— От тебя не получится. Мне понадобятся документы и деньги, — рассуждаю я вслух. — И вещи, и...

— Мозги. Попросишь у Гудвина, когда доберешься до Изумрудного города. Мы с Евой как раз сейчас читаем "Волшебника", она подскажет дорогу... Даже не думай в эту сторону, Маргарита Александровна, — резко меняет интонацию с наставительно-язвительной на категоричную. — Ты никуда не побежишь. Ни с моей крестницей, ни одна.

Про мозги было обидно. Но, подозреваю, и справедливо.

— Почему?

— Потому что бегут только виновные. В чем ты виновата перед твоим Кириллом?

— Он не мой.

— Про немого будешь втирать его невесте, когда она увидит вас вместе, а мне не надо.

— Ты стихами заговорила, — улыбаюсь несмело, делая попытку понизить градус нашего общения, ибо реально ту мач.

— Если понадобится, я могу и спеть. И сплясать. Если это поможет достучаться до тебя с простой истиной, что бегством проблему не решить.

— Зато можно сделать так, что проблемы и не будет. Если Кирилл никогда не узнает о Еве, он...

— Ты сказала, он уже хочет с тобой поговорить. Раз ты сбежала, ты боишься, что разговор будет о ней?

Отвечаю кивком.

— Значит, ты допускаешь вероятность, что проблема уже существует. И хочешь оставить ее неразрешенной? Это же бомба замедленного действия, Ритк. Если ничего не сделать, она рванет. И нас всех зацепит взрывной волной. Нет, ну ты всерьез думаешь, что, если у Кира есть хоть крупица информации, хоть крошечное сомнение, он просто отпустит тебя? Даст сбежать? Да он города сметет, горы свернет, океаны осушит, а тебя достанет. Ты уже однажды убегала. Забыла?

Я не забыла...

— Ладно, фиг с ним, с Киром. А Дима? — вновь резко меняет она тему, а меня насквозе пронзает чувство стыда, что я не вспомнила о нем.

"Дима!" В отчаянии прикусываю губу. До крови.

Лиза молча отрывает от рулона и подает мне бумажное полотенце. Прижимаю его к ране.

— Про Диму-то ты не подумала... Конечно, все мысли о ненаглядном Кирилле, куда там всяким Димами?

— Прекрати! — срываясь, бросаю полотенце на стол. — Дима не всякий. Он очень хороший, любящий, заботливый, щедрый. И я не имею в виду деньги. Он — идеальный. Я его люблю, и Ева тоже.

— Про "люблю" заливай кому-нибудь другому, в остальном даже не спорю. Только чего же ты от своего идеального бежать намылилась?

— Я не от него бегу! — вскидываюсь снова.

— А получается, что и от него. Или, думаешь, он с тобой в бега подастся? Бросит свой процветающий бизнес, новую квартиру в центре, забьет на перспективы и рванет с тобой на электричке в закат?

Ответить на это мне нечего — не про электричку же возражать, — поэтому я хмуро молчу.

— А главное — как ты объяснишь ему, что гонит тебя прочь из столицы? Неужто правду расскажешь? — Лизка очень наигранно пугается.

— Тебе бы в актрисы, — бурчу сердито.

Но на этом мой протест сдувается, потому что странно негативить на правду. Пусть и неприятную.

— А тебе — к Гудвину, — огрызается беззлобно. — Так что, расскажем Димке, что у его обожаемой Евы уже есть отец?

Глава 6. Забери солнце с собою

— Доброе утро, Маргарита Александровна.

На Молодежной подсаживается ко мне в машину наш архитектор.

— Доброе утро, Арман Маратович. А почему так официально?

Обращаться друг к другу по отчеству в моей фирме — маленькой, но стабильно развивающейся, — не принято. Мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить его миддл-нейм.

— Такой серьезный проект — волнуюсь, — чуть скованно улыбается он.

— Не первый же, Арманчик, и, надеюсь, не последний, — наклонившись вперед, хлопает его по плечу наш внештатный фотограф Зоя.

Новый проект, действительно, очень серьезный — крупный заказчик, высокие, просто запредельные, требования, — поэтому мы выезжаем на место всем "колхозом". И все загрузились в мою "Мазду", кроме инженера по благоустройству — он предпочел свой транспорт.

А ведь вместо того, чтобы ехать на объект, я могла сейчас трястись где-нибудь в поезде в далекой глубинке в попытке скрыться от своего бывшего. По причинам, которые я сама себе выдумала.

Ведь с момента нашей последней встречи прошло уже около двух недель, и он вовсе не искал встречи со мной. Ни чтобы забрать у меня Еву, ни чтобы поговорить, как собирался.

К счастью, я не наделала глупостей. Внушения от Лизы хватило, чтобы отказаться от идеи, ей же невольно и подкинутой.

В то утро сестренка на Димке не остановилась, а продолжила кошмарить меня напоминаниями и о моей фирме, и о том, что я не могу подвести своих сотрудников, и о родителях, ещё не старых, но все равно нуждающихся в нас. Во мне — я единственная дочь — и, особенно, в Еве.

Лизке удалось так меня пристыдить, что вместо того, чтобы спешно собирать вещи, мы с дочкой провели остаток выходных на родительской даче. Мама с папой были счастливы, а Ева просто в восторге. Вечером воскресенья встретили в Шереметьево Димку и все вместе вернулись в его квартиру, где уже несколько месяцев живём и мы.

Машина инженера Суворова уже ждет нас на въезде в элитный поселок, и, поравнявшись с крылом его "Кии", я киваю ему, предлагая следовать за мной.

Участок и дом, указанный в адресе, потрясают воображение.

Я видела и выполнила уже достаточно проектов разной степени сложности и хозяйских запросов, но этот однозначно претендует на звание самого-самого.

На голой лужайке — что неудивительно, иначе зачем бы им мы? — никого, а дверь — дверица — в дом открыта.

В нем еще не закончена отделка, но то, что уже есть, пышно, претенциозно, нарочито. Всего много, короче, и это все дорого, вычурно и кричаще.

Не дом, а резиденция Короля-Солнце.

— Со вкусом у хозяев беда, — сквозь зубы бормочет Зоя.

— Капец капецный, — вторит ей агроном Неля.

Я шикаю на них и растягиваю губы в улыбке — проектное интервью обещает быть непростым. Для всех нас.

Несмотря на мой сравнительно небольшой опыт самостоятельного плавания в

ландшафтном бизнесе, я научилась по экстерьеру и начинке домов определять тип заказчика. Чтобы подстроить под него и форму, и тактику ведения интервью. Неверно выбранная тактика может помешать мне заключить контракт. Или мы получим проблемы на стадии реализации. Так что приходится быть немного и психологом.

И при одном взгляде на этот дом в моей голове начал звонить тревожный колокольчик, призывающий меня бежать от этого проекта. Заказы с такими входными данными обычно бывают провальными.

Но с бегствами я пока завязала.

— Вы заставляете себя ждать, — раздается сверху недовольный голос, и на верхней ступени временной лестницы появляются женские ноги.

Они пересчитывают ступеньки, и, наконец, перед нами предстает заказчица.

Увидев ее лицо, я на миг зажмуриваюсь — вот тебе и Солнце...

Ну почему я не послушалась колокольчика?!

Глава 7. Бесячие сады

Влетев в свой кабинет разъяренной фурией, швыряю на стол портфель с документами и демонстрационными портфолио. Он прокатывается по столешнице и пара папок из аккуратной стопки на краю падает на пол.

Наклоняюсь, чтобы поднять — не люблю беспорядок. Не считаю себя одержимой чистотой, но Лизка утверждает, что у меня атаксиофобия, причем запущенная.

Застываю посреди комнаты в полной прострации и пытаюсь успокоиться. Это было худшее проектное интервью в моей карьере! Просто перемотать и забыть, как страшный сон.

Мало того, что это оказался дом Кирилла, который он подарил своей будущей жене на будущую же — очень скорую, о чем его губастая Ольга не уставала напоминать, — свадьбу, так она еще и сходу уверенно заняла первое место в списке самых самодурных заказчиков. И продемонстрировала такое дурновкусие, склонность к разностилию и непреодолимую тягу к излишествам, помноженные на раздражительность, что у всех моих сотрудников, включая сурового инженера Суворова, глаза на лоб лезли.

И ни малейшего, даже зачаточного, желания прислушиваться к мнению профессионалов. Если предложение высказано нами, значит, оно будет забраковано. Она не приняла ни одной представленной нами концепции.

— Это все примитивно и ничтожно. Мне нужен размах. О моем саде и лужайке должны ходить легенды, как о садах Версаля. Что вы суете мне ваш минималистичный стиль, ваши малоуходные сады и вертикальное озеленение? Воспроизведите на моем участке Висячие сады Серафимы...

— Семирамиды, — тихо поправила Зоя, но Кошкина ее услышала.

— А мне сделайте Серафимы, — припечатала ее, не спуская при этом глаз с меня. — И "облачный лес", и "купол цветов", и...

— И все это в ваш участок просто не влезет, — не выдержав этого потока сознания, перебила я.

— У меня большой участок!

— А для озвученной... концепции, — в последний момент нашла замену напрашивающейся "лютой дичи", — нужен очень большой. И стоит подобный проект и его реализация будет почти как оригинал.

— У нас достаточно денег на любой проект, — с вызовом.

— Не сомневаюсь. Но в любом случае, моя фирма слишком мала и неопытна, чтобы потянуть столь сложные инженерные решения. Вам лучше обратиться к нашим конкурентам. Я дам вам пару контактов.

На этом наш визит в резиденцию будущей семьи Потемкиных — от одной мысли у меня щемит сердце — был завершен.

За спиной открывается дверь.

— Потом, — бросаю, не поворачивая головы, — я сейчас не в ресурсе ни на что.

Боюсь, общаться я в эту минуту не способна, только рычать — "милая" Кошкина довела-таки меня до состояния, близкого к истеричному. Но ей я была вынуждена улыбаться — деловая этика, чтоб ее, — и не хочу сейчас сорваться на кого-то невиновного.

Догадываюсь, что вошедший — мой заместитель и уже хороший друг Роман Шагалов, так что не удивляюсь, когда, несмотря на просьбу, он все же говорит:

— Ты просила контракт по новому проекту...

Шумно вздыхаю.

— Давай сюда, — меняю свое решение и брякаюсь в удобное эргономичное кресло.

Усевшись напротив, Роман протягивает мне многостраничный договор.

Пролистываю все пункты до условий расторжения. Читаю.

— Что это? — поднимаю голову.

Зам разводит руками.

— Ты его читала?

— Конечно. Основные пункты...

Усмехается.

— А следовало обратить внимание на мелкий шрифт.

"Мелким шрифтом" в контракте, мной собственноручно и так опрометчиво подписанном, было весьма завуалированно и запутанно, но категорично указано, что если он будет расторгнут по инициативе Исполнителя, то есть меня, то моя фирма со всеми активами и сотрудниками переходит Заказчику.

— Как ты пропустила этот пункт?

— Мне юристы сказали, что там все стандартно. Продажные сволочи...

— Вот поэтому нужно иметь штатного юриста, а не пользоваться услугами наемных.

Они слабы на принципы.

— Можно подумать, штатные юристы заговорены от алчности? Или у них иммунитет, приобретаемый в момент подписания трудового договора? Не смейся. Они так же не отягощены мнимым благородством и берут, если им дают, не брезгают. Так это что значит, мы теперь в рабстве? Пожизненном?

— Не утрируй, — давит спокойствием Ромка, — не пожизненно, а до сдачи проекта.

— Его нереально реализовать! Ты хоть представляешь ее запросы!

— Меня уже просветили. И не раз. Но какой у тебя выход? Придется тебе изобретать для этой неадекватной ее "бесячие" сады.

— Ну нет! Я знаю, как можно разрулить эту ситуэйшн.

Решительно поднимаюсь и топаю на выход.

Глава 8. Контузия с осложнениями

Я не придумала, как собираюсь убедить Кирилла разорвать этот идиотский контракт, не придумала, что, вообще, ему скажу, появившись перед ним, как Сивка-бурка из сказки.

Какие-то мысли у меня были, но я от них отмахивалась, концентрируюсь на той эмоции, что погнала меня к его офису. Мне нужно было сохранить ее, иначе я растеряюсь, испугаюсь — зассу, как сказала бы Лизка, — и поверну назад.

Типичная я.

Всю дорогу до IQ-квартала я хранила и оберегала свой воинственный настрой, но когда до приемной его кабинета мне остаются считанные шаги, всю решимость с меня резко сдувает. Я замедляюсь.

Зачем я пришла?

Неужели я, в самом деле, думаю, что мое появление на его пороге на что-то повлияет, заставит его передумать и разорвать контракт? Это ведь не случайный пункт, и не случайно мои юристы его "проглядели", это не роковая ошибка, а спланированная акция, направленная против меня.

Против?

Но почему?

За что он так меня ненавидит, что хочет подставить, отнять у меня мою фирму, дело моей жизни? Как ни пафосно это звучит.

Это я должна обижаться на него и злиться, и хотеть отомстить, но не он.

"Да! Вот именно!"

Вновь поймав нужную эмоцию, резко толкаю стеклянные распашные двери и вхожу в приемную с грацией ледокола "Ленин". Пересекаю ее с выражением лица "не подходи" и не глядя в сторону секретарши.

Та вскакивает.

— Минуточку, вы куда?

— К Кириллу Владимировичу.

— Он сейчас не принимает, у него совещание.

— Меня он примет.

По хищному блеску во взгляде помощницы понимаю, что она хорошо натаскана и костями ляжет, но не пустит меня и применит силу, если придется. Поэтому ускоряюсь и, опередив ее, хватаюсь за гладкую и холодную сталь дверной ручки. Дергаю на себя. И чувствую, что выиграла — на глазах у начальства хранительница его покоя ничего лишнего себе не позволит.

Я вхожу, дверь за мной медленно закрывается. Стол переговоров пуст — она соврала.

— Маргарита Александровна? Рад видеть, — ни один мускул на красивом, идеально выбритом лице, не выдает его удивления.

Он знал, что я приду?

— Что ты задумал, Кирилл? — начинаю я с главного, опустив обмен любезностями. — Зачем тебе это? Это такой изощренный способ задеть меня?

— Что конкретно? — он поднимается и кивком предлагает мне занять место напротив.

Поколебавшись, все же сажусь, хотя стоя чувствую себя увереннее. Он вновь опускается

в свое царское кресло.

— Чтобы непременно я занималась дизайном твоего дома.

Короткая пауза. Долгий взгляд. Легкая улыбка?..

— О доме речи пока не было, но мне нравится ход твоих мыслей. Мы с тобой всегда были на одной волне. Помнишь?

— Какой волне? — не понимаю.

— Когда стоило мне только подумать, как ты безошибочно угадывала все мои мысли и желания. Вот и теперь — я еще не успел сказать, что от тебя требуется разработать дизайн не только придомовой территории, но и основных помещений непосредственно в доме, а ты уже в курсе.

— В доме? — чувствую себя не то чтобы тупой, но слегка контуженной.

Он издевается надо мной?!

— Твое обучение ведь не ограничилось одним ландшафтным дизайном. В дизайн интерьеров ты тоже могёшь?

Вопрос звучит так, что я не сомневаюсь — он знает ответ.

— Ты копался в моей анкете... — догадываюсь.

— Мне пришлось, — он ничуть не сожалеет, даже ради приличия. — Ты сама вынудила меня, Маргаритка. Я хотел поговорить с тобой, но ты ушла. Не спорю — красиво, но ты же не думала, что я отступлюсь? Я ждал окончания вечера, пытался поймать тебя возле каюты, но ты ускользнула. Потом надеялся пересечься в Портофино, но с удивлением узнал, что рано утром ты сошла на берег. Что за важные дела требовали твоего немедленного присутствия? Должно быть, это...

Смотрю на него и понимаю, что перестаю его слышать. Я слушаю голос, наслаждаюсь им, но слова не проникают в мое сознание. Его затапливает дикая, отчаянная радость от того, что он передо мной. Что я, наконец, могу видеть его, говорить с ним, вдыхать тот же воздух, да просто находиться в одном помещении. Я могу даже протянуть руку и дотронуться до него. Наверное...

А, может, попробовать? В ушах как-то странно шумит, или звенит, голос Кирилла словно отдаляется и замедляется. Будто пленку зажевало.

Это так странно... и прикольно... И неожиданно придает мне смелости.

Я приподнимаюсь и наклоняюсь к нему, вытянув руку.

Его лицо плывет, силуэт тоже размыт, я тянусь к нему, но он словно отдаляется, и рука висит в воздухе.

— Рита? Рита, — вновь пробивается в сознание голос. — Ты решила начать наше сотрудничество с рукоприкладства? Или рукопожатия?

— Я? Сотрудничество? — в голове постепенно проясняется, но я не сразу соображаю, что происходит.

Потом фиксирую себя с протянутой рукой и, заливаясь краской до кончиков ушей — чувствую, как они горят, — брякаю первое, что приходит в голову:

— Дай мне платок, пожалуйста. Кажется, тушь в глаз попала.

Старательно моргаю, чтобы придать правдоподобности своей легенде.

Не знаю, поверил ли он мне, но платок, тонкий хлопковый, протянул. Я чуть отворачиваюсь и тру ни в чем не повинный глаз.

— Может, лучше капли? — заботливо.

Собираюсь удивиться, что у него они есть, но тут же напоминаю себе — если и нет, он

скажет, и ему немедленно принесут. Все, что угодно, включая Луну с неба.

Хотя, не исключено, что Луна у Кирилла Потемкина уже имеется. И, возможно, не одна. Или он исключительно по "Солнцу"?.. С силиконовыми пятнами...

Стоп. О чем я думаю, вообще?! Где у меня мозги! Важно сейчас только одно — Кирилл искал меня, интересовался моей анкетой, он мог узнать о Еве. Вот что должно меня заботить, а не его показушная невеста...

Возвращаю платок, но Кирилл качает головой, давая понять, что ему он больше не нужен, и я убираю хлопок в карман пиджака — потом выброшу. Не здесь же мусорить.

Напустив на себя максимально равнодушный и расслабленный вид, спрашиваю:

— Что еще ты выяснил из моей анкеты?

— А есть что-то, что я о тебе не знаю? — откинувшись на спинку кресла, усмехается, привычно вскинув брови.

— Н-нет... — запинаясь, коря себя за глупость.

Сидеть становится еще более неуютно.

— Не беспокойся. На неприкосновенность твоей частной жизни я не посягал, ограничился сугубо профессиональными сведениями. С резюме ознакомился, а в спальню к тебе не лез. Я, знаешь, не любитель держать свечку.

Он тоже говорит это небрежно, даже слегка пренебрежительно, но сам факт упоминания спальни выдает, что ему эта тема далеко не так безразлична, как он хочет показать.

Или мне хочется так думать.

— Короче, — поменяв положение на кресле, он кладет предплечья на стол — ему, что, тоже неуютно? — Маргарита Александровна, с тебя два проекта.

— Это несерьезно, Кирилл. Разве у тебя нет дизайнера для внутренней отделки? В доме уже многое сделано, и там явно...

— Я его уволил. Ты же видела, что он там надизайнил, — Кир очень тихо, беззвучно, выругивается, но я читаю по губам и не могу сдержать улыбки.

Он замечает это, и мне приходится стереть ее с лица, вновь придав себе серьезный и строгий вид.

Я сюда не сблизиться с ним пришла, а разруливать этот кабальный договор. Но уже понимаю, что проиграла.

— Зачем тебе я? — предпринимаю последнюю попытку избавиться от контракта и необходимости постоянно коммуницировать с самим Кириллом или, что хуже, его сумасбродной благоверной. — Ты же можешь нанять любую фирму. Более опытную и профессиональную, и...

— Я не хочу любую, мне нужно все самое лучшее. А у тебя всегда был хороший вкус. И ты знаешь, что нравится мне.

Прямой, мучительный, многозначительный взгляд глаза в глаза, от которого у меня сохнет во рту и в тугий узел скручиваются все внутренности. Не выдерживаю,рываю контакт.

— Если это наказание за то, что я сбежала с круиза, давай просто поговорим, как ты хотел, и разойдемся. Я здесь. О чем речь?

Тот факт, что он до сих пор ни разу не упомянул о дочери, придает мне сил и уверенности. Если речь не о Еве, то мне нечего бояться.

— Мы поговорим, — кивает убежденно. — Но не здесь. И это не освобождает тебя от

проекта.

Поднимаюсь, чтобы уйти.

— И Марго... — окликает меня, когда я уже дошла до двери.

Замираю.

— Не разочаруй меня. И не зли мою невесту. Она нужна мне вечерами в приподнятом настроении.

С силой толкаю дверь.

В настроении, говоришь. Ну настроение-то я ей приподниму...

Глава 9. Дочки-матери

— Мам, ну сколько тебя можно ждать? — встречает меня дочь праведным возмущением, когда я, взмыленная и преисполненная чувства вины, вбегаю в детский сад.

Воспитатель уже ушла, написав мне, что оставила Еву у охранника.

Я летела, как могла, из дурацкого поселка, с нарушением правил — не специально, — и все же опоздала.

Заготовила оправдательную речь, но, судя по нарисованному от руки — очень качественно нарисованному, кстати, — а после с любовью раскрашенному трактору, ни Ева, ни мужчина в форме не скучали. То, что это именно трактор, а не кукла или цветочки какие, меня не удивляет — моя девочка всем игрушкам предпочитает машинки, особенно строительную технику.

— Смотри, что мы с Фролычем нарисовали. Правда, круто?

— Крутецки, — соглашаюсь с энтузиазмом. — Спасибо, что посидели с ней. Извините.

— С Евой посидеть в радость, — улыбается мужчина с бейджем "Борис Фролович" на груди. — Она смышленная. Песенки мне пела.

Это она умеет. Что есть, то есть.

Дочь встает и деловито собирает со стола уже раскрашенный — в синий, конечно, — трактор и еще два листа с ручными заготовками-контурами.

— Можно я домой возьму? — спохватившись, спрашивает.

Охранник кивает и мы, тепло попрощавшись, выходим на солнечную улицу.

— Почему ты так долго? — пытается дочь, пока я пристегиваю ее в детское кресло.

— Прости, малышка, меня задержал очень трудный клиент.

— А зачем ты к нему ходила, если он трудный?

Вопрос не в бровь, а в глаз. Действительно, зачем?..

— У меня не было выбора. Ты же знаешь, взрослые не всегда могут делать, что хотят. Иногда им приходится поступать так, как надо, даже если им это не нравится.

— Не взрослым тоже, — вздыхает дочурка. — Мне ведь не нравится манная каша, но я ее ем. Ма-ам, а ты помнишь наш уговор?

— Какой? — аккуратно выезжаю с тесной парковки у сада.

— Если одна из нас накосячила, то другой полагается что?

— Что? — улыбаюсь, уже зная, что услышу.

— Ком-пен-са-ци-я, — деловито и торжественно.

— Компенсация? — повторяю удивленно. — Я помню, мы договаривались о подарке.

— Нет, — активно мотает светлой головкой. — Подарок дарят на день рождения, Новый год, на девчочковый день, — загибая пальчики, перечисляет вдумчиво, стараясь ничего не забыть. — На день Евы, и другие праздники. А за плохое настроение полагается ком-пен-са-ция. Так Дима говорит.

Дима с первого дня знакомства разговаривает с ней как с взрослой, не сюсюкая, хотя ей тогда едва исполнилось два. Употребляет не детскую лексику и, вообще, не делает скидок на возраст.

Сначала меня это удивляло и даже раздражало, но Еве такое общение явно по душе, она чувствует себя важной и, не стесняясь, переспрашивает у него значение каждого незнакомого слова, а Диме никогда не лень ей объяснить и разжевать, отвечая на сотое

подряд " а это что значит?"

Наверное, это первое, что подкупило меня в нем.

— И какую ты хочешь компенсацию?

— Пиццу и картошку-фри, — не задумываясь.

Снова не могу сдержать улыбку — похоже, это заранее продуманная акция. Дочка только и ждала момента, когда же я "накосячу".

— Ты голодная?

— Нет, я хочу пиццу и фри. Я заслужила.

— Хорошо. закажем домой или...

— В кафе! — безапелляционно.

Этот ответ тоже был более чем ожидаем.

Нажимаю на руле кнопку голосового управления навигатором и прокладываю путь к ближайшему филиалу "Додо".

Он оказывается на фудкорте Торгового центра.

Поднимаемся на эскалаторе, я останавливаюсь у стойки с оранжевой птицей на вывеске, чтобы сделать заказ, а Ева бежит занимать столик — обязательно у окна — и сидит с важным видом. Смотрит в панорамное окно на проезжающие внизу машины, а я незаметно наблюдаю за ней из очереди, и в груди разливается тепло.

Ева — мое самое большое счастье, моя гордость и лучшее, что случилось со мной в жизни. Ребенок от любимого... Что может быть естественнее? Даже если мы с ним никогда не будем вместе.

Ни разу в жизни, ни на одну секунду я не пожалела о том своем решении. О решении родить от него, но, может, я была не права, когда...

— Ваш, девушка, — вырывает меня из мыслей голос парня, ожидающего заказа рядом со мной.

На экране горит мой номер, я бормочу спасибо и забираю свой поднос. Видя, что я иду к ней с добычей, Ева вскакивает со стула и начинает пританцовывать от радости.

— Наконец-то!

Ставлю перед ней поднос, бутылку с морсом "смущенная клюква" и ягодный чай для себя, но сеть рядом не успеваю — телефон в руке начинает звонить. Взгляд на экран и сердце замирает.

Несколько секунд сомневаюсь, отвечать или нет, но все же двигаю зеленой трубкой по дисплею.

— Ты в "Афимолле"?

Приветствия никогда не были коньком Кирилла.

— Нет, — тороплюсь соврать, не успев подумать.

Боже, как он узнал? И что он здесь делает?

"Действительно, что он делает в ТЦ в двух шагах от своего офиса?.." стебёт безжалостно внутренний голос.

Какая я дура! Почему не подумала об этом, когда выбирала место?! Что делать?

Нельзя, чтобы он увидел меня с Евой!

— Я видел твою машину. Где ты, Марго?

"Где я? Ну где же я?"

Стараюсь погасить панику и думать. Я однозначно где-то там, куда ему нельзя. Первым в голову приходит, конечно, женский туалет, но его отмечаю — это слишком.

— Я в примерочной, — мой чересчур самостоятельный рот произносит другой очевидный ответ до того, как я успеваю прикусить язык.

Делаю это сразу после — чертовски больно, но сказанного не вернешь. Он, конечно, уцепится за этот промах. Я еще не договорила, но уже примерно представляла, какой будет его следующая реплика.

— Оу, — Потемкин воодушевляется: — В каком магазине? Нижнего белья, надеюсь? Могу подойти и помочь с выбором. Ты же знаешь, я лучше тебя разбираюсь в том, что тебе идет.

Его голос приобретает томность и легкую хрипотцу, от которой я моментально покрываюсь мурашками.

Злюсь на себя — что за дурацкие реакции тела?!

Мне ведь уже не пятнадцать. И даже не двадцать. Времена, когда я млела и таяла от его голоса и нахального, раздевающего взгляда, прошли. Давно.

Или нет?..

Хочется взвыть. А надо продолжать улыбаться, чтобы не встревожить дочь.

Отхожу на пару шагов подальше от Евы, чтобы она не слышала разговора, и, стерев улыбку, перехожу на официальный тон:

— Это в прошлом, Кирилл Владимирович. К тому же, мне уже помогают, не беспокойтесь.

Врать, так по полной.

— Твой Дима, — проявляет он чудеса сообразительности. — Уверен, что он не знает тебя так же хорошо, как я.

— Мне нет дела до твоей уверенности, Кирилл. И ты разве тут не со своей невестой? — не удержавшись от язвительного вопроса, вновь прикусываю язык.

Что за тактику ведения беседы я сегодня выбрала — поддавки?!

— Вижу, Ольга тоже тебя очаровала. Она это умеет, да.

— Очаровала?.. — не верю своим ушам.

— Как иначе объяснить, почему ты тащишь ее в каждый наш разговор? Даже я не настолько ей одержим. Хотя, знаешь, есть за что.

Опять эти "тонкие" намеки. Он совершенно открыто и беззастенчиво дразнит меня. Тролль нашелся...

Хватит с меня его шуточек!

— Ваша интимная жизнь, Кирилл, меня совершенно не интересует. Ты не любитель держать свечку и я, представь, тоже. Если у тебя нет ко мне вопросов или пожеланий, касающихся проекта, то давай свернем эту бессмысленную перепалку.

— А ты сейчас одета?

— В смысле? — опешиваю от такого перехода.

— Ну, ты же в примерочной. Ты же не поверх своей одежды новую примеряешь?

Блин! Я же в примерочной!..

— Не поверх, но это не твое дело. И спасибо, что вспомнил, что я сейчас очень занята, давай поговорим в другой раз.

— Я хотел бы встретиться. Раз уж мы так удачно...

— В другой. Раз. Кирилл, — обрываю его.

— Ок, — после недолгой паузы. — Тогда заезжай ко мне завтра в офис.

— Завтра у меня встреча с бригадой на объекте. Я буду занята с ними весь день. Вряд ли

Я...

— Хорошо, — неожиданно легко соглашается Потемкин. — В другой раз так в другой раз.

Звонок обрывается, я с недоумением смотрю на потухший телефон.

Что это было?..

Возвращаюсь за столик к Еве. Отпиваю свой остывший чай.

— Кто это был, мам: Дима?

— Нет, не Дима. К сожалению.

— Трудный клиент? — делится догадкой — в сообразительности она своему отцу не уступает.

— Он самый, — вздыхаю.

— И чего он хочет от тебя? — протягивает мне недоеденный край от своей пиццы, я послушно откусываю корку.

— Он, наверное, и сам не знает, чего хочет, малышка.

— И поэтому ты грустишь?

Грущу? Это так заметно?!

— Привет, — раздаётся над ухом знакомый голос.

Глава 10. День сюрпризов

— Дима! — зажигается радостной улыбкой дочь.

Вскакивает с места, бежит к нему и с разбега запрыгивает на руки. Каждый раз боюсь, что когда-нибудь их радары собьются с курса, и либо она не долетит, либо он ее не поймает, но Дима, как всегда, уверенно ловит мое сокровище.

Как своё.

Я тоже улыбаюсь, чувствуя огромное облегчение. Потому что на секунду — до того как узнала голос, — мне показалось, что это Кирилл. Что он потому и оборвал звонок так внезапно, что увидел меня на фудкорте. Меня и... Еву.

Но потом пришло запоздалое — от страха, не иначе — узнавание, и с меня будто плиту бетонную сняли.

Надеюсь, это осталось ими незамеченным.

— Мои любимые девочки решили сделать мне сюрприз?

Точно! Димин офис ведь тоже расположен в "Сити", а это совсем рядом. Но что ему делать в торговом центре? Им обоим... Почему именно сегодня двух биг-боссов, обычно тотально занятых, потянуло на шоппинг? Еще и одновременно...

— Неть. Ты ведь не любишь сюрпризы. Мы тут, потому что мама накосячила и проставляется, — на голубом глазу сдает меня ребенок, демонстративно откусывая от куска пиццы в руке.

— Ты хотела сказать "заглаживает вину"? — исправляет ее неутомимый борец за чистоту Евиного языка.

Речь дочки катастрофически изобилует дворовым и интернет-сленгом, коему она нахваталась от блогеров всех сортов, которых смотрит запоем, стоит ей лишь получить в руки телефон. Чаще Димин — я страсть к гаджетам не поощряю, он же ни в чем не может ей отказать. Но, разрешая ей сёрфить по тиктокам, он невольно вкладывает ей в голову разные вирусные словечки, хотя стремится к тому, чтобы она говорила — и вела себя — как леди.

Но леди из Евы пока не лепится.

— Аха, — бурчит она набитым ртом и кивает для наглядности.

— Да, — улыбнувшись, он спускает ее на стул и подходит поцеловать меня.

— Исповедуйся, рецидивистка, в чем сегодня накосячила.

— Опоздала забрать ее в детский сад. Заказчик задержал и...

— А мне почему не позвонила? Я бы сам ее забрал.

— Была уверена, что успею, а потом уже было поздно тебя дергать.

— Давай ты завтра меня заберешь? — хватается дочь за его неосторожное предложение.

— Договорились, — он выставляет ей ладонь, и Ева со всей силы радостно бьет по ней.

Даже, можно сказать, лупит.

— А ты сможешь? Завтра точно никаких важных встреч?

— Нет ничего важнее моей единорожки. Да?

— Аха! — вновь кивает дочь, упорно нежелаящая становиться леди.

Оставляю их доедать пиццу, чтобы самой метнуться до "Золотого яблока" за неожиданно закончившимися патчами. Обнаружила это еще позавчера, но с этим новым проектом — сразу двумя — времени нет ни на что. И никого из сотрудников не откомандируешь — они тоже загружены под завязку. Все. Даже Зойка.

Поэтому упустить так удачно подвернувшуюся возможность просто нельзя.

Конкретно в этом филиале магазина бываю нечасто, поэтому без подсказки консультанта стойку нужного мне бренда не нахожу. Но когда все же до нее добираюсь, с выбором справляюсь быстро — я точно знаю, что мне нужно.

Расплатившись, иду к выходу, но засматриваюсь на витрину кремов от "Yves Saint Laurent" — не появилась ли моя любимая ночная сыворотка, — и врезаюсь в кого-то.

Бумажный пакет рвется, пачка патчей, кружанув в воздухе, шлепается на мужские ботинки коричневой кожи с затертостями.

"Стильно" успеваю подумать, наклоняясь за своим приобретением, а вслух торопливо бормочу:

— Простите! — и поднимаю глаза.

— Не прощу.

Кирилл...

Я выпрямляюсь.

— Но ты можешь искупить свою вину, если согласишься уделить мне время. Как насчет ужина? Сейчас.

Теперь, без Евы рядом, я чувствую себя гораздо спокойнее и увереннее, поэтому в панику не ударяюсь. Однако сердечко все равно стучит быстро-быстро, выскакивая из груди. И я стараюсь не думать, почему оно, блин, выскакивает.

Спишу на неожиданную встречу.

— Спасибо за предложение, но я не голодна.

— Раньше ты любила поесть. Правда, отдавала предпочтение всякой малосъедобной ерунде... — Потемкин широко улыбается, и его улыбке невозможно сопротивляться.

Я автоматически лыблюсь тоже. Так он называл фастфуд и разные снеки, на которые я была посажена в юности. Ева тоже их обожает. Наверное, это единственное, чем она пошла в меня. В остальном она — истинная Потемкина, хоть и записана Сумишевской.

— Я и сейчас люблю. И малосъедобной ерундой тоже периодически балуюсь. В разумных пределах. Но, как уже говорила, Кирилл, я тут не одна, так что...

— Про твоего Диму я постоянно забываю, — с досадой.

— Главное, что я о нем помню. Прости, мне пора.

— Подожди, — его пальцы обхватывают мой локоть.

Не больно, но так ощутимо, что я едва не вскрикиваю.

Ощутимо не силой, а самым контактом. Кожа на руке в том месте, где его ладонь касается ее, через ткань платья, буквально горит.

Я вздрагиваю всем телом.

Он отпускает руку, но продолжает удерживать меня цепким взглядом.

— Что ты хочешь, Кирилл? — голос предательски дрожит.

— Ты знаешь.

Его глаза, как две молнии, стреляют в меня и прожигают насквозь. Я хочу ответить, но язык прилип к небу, не отодрать. Хочу отвести взгляд, но это невозможно.

Мы застыли среди магазина и испепеляем друг друга.

Я не сразу слышу звонок телефона, но заставляю себя отмереть и ответить.

— Милая, где ты? Мы устали ждать и идем за тобой.

Глава 11. А она тебе не идет совсем

Я люблю водить машину.

За рулем я отдыхаю, расслабляюсь — кайфую. Окна закрыть, музыку погромче и погнали.

Поэтому обилие загородных поездок в работе ландшафтного дизайнера для меня не сопутствующие издержки, а приятный бонус. Но...

Не на этом проекте.

Как мы все радовались такому щедрому предложению, столь выгодному заказу, крупному клиенту, перспективам, который он перед нами откроет, и так же теперь всей командой страдаем из-за необходимости его реализовывать.

Проектное задание, помпезное и сложновыполнимое, не зашло никому, а уж личность — если можно так назвать — заказчика... И я даже не о Кирилле — с ним никто на фирме, кроме меня, поконтрачить не успел. А вот его Кошкина, которую между собой сотрудники называют исключительно Драной кошкой, достала всех и каждого. И прозвище она получила отнюдь не с моей подачи, я как раз самое лояльное к ней лицо — вынужденно. О том, что в этом заказе у меня замешано глубоко личное, я тщательно скрываю. Мне лишние сплетни и вопросы ни к чему.

Но обязанность каждый день таскаться в этот уродливый особняк угнетает. Однако выбора у меня нет, если мы хотим поскорее разделаться с проектом и избавиться от обязательств по контракту.

Вот и сегодня я тоже с утра мчусь на объект. К счастью, не одна — я никогда не приезжаю туда одна, со мной всегда кто-то из команды, — а с Романом. Точнее, я с ним.

Шагалов, как истинный мужик, не терпит "бабу за рулем", и я позволила ему эту маленькую слабость. Ради сохранности собственного имущества. Когда я в прошлый — и единственный — раз настояла я том, чтобы он сел ко мне в машину, он постоянно жал на воображаемый тормоз и продавил мне пол у пассажирского сиденья. И сказал, что больше ни ногой, даже под угрозой увольнения. В общем, мы пошли на компромисс.

И этот объект — тот случай, когда я даже рада тому, что мне не нужно ехать туда самой. Можно просто закрыть глаза и подумать.

— Как думаешь, что нас ждет? Чем Драная кошка порадует нас сегодня? — вторгается в мои мысли Ромка.

— Не знаю, но что сумеет удивить, это по-любому.

— Приятно удивить?

— Приятно Эта не умеет...

Номера наших машин внесены в списки гостей поселка, поэтому ворота при въезде распахиваются перед нами автоматически.

Пока Рома делает последние повороты рулем по внутренним дорожкам, я внутренне настраиваюсь на бой.

Бой с самой собой.

Потому что, смирившись с тем, что эту работу сделать я должна, я для себя решила, что ни спорить с заказчиками, ни отговаривать ее от сомнительных дизайнерских решений, ни насаждать насильно хороший вкус я не стану.

В конце концов, это ее дом, ей здесь жить, и она вольна делать его по своему вкусу,

пусть и спорному.

Если она хочет уродство, я сделаю ей уродство.

— А наша репутация? Не пострадает? — спросил Ромка, когда я объявила команде об этой нашей стратегии на данный проект.

— Придется понести эти репутационные потери. Но очень надеюсь, что она сильно рекламировать нас не станет, ну и мы распространяться тоже не будем.

— Эта стопудово не станет, — поделился мнением — редчайший случай — Суворов. — Ни о чьих заслугах, кроме своих, она не вспомнит.

— И уж точно не вспомнит наше название, — усмехнулась, соглашаясь с ним Неля.

Кошкина вновь встречает нас на крыльце, вперив взгляд в часы на запястье скрещенных на груди рук.

— Мы же не опоздали! — тихо возмущается Ромка.

— Это психологическая атака, не парься.

Я бываю тут чаще Шагалова и почти привыкла к "манерам" хозяйки. Медленно, но верно вырабатываю иммунитет к ее методикам воздействия на собеседника. Но не к ее эксцентричному вкусу — или его отсутствию. Этим она продолжает меня шокировать.

Вчера мы согласовали первую часть проекта по французскому саду, поэтому сегодня приступаем к дому.

— Давайте начнем со спальни,

Прикрываю глаза. Ну, конечно! С чего еще?..

— В спальне я хочу лепнину. Мне нужна...

— Ч-чего?

Мы с Ромкой переглядываемся.

— Лепнину, — противный претенциозный голос.

Хотя, наверное, противный он только для меня.

— Лепные орнаменты — я верно поняла?

Она кивает, поведя глазами.

А я даже не удивлена. В смысле, не сильно. Если сад как в Версале, то что мешает спальную комнату превратить в будуар императрицы?

— А где? — уточняет офигевший Ромка.

— Под потолком по всему периметру комнаты, по стенам и в центре над люстрой. И в гостиной, кстати, тоже.

Так, орнаментами не обойдемся...

— Где в гостиной? Там же второй свет, открытое пространство, — я не отговариваю, я уточняю, потому что своим умом, как совместить первоначальное требование дизайнера гостиной в стиле хай-тек с металлическими элементами и гипсовые молдинги или пилястры, не догоняю.

Я, в принципе, не против интерьера в стиле ампира плюс он отвечает основному запросу клиента на роскошный дизайн, но...

У меня даже "но" закончились.

Я смотрю на нее и не понимаю, что нашел в этой девушке Кирилл.

Она ведь совершенно ему не подходит. Она не сочетается с ним. Ни ее показное поведение, ни экзотичный — назовем его так — вкус, ни она сама.

И хоть внешне они показались мне идеальной парой — оба высокие, красивые, яркие, — но теперь, узнав ее поближе, вижу, что яркие они по-разному.

И, вообще, разные. Полярно разные.

Но раз он с ней и, более того, собирается на ней жениться, строит общий дом, значит, у Драной кошки есть свои, скрытые от меня, достоинства и таланты.

А я просто завидую...

— Хорошо, про лепнину я записала, — выключаю я никчемные мысли и включаю профессионала. — В следующий раз покажу эскизы. Какие еще пожелания по спальне?

Глава 12. Звук шагов твоих

Я делаю наброски в блокноте, ориентируясь на свет в будущей спальне.

Карандашом, по старинке, хотя коллеги по профессии давно освоили графические планшеты и творят пером по дисплею, но мне привычнее — и роднее — карандаш.

Рисую, примеряю к стенам, оцениваю. Какие-то образцы муркают, и я оставляю их, какие-то не нравятся — черкаю и сминаю лист, вырвав из блокнота, в какие-то вношу правки.

— Может, свалим уже отсюда, пока она еще какую-нибудь идею не извергла? Если услышу еще хоть один зубодробительный креатив, взорвусь.

— Спокойнее, Рома. Не ты ли призывал меня к дзэну и медитативной работе над собой при создании "бесячих садов"? — припоминаю ему его же слова.

Название, кстати, прочно закрепилось за объектом.

— Был катастрофически не прав. Недооценил противника. Медитация с ней не справится, нужна артиллерия потяжелее. Давай валить, а? — просит с гримасой "по-братски" на лице.

— Терпи. Еще минут пятнадцать. Я хочу доделать тут все и выкроить на завтра себе выходной.

— Выходной? — таращит он глаза.

И вполне обоснованно — весь коллектив трудится практически круглосуточно, не прекращая работу даже дома, а я смею заикнуться об отдыхе.

— Не вообще выходной, а от этого места, — исправляюсь, и Шагалов возвращает себе обычное выражение.

— Ладно, тогда и я делом займусь. Пятнадцать минут, — предупреждает, выходя.

Киваю и возвращаюсь к эскизам. Но шаги возвращаются — типичный Рома, вспомнивший еще что-то безотлагательно важное.

— Если будешь дергать меня, я не закончу, и мы никогда отсюда не уедем.

— Звучит как угроза, но мне почему-то не страшно.

Потемкин...

Этот голос...

Зажмуриваюсь и медленно выдыхаю.

Обычные слова приветствия застревают в горле, и я продолжаю стоять на месте, с карандашом, застывшим над листом.

Нервничаю так, будто меня застукали на месте преступления, или будто я оказалась совершенно обнаженной перед толпой агрессивно настроенных людей. У меня бывали такие сны, и я помню, как при этом чувствовала себя. Сейчас очень похожее ощущение.

И я знаю, почему так себя чувствую — у меня был шанс удрать... Говорил же Рома...

Звук шагов не стихает — не дождавшись, когда я повернусь к нему, Кирилл обходит меня полукругом. Я уже вижу его боковым зрением. Или еще не вижу, но уже чувствую.

— Я надеялся, что застану тебя здесь. Отменил две встречи. Это входит у меня в привычку, знаешь.

— Я об этом не прошу, — вспыхиваю румянцем стыда и смущения, зная точно, что это отсыл к нашей встрече шесть лет назад.

Тогда он тоже отменил встречу. Дважды... А я обманула его.

Я горю как запрещающий светофор, а Кирилл разглядывает меня. Молча. Пристально. Пронзительно.

Чтобы разрушить неловкую паузу, я спрашиваю без особого интереса:

— У тебя какие-то вопросы по проекту или просто поболтать?

— И то, и другое. Но проект подождет, а я нет.

— В смысле? — делаю ироничное лицо, но внутри пугаюсь до жути.

Он слишком серьезен и решителен. И я заранее боюсь того, что он скажет следующим.

О чем бы он ни хотел говорить, это не будет простой разговор.

И точно это не будет просто для меня.

— Я же говорил — нам надо поговорить. Но ты постоянно бегаешь, ускользаешь. Или сама, или нам кто-то мешает. Как вчера. Я устал бегать за тобой, Марго. Ты поговоришь со мной сейчас или...

— Или что? — не выдерживаю напряжения и срываюсь на повышенный.

— Или я буду разговаривать с тобой при твоём Диме.

— А при своей невесте не хочешь поговорить? Я могу позвать ее. Она где-то тут крутилась. Уверена, ей тоже будет интересно послушать.

— Зови.

Он усаживается на низкий подоконник, демонстрируя полное спокойствие и готовность ждать кого угодно и сколько угодно, а я понимаю, что мой блеф не сработал.

Долго смотрю на него, оценивая, насколько он действительно готов вынести нашу историю на публику — вдруг он тоже блефует. Но нет. Кирилл уверен и категоричен. Он не купился на мою попытку перехватить инициативу.

Инициатива, как всегда, у него.

Обреченно вздохнув, сажусь на тот же подоконник, но с другого края. Подальше от него.

Рядом мне нельзя. Я и так проигрываю по всем статьям.

— О чем ты хочешь поговорить?

И он спрашивает тихим голосом:

— Хочу узнать, почему в прошлый раз все закончилось. Почему ты не дала нам второй шанс?

Глава 13. Мечта сбывается

flashback

— Ты номером не ошиблась? — спросил меня Потемкин после долгого, очень тихого, выжидательного молчания в трубку, когда я набралась смелости и позвонила ему.

Позвонила спустя почти восемь лет с нашей последней, не самой приятной, встречи. Точнее, расставания. И, смущаясь и запинаясь, попросила его уделить мне пять минут своего времени.

— Пожалуйста, — повторила я с надеждой.

— У меня, вообще-то, есть дела, Рита. Я не...

— Я знаю, — поспешила согласиться. — Я не займу у тебя много времени и готова встретиться, когда тебе удобно. Подъеду в любое место, которое назовешь.

Я скрестила пальцы на всех конечностях, на которых смогла — только бы он сказал мне "да"! Это было все, чего я на тот момент желала. Чтобы он согласился.

И он согласился.

Мы встретились в кафе и я, нервничая и смущаясь еще сильнее, едва не передумав и не отказавшись от своей идеи, все же озвучиваю ему свою просьбу — стать донором для моего ребенка.

Естественным донором.

Он шокирован. Ошарашен, потрясен. Его глаза максимально расширены и... пусты. Он словно окаменел.

— Я не прошу тебя стать отцом, это слишком, я знаю. Мне нужен только... биоматериал.

Кирилл фыркает, дёргано качает головой, как после контузии, и, не найдя, видимо, что сказать, встает и уходит. Просто молча проходит мимо меня к выходу из кафе. Повернувшись за ним всем телом, я лишь провожаю его взглядом, растерявшись от такого исхода разговора, который был настолько важен для меня.

Хочу позвать его, побежать за ним, но не могу. Я раздавлена его реакцией.

В горле ком, а глаза сухие. Их жжет от сухости, но мой взгляд прикован к нему.

Я еще на что-то надеюсь.

Остановившись в дверях, Кир разворачивается в мою сторону, но на меня не смотрит, а как-то угловато, нервозно взмахивает рукой. Словно он что-то забыл. Или он в шоке.

Да, он в шоке. От меня.

Когда он уходит, я остаюсь сидеть на месте, разочарованная и оглушенная неудачей.

Я, конечно, знала, что он может меня послать. Отвергнуть мое дикое по своей сути предложение. Но он даже не послал. Он просто ушел. И это оказалось очень обидно. Обиднее даже, чем отказ.

Я сомневалась в успехе своей затеи, да, но все равно надеялась. И в глубине души, и... вообще.

Не знаю, сколько прошло времени, сколько я так просидела, боком к спинке стула, пока ко мне не подошел официант и не спросил, буду ли я еще что-нибудь заказывать. Резко придя в себя, быстро лепечу, что не буду и прошу принести счет.

— Счет уже оплачен. Хорошего Вам дня.

За следующие несколько дней переживаний я прошла все стадии — от скорби по

несбывшейся мечте до сожаления, что сунулась к нему со своей просьбой. Что, вообще, потащила в эту клинику и увидела в каталоге его фотку.

Семилетнего парнишку с ярко-синими глазами — фото, которое я видела тысячу раз в его детском альбоме. Я любила разглядывать его, когда...

Когда мы были вместе.

Когда он любил меня и ни в чем никогда мне не отказывал.

Но это было давно.

— Ты дура? Ты чем думала?! — внушает мне Лизка, обнаружив меня, немытую и нечесаную, на диване в съемной квартире.

Я взяла отпуск на работе и тихо страдаю в одиночестве. Никуда не выхожу, ни с кем не разговариваю и не отвечаю на звонки.

Но Лизка достанет кого угодно, и когда я не ответила на ее пятый звонок, она явилась меня спасать, как верная Гаечка из известного мультика про бурундуков-спасателей.

— Как тебе в голову пришло такое? Ну, согласился бы он и что? Ты бы капец как страдала всю жизнь. Видела бы в своем ребенке обожаемого Кирилла. Любила бы его за это, может, еще сильнее, да, но оно тебе надо? Срывать корки на и так годами не заживающих ранах? Ты теребишь их, царапаешь каждый раз. Ты мазохистка, скажи?

— Сама ты, — психую я, вскакивая.

Ее слова очень похожи на правду, на горькую истину, из-за этого слышать их еще невыносимее.

Я всего лишь хочу ребенка. Хочу ребенка от мужчины, которого любила и люблю до сих пор. Это, что, преступление? Что-то плохое и недостойное? Даже если желание не самое разумное и взвешенное, оно мое. Я его загадала и пытаюсь исполнить. За что меня так пинать?!

— Ты точно ненормальная, Рит, — качает сестра головой. — Ну, зачем, скажи, открывать снова этот гештальт? Если, блин, тебе позарез хочется снова окунуться в былые чувства, ностальгия тебя нафиг замучила, ну переспи ты с ним! Я не знаю... Но рожать?! Это же на всю жизнь. Ты не сможешь передумать, отмотать назад или как-то это изменить. Он на всю жизнь останется отцом твоего ребенка.

— Именно этого я и хочу.

— Вот и дура. Потом ты встретишь человека, которого полюбишь, кто захочет стать отцом твоему ребенку. И каково ему будет узнать, что он или она от твоей большой первой любви? Ты хочешь, чтобы он его возненавидел? Не любовь твою бывшую, прости Господи, а ребенка. Хочешь?

Я молчу и лишь дышу глубоко и раздраженно. Я не готова сейчас слушать мораль, даже самую правильную. Даже от Лизки.

Я хочу ребенка от Кирилла!

— Подумай хорошо, дорогая. И не делай глупостей. Не делай того, о чем потом пожалеешь. И умойся уже, а, — добавляет в конце.

Взглянув на нее мрачно, все же послушно иду в ванную.

Хотя бы для того, чтобы она перестала меня отчитывать.

А утром выхожу на работу. Лиза права — плач Маргариты пора заканчивать и определиться, наконец, что для меня важнее: стать матерью или цепляться за мечту. Я выбираю первое и решаю вернуться в клинику, чтобы выбрать другого донора.

С мечтой покончено.

В дверях клиники врезаюсь в человека. Бормочу "извините" и, опустив голову ниже, пытаюсь проскользнуть мимо него — не хочу никого видеть. Но снова утыкаюсь в его грудь.

Блин, ну куда идет, не видит что ли?

— Ты протаранить меня решила?

Не веря своим ушам, медленно поднимаю голову.

— Ты?..

Как всегда, неотразимо красивый и убийственно притягательный. Сердце щемит от одного взгляда. Отвожу глаза.

— Я. После своего интересного предложения ты меня избегаешь?

— А ты меня искал? — я удивлена и не скрываю этого.

Кажется, все, что хотел, он мне сказал в прошлый раз. В смысле, промолчал. Но вполне доходчиво. Больше нам нечего обсуждать. И звонить мне ему тоже незачем.

— Представь себе... — привычно иронично. — Праздное шатание по репродуктивным клиникам не входит в число моих увлечений.

— Уверен? Ты, явно, не первый раз здесь, — огрызаюсь и язвлю. — Кстати, не расскажешь, как твое фото оказалось в каталоге?

— Расскажу. Только давай не здесь. Идем, — он берет меня за локоть и подталкивает в сторону стоянки.

— Куда? — сопротивляюсь я, не понимая, что ему нужно.

— Ко мне. Или к тебе, если хочешь, — терпеливо. — Я согласен.

— На что?

— На естественное зачатие, догадливая моя Маргаритка.

Проснувшись на следующее утро — ну как утро, меня разбудил уже очень яркий солнечный свет, просочившийся под мои веки, — я не сразу понимаю, где нахожусь. Не сразу вспоминаю, что случилось ночью. И не только ночью...

Лежа с по-прежнему закрытыми — свет слишком яркий — глазами, прислушиваюсь к необычным ощущениям в теле. Какая-то необъяснимая легкость, удивительная расслабленность в каждой мышце, но так же и приятная усталость со сладостной ломотой. Хочется вытянуться, перевернуться и промурлыкать, как дикой кошке.

Давно забытые ощущения...

Медленно и лениво открываю глаза и застываю, обнаружив рядом Кирилла. Точнее, не рядом, а практически на мне — его руки обнимают меня, животом и грудью он прижимается к моему боку, лицом зарылся мне в волосы, и даже его ноги переплелись с моими — не поймешь, где чья.

Он окружил себя мной, будто боится, что иначе я сбегу.

Но я и не думаю.

Наоборот, меня затапливает такая радость, такое мощное ощущение безграничного счастья, что я чувствую, как выступают слезы на глазах. Сомкнув веки, выдавливаю их из себя — не хочу, чтобы что-то заслоняло и искажало любимое лицо.

Я смотрю на него и упиваюсь моментом, нашей близостью. Смакую ее. Вот она, моя сбывшаяся мечта. Моя реальность, которая даже лучше мечты, лучше любой фантазии, самого чудесного сна...

Если вдруг это сон, не будите меня! Никогда не будите.

Я хочу растянуть, продлить этот момент, впитать в себя, законсервировать, чтобы он

остался со мной даже если моя сказка неожиданно закончится.

Напоминаю себе, что мне не следует цепляться за Кирилла, не стоит слишком вживаться в него — в нас, — ведь эта ночь, какой бы прекрасной и полной любви ни была, не гарантирует, что мы снова будем вместе.

Кирилл мне этого не обещал. Да я и не просила. Я просила о другом, и я это получила.

Если мне повезет, у меня будет его ребенок.

Но теперь я чувствую, что мне этого мало.

Мне мало его. Я хочу больше. Хочу его всего, чтобы он был со мной. Только мой. Всегда.

Снова закрываю глаза — не хочу просыпаться.

Но через какое-то время появляется мысль, что нужно встать и умыться, пригладить волосы. Страшно представить, в какую безумную спутанную гриву они превратились за время нашего ночного марафона. От с трудом разглаженных утюжком гладких прямых локонов наверняка ничего не осталось, но я же не хочу, чтобы Кирилл увидел меня неидеальной!

Осторожно высвобождаюсь от его захвата, выскользываю из-под его рук и перекатываюсь на край огромной кровати. Только не думать, зачем ему одному такое большое ложе...

Спускаю на пол ноги и встаю, но тут же с приглушенным криком падаю на спину — обратно в его объятия.

— Ты же не собиралась удрать, пока я сплю?

— Нет, только умыться.

— Хорошо, — уткнувшись мне в шею, жадно вдыхает мой запах, а я жалею, что не успела сходить в душ. — Разрешаю умыться и продолжим с того же места, где остановились.

Я вспыхиваю, как инфракрасная лампочка, и каждая клеточка в моем теле отзывается желанием на эти слова, произнесенные хриплым, и оттого вдвойне — втройне — сексуальным голосом.

— Продолжим?

Я хотела сказать это иронично, а получилось кокетливо и игриво.

— Мхм... И будем продолжать до тех пор, пока тест не покажет две полоски.

Глава 14. ...И не сбывается

Выходя из такси, вижу, что к нашему подъезду идет девушка.

Ускоряюсь, чтобы войти вместе с ней — ключи у меня есть, но только от квартиры. А на подъездной двери face-id, и мою мордашу сканер, конечно, еще не знает. В домофон звонить не хочу, чтобы преждевременно не засветить Кириллу свою неприлично счастливую мордашу.

Повод для счастья у меня офигенный, я реально свечусь, внутренне и внешне, и мне не терпится поделиться своей радостью с любимым.

Осторожно, стараясь не шуметь, открываю дверь — сюрприз так сюрприз, — и замираю на пороге, услышав голоса.

С кем он?..

— У нас просто общие дела. Это ненадолго.

— Ты не обманываешь меня, Кирюш? Не говоришь это только для того, чтобы я не волновалась?

Облегченно выдыхаю — он с мамой. Правда, она меня не жалуется, но когда узнает все... Уверена, она все мне простит.

— Тебе не о чем беспокоиться, ма, — голос Кирилла категоричен. — Между нами с Марго ничего нет. Просто бизнес.

Так это они обо мне?!

Это со мной "просто общие дела"?.. Это я — бизнес?!

В голове происходит мини-взрыв, а уши закладывает взрывной волной, и я с трудом различаю дальнейшие фразы. Словно контуженная, соображаю плохо, но где-то на подкорке сознания помню, что должна не спалиться, не выдать своего присутствия.

Я почти не дышу.

— Но почему она живет у тебя?

— Она не живет. Просто приходит выполнять работу. Это совместный... проект, он занимает много времени. Мы уже ждем результатов, так что... Ждать вместе просто удобнее.

Проект... Он назвал нашего ребенка "проектом"! Я зажмуриваюсь — как я могла не видеть этого?.. Не видеть его истинного отношения ко мне?..

"Боже!" в бессильном жесте прикрываю рот рукой. И чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

— Но вы не вместе? — Надежда Ивановна не отстает от него.

Конечно, ей претит мысль, что ее обожаемый Кирюша вновь свяжется со мной.

— Не вместе. Ну хватит допросов, мама. У нас с Ритой не происходит ничего, о чем бы тебе нужно было знать.

Я вслушиваюсь в его голос, такой родной, такой знакомый, но он говорит такие ужасные вещи, что я жалею, что не глухая.

Почему я не оглохла в ту же секунду, как открыла эту дверь? Лучше бы я не слышала ни одного слова из того, что они тут наговорили.

Черт меня дернул уйти с работы пораньше. Так хотела сообщить ему новость...

Зачем побежала за той девчонкой? Если бы я просто позвонила в домофон...

Так и продолжала бы носить розовые очки и верить в силу любви.

Пячусь назад, толкаю спиной дверь и, выскользнув, тихо закрываю ее за собой. Аккуратно, без щелчка — какая удача, что у Потемкина совершенно бесшумная дверь и замок.

Прохожу мимо лифта и спускаюсь пешком по лестницам, даже не замечая этого.

Прижимаю к себе сумочку с использованным тестом на дне. Еще сутки он будет показывать заветное "Вы беременны. 2–3 недели", но вся моя радость от этого события померкла, сдулась, стухла. Ее украли два человека, сидящие и обсуждающие мою незначительность, на чужой кухне в чужом доме, который я, по наивности и непомерной глупости почти считала своим.

Нашим...

Я была счастлива здесь. Пусть всего "2–3 недели", но была.

А теперь... Как он сказал: "общие дела?" Так вот, теперь дело сделано, и Надежде Ивановне, действительно, не о чем беспокоиться. Я здесь не задержусь.

Толкаю дверь подъезда и выбегаю на улицу. На воздух.

Вдыхаю полной грудью, надеясь воздухом унять спазм в груди, который сдавливает, мешает дышать.

Захожу во двор соседнего дома — тут меня не увидят — и сажусь на качель на детской площадке. Медленно раскачиваясь, пытаюсь понять, как оказалась в такой дерьмовой ситуации.

Еще десять минут назад бежала, окрыленная, преисполненная любви, надежды и щемящего счастья, к своему Кириллу, чтобы сообщить ему, что мы беременны! А сейчас, обманутая и раздавленная, пытаюсь не допустить, чтобы мое сердце разлетелось на осколки. Осколки тех самых любви, надежд и счастья...

Как же жжет в груди, в нее будто воткнули раскаленный кинжал!..

Невыносимо.

Что мне теперь делать? Как справиться с болью?!

А мой ребенок?..

Глава 15. Не судьба

На качелях я остаюсь долго, раскачиваюсь, как маятник, приходя в себя и приводя в порядок голову. Она трещит от обилия мыслей и вопросов. Ко всем — к Кириллу, к себе, к Вселенной.

Но и потому, что я не хочу никуда идти. Не хочу возвращаться к ним, не хочу никогда больше их видеть — ни лицемерного Потемкина, ни его мстительную мать.

А когда-то я думала, что нравлюсь ей. Кирилл мне говорил, но теперь я сомневаюсь во всем, что он мне когда-то говорил.

Лжец! Он пел мне и про то, как он хочет ребенка, как мечтает, чтобы тот был похож на меня, и что ему плевать, мальчик это будет или девочка...

Хотя почему лжец?

Он вполне может хотеть ребенка, но кто сказал, что он хочет его со мной?

Внезапная догадка пронзает острой иглой: может, это был его план — дожидаться, когда я рожу, и забрать у меня малыша?! Может, поэтому он согласился на мое предложение и держал меня рядом, а не из-за большой, за годы неиссякающей любви, которую я себе придумала?!

Боже, какая я непроходимая дурища!

Я так хотела, чтобы Кирилл тоже меня любил, что поверила в это!

Мне соврало крышу от пары слов любви, оброненных в порыве страсти, и я поверила в них. Вцепилась в эти слова обеими руками и уже видела нас счастливой семьей. Кирилл, я и наш ребенок.

Кирилл ведь тоже говорил мне о семье, только я, идиотка, не поняла, что он не имел в виду меня. Я не вписываюсь в его идеальную картину семьи. Не вхожу в его планы...

Ну уж нет!

Вскакиваю с качелей. Я не отдам тебе своего малыша, Кирилл Потемкин. И сделаю все чтобы ты никогда о нем не узнал.

Подгоняемая решимостью, покидаю детскую площадку, но иду не домой, то есть не в дом Кирилла, а в аптеку на углу.

— Ты почему грустная сегодня, цветочек? — встречает он меня, когда я вхожу в квартиру.

На этот раз я позвонила в видеодомофон, и он, как обычно, ждет меня у двери.

Мне даже не нужно притворяться, разыгрывая грусть. Я ее чувствую.

Сняв обувь, ставлю на комод для обуви надорванную коробку с прокладками — одну выбросила в урну у соседнего подъезда. Делаю я это молча.

Как ни храбрилась, ни настраивалась, но, стоило ему заговорить, этим своим заботливым нежным голосом, в котором по-прежнему читается любовь, хоть я знаю, что это не так, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться. Ком, мгновенно образовавшийся в горле, разрастается до размеров небольшой планеты, и я даже не пытаюсь его глотать.

Слезы все же выступают, но Кирилл понимает их иначе.

— Брось, Маргаритка, — улыбается, притягивая меня к себе. — Это ерунда же. Ну, из-за чего ты расстраиваешься? Пройдут твои дни, и мы попробуем снова. И снова. И снова, если потребуется. Ну ты чего?

— Ничего, — отстраняясь, выдавливаю из себя улыбку. — Но мы не попробуем. Я

уезжаю.

— Уезжаешь? — он убирает руки.

Резко. Как от чего-то гадкого, вроде таракана.

Лицо сразу становится жестким. Непроницаемым.

— Да. Знаешь, зря я все это придумала. Ты прости меня, Кир. Мы поиграли в семью, и все было прекрасно, но... Я думала, что у меня получится, но ошиблась. Разбитую чашку не склеить, так говорят? — снова тяну губы в улыбку, насквозь фальшивую, но без нее никак. — Слишком сильны наши обиды, это так просто не забывается. Да и родители наши против. У твоей мамы сердце больное, мои тоже тебя не примут после всего... Ребенок только усугубил бы все. В общем, так лучше.

Замолкаю, глядя на него влажными глазами, но он ничего не говорит. Только желваки играют на скулах, выдавая его напряжение. Или злость.

Я бы на его месте тоже злилась.

Я и на своем злюсь...

Не в силах больше смотреть на него, иду в спальню, чтобы собрать свои вещи — хорошо, что я притащила их не много. Не сразу все. Как чувствовала...

— Ты сказала, что уезжаешь, — догоняет меня его мрачный голос.

Он не спрашивает куда, Кирилл никогда не спрашивает, но я отвечаю.

— Да. Мне предложили возглавить центральный офис в Новосибе. Это хорошая возможность, я давно к ней шла, так что с ребенком я пока подожду, займусь карьерой. Спасибо, что согласился, но... не судьба.

— Не судьба... — повторяет он и, не взглянув на меня, даже не обернувшись, выходит из квартиры, хлопнув дверью.

Глава 16. Ты хочешь этой фальши, тогда играем дальше

Второй шанс?

О каком втором шансе он говорит?

Кому он был нужен, этот второй шанс, кроме меня?!

Мои глаза до неприличия округляются. Он, что, прикалывается надо мной?

Вглядываюсь в него, сканирую пристально, но не нахожу признаков усмешки или издевки. Потемкин смотрит прямо и открыто, как благородный рыцарь ордена Тамплиеров, и на полном серьезе ждет ответа.

Не понимаю его... В моей голове не укладывается такая святая простота и незамутненность разума. Как он может сейчас на голубом глазу — и глаза у него, на самом деле, голубые, невероятные — спрашивать меня об этом?

Он реально ничего не помнит или продолжает притворяться, не догадываясь, что я подслушала тот его мерзкий разговор с матерью?!

Самое простое — спросить его об этом в лоб, но к чему ворошить далекое прошлое, хоть и не забытое?

Что мне это даст? Только новую порцию боли и тоски по несбыточному. Не хочу.

Ни тоски, ни боли, ни жалких оправданий, ни очередной гнусной лжи.

Предпочитаю технично съехать с ответа.

— Кирилл, я же все объяснила тебе тогда. И мне казалось, ты меня понял.

— И почему тебе так показалось?

— Ну... Ты не стал дальше меня выпрашивать, не пытался остановить, отговорить, не пустить...

— А я мог тебя не пустить? Ты бы послушала? Не поехала бы, скажи я, что против?.. — он стреляет в меня вопросами, ничуть не сомневаясь, что ответ на них отрицательный.

И мне стремно от того, что он прав. Я отчаянно хочу возразить ему, сказать, что он во всем ошибается — просто из мелкого, низкого чувства противоречия. Но это глупо, это бессмысленно, по-детски, и я качаю головой.

— Поехала бы, конечно. Это было важно. А у нас все равно не складывалось, и я не видела смысла продолжать. А ты?

Я не собиралась задавать этот вопрос. К чему он? Почему он сорвался с губ?

Как некстати...

Но теперь, когда уже проговорила, я осознаю, что очень хочу услышать его ответ. Хочу с того самого дня...

С замиранием сердца и дыхания жду, что он мне скажет.

— А я... — начинает он говорить, но в этот момент в комнату вбегает Кошкина.

— Кирилл!

Я ощущаю острый укол разочарования. И такой же острый прилив неприязни к "невесте" — как не вовремя она влезла!

Но в то же время часть меня нелогично рада, что нас прервали. Я совсем не уверена, что мне понравилось бы то, что собирался сказать мне Кирилл. Я хочу, очень хочу знать, что он тогда думал и чувствовал, но только если он чувствовал то же, что и я. А это, в свете

услышанного мной в тот день, маловероятно. Даже невозможно.

Исключено.

Я все знаю, я слышала это собственными ушами, а не в чьем-нибудь пересказе, искаженном случайно или злонамеренно, но все равно в глубине души еще живет — жила все эти годы — слабая, почти затухшая, бездыханная надежда, что я ошиблась, что-то не так интерпретировала, не поняла...

Только такая дура, как я, может надеяться на подобное.

— Ты приехал? Так рано? — щебечет заигрывающе. — Мне запомнилось, что у тебя сегодня китайцы...

— Корейцы, — исправляет он, и начинает вставать ей навстречу, но она не позволяет.

Подбежав, запрыгивает ему на колени и, обвив шею руками, набрасывается с поцелуем. Таким страстным и жадным, как если бы они были совершенно одни.

Меня она типа не заметила.

Хотя заметила, конечно. Сильно подозреваю, что это был не спонтанный порыв, а продуманная акция — демонстрация того, что этот мужик уже занят и покушаться на него не надо. Но кто покушается — я? Пфф...

Вскакиваю с подоконника, будто меня ужалили и, не глядя назад, на сладкую парочку, поспешно шагаю на выход. Я тут однозначно лишняя, да и мне самой не улыбается смотреть, как они лижутся в метре от меня. Мое спящее чувство брезгливости резко обостряется.

Дождались бы, когда я уйду...

— До свидания, — бормочу негромко в дверях.

— Подожди, Оля. Я не договорил с дизайнером, — слышу за спиной и прибавляю скорость, надеясь успеть удрать.

"Дизайнером? Даже не по имени?"

Но попытка избежать последнего слова проваливается — Потемкин догоняет меня, когда я только достигаю лестницы.

— Марго... — зовет, и я вынуждена обернуться.

Нехотя, ожидая подвоха. Но нацепив улыбку.

Кирилл припечатывает меня взглядом.

— Если поехать в Новосиб было для тебя так важно, почему ты туда так и не доехала?..

Глава 17. Не моя

(POV Кирилл)

— Что у нас на сегодня, Марина?

— Встреча с акционерами в двенадцать. Уже с...

— Это я знаю, — перебиваю нетерпеливо.

Еще бы я не знал!

Это внеочередное совещание инициировал я сам. Появилась суперовая возможность поглотить одного из прямых и мешающих жить конкурентов. Упускать ее нельзя и медлить тоже.

Неожиданная кончина держателя контрольного пакета акций трагична для его семьи, но на руку остальным участникам рынка.

Преемники ни черта не смыслят в большом бизнесе и их можно легко — относительно — раскрутить на продажу. Убедить.

Кидать их на деньги я не собираюсь, не хватало еще руки марать, но избавиться от серьезного игрока, дышащего в спину — кто откажется? Уж точно не я.

Но такой умный я не один и, наверняка, у вдовы и ее отпрысков сейчас очередь из желающих "помочь с делами". Я тоже уже прощупал почву и обозначил свой интерес, но без решения Совета не могу начать реализовывать свой план.

Мне нужны под него деньги. И одобрение.

— Что у меня запланировано кроме собрания?

Секретарь перечисляет мои встречи на сегодня — их, как всегда, немало, день забит, — а я делаю пометки в ежедневнике.

— Потоцкого и банк отмени, — командую, дослушав ее. — Не уверен, что совещание уложится в заданные временные рамки.

— Хорошо, Кирилл Владимирович, сделаю, — она тоже черкает в блокноте.

— Маме клининг заказала?

— Да, они уже там. Виталик примет у них работу. У него все под контролем. Так что можете не волноваться — к ее возвращению будет полный порядок, — улыбается.

— Отлично. Спасибо.

Марина уходит, и я, встав с кресла, отхожу к окну. Панорамные окна — визитная карточка Сити. Вид обязывает. Он тут первоклассный. Впечатляет и завораживает.

Я рвался сюда в том числе и ради этого вида.

Сити — жестокое место. Звездный Олимп для успешных и кладбище для неудачников, но я его люблю.

Хотя в последние дни я тоже чувствую себя неудачником, правда, не применительно к бизнесу.

Я рефлексирую, распадаюсь на атомы от знания, что Марго где-то рядом, в пределах моего периметра, но не свободная.

Не моя.

Конечно, я и раньше это знал, догадывался, но раньше она была где-то там, призрачная, иллюзорная, недосыгаемая. Я почти убедил себя, что ее и не существовало. Так было проще.

А теперь она вновь вошла — с ноги — в мою жизнь, и старая рана напомнила о себе. Болит, пульсирует и ноет.

Причем болит в том месте, в котором ничего болеть не должно, где, как я думал, все уже отболело, но она саднит, зараза, как фантомная боль в ампутированной конечности.

Да, после того, как Марго цинично кинула меня, я ампутировал ее, вытравил из себя. Избавился от агонизирующих мыслей, от бесконечных раздражающих "почему" и зажил, наконец, нормально. Я делал это раньше хренову тучу раз, но раньше у меня ни хрена не получалось. А тут я смог. Я справился.

Но случилась эта никому не нужная яхта и вот, "с добрым утром"...

— Кирилл Владимирович, — оживает селектор. — Вас ждут в конференц-зале.

Совещание прошло непросто. Не все приняли мой план, и мне пришлось потратить немало времени, чтобы убедить их поверить мне и проголосовать "за", а не "против".

И я говорю, говорю, говорю. Сыплю аргументами, жонглирую цифрами, заманиваю перспективами.

По глазам вижу, как сдается сначала один, потом другой сомневающийся. Да!

Когда, наконец, получаю необходимое большинство голосов, я сухо благодарю всех и сваливаю из Овального кабинета.

Выйдя за порог, сразу дергаю узел галстука на шее — не расслабить, снять нафиг. Я надеваю удавку только для таких вот важных случаев. И не ради дресс-кода, а для себя — для внутренней дисциплины и чтобы самому чувствовать, что этот день особенный. Типа талисмана, что ли...

Сегодня он был мне нужен. И он сработал.

Держа галстук в руке, размашистым шагом двигаю к своему кабинету в конце коридора, когда вдруг почти спотыкаюсь о возникшую из ниоткуда девчужку лет пяти.

Светлые вьющиеся волосы, уложенные в замысловатую косу дугой на маленькой головке, и яркое платье в форме тюльпана.

Резко обернувшись, она лучисто улыбается мне и говорит чуть картаво:

— Привет!

— Привет. А ты одна здесь?

Обвожу взглядом большой холл со стеклянными дверями вдоль одной стены — кроме нас с девочкой никого.

— Я тут с Димой, — отвечает уверенно и громко, словно, если она скажет тише, я ее не услышу.

Дети всегда так делают?.. Так обычно разговаривают со слабослышащими.

— Дима — это твой папа? — присаживаюсь перед ней, чтобы сравняться по росту. Как-то не айс возвышаться над ней каланчой. — Или брат?

— Аха, — кудряшка увлеченно сосет леденец.

Улыбаюсь неволью — ее обаянию невозможно сопротивляться:

— Так папа или брат?

Она смотрит на меня, не отрываясь, но ничего не отвечает. Продолжая облизывать зефир на палочке.

Не знаю как, но я догадываюсь, что она предлагает мне самому сделать выбор. Типа она сломалась и умеет отвечать только "да" или "нет".

— Папа?

— Аха! — восклицает радостно, амплитудно кивая для вящей убедительности.

Я тоже радуюсь — своей догадливости.

— А где твой папа?

Задавая вопрос, опасаясь, что она вновь предложит мне накидывать варианты, но кудряшка деловито делится инфой:

— Он в офисе, у него совещание. Очень важное. А тебе не надо на совещание?

— Мне не надо, — понизив голос, шепчу ей заговорщически: — Я тут главный.

Не знаю, откуда это взялось. Чисто порыв.

— Дима тоже главный!

— И твой Дима разрешил тебе гулять по этажам и ездить на лифте?

Задумывается.

— Не разрешил. Но я не спрашивала разрешения. Я просто ушла. Я тоже сама себе главная и са-мо-сто-я-тель-на-я, — горделиво.

— Самостоятельная — это круто, но разве можно уходить, не сказав папе? Вдруг он тебя потерял?

— Ой... — в глазах появляется безумный испуг, и они наполняются слезам.

Резко, в один миг, будто кто-то со всей дури крутанул вентили огромных кранов.

А мокрая от слюней зефирка падает из ее рук и смачно шлепается на мой почти белый ковролин.

— Так, не плачь только, — еще слез мне не хватало! — Сейчас мы найдем твоего папу. Ты знаешь, как называется фирма... ну, офис, где он работает?

Мотает головой, крупные слезные капли слетают с щек, как с центрифуги, и шлепаются мне на губы. Соленые...

— А с какого этажа ты сюда приехала?

Продолжая плакать, она задумывается.

Дети в таком возрасте уже знают цифры или еще нет? Я ни хрена не разбираюсь в детях! Где, вообще, кто-нибудь из сотрудников? То торчат часами в холле, то, блин, никого. Ни одной живой души!

— Помнишь, какие цифры были на кнопке в лифте, когда вы поднимались? — пытаюсь подсказать, как могу.

Она кивает, и я собираюсь облегченно выдохнуть, когда она добавляет:

— Шестнадцать, двадцать четыре, двадцать пять и тридцать восемь, — заявляет торжественно, перестав плакать.

Вот так же резко, как разразилась слезами, так же быстро она от них избавилась. Как по щелчку пальцами.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не изобразить "рукалицо". Но не в адрес девочки, а в свой. Тупень я — ясно-понятно, в лифте они ехали не одни, и кнопок там горело немеряно. Ну, хоть одно выяснили — с цифрами девочка уже знакома, и то гуд.

Четыре этажа пройти — не проблема.

— Ну вот, ты уже не плачешь. Пойдешь со мной? Мы найдем твоего Диму.

— Аха, — доверчиво протягивает мне руку, даже не задумываясь.

Неуд тебе, незнакомый Дима, за подготовку ребенка к общению с чужими взрослыми. Повезло, ей я попался, а если не я..?

Ее выставленная ручка творит со мной странное. Я, мать вашу, напуган. И не пойми откуда появляется мысль, что, когда я возьму эту протянутую руку, моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Вот же хрень.

Отмахиваюсь от мракобесного бреда в башке, и осторожно, будто она фарфоровая,

обхватываю ее крохотную ладошку своей широкой. Она улыбается. Я, вроде, тоже.

Выпрямляюсь, чтобы развернуться и вести девочку к папе. Черт, я даже не спросил ее имя!..

Немедленно исправляться.

— Как те...

— Спасибо большое, что нашли ее! — подлетает сзади молоденькая девчушка и сходу подхватывает потеряшку на руки. — Кнопка, ты почему ушла? Мы тебя обыскались. Нельзя же так!

— И мама обыскалась? — выдернув свою ручку из моей, прикладывает ее к лицу в жесте "О, Боже!"

— И мама. Идем скорей. Спасибо Вам еще раз, — та, что постарше, прижимает свободную руку к сердцу.

— Подождите, девушка, — останавливаю ее.

Это полная хрень, но я чувствую себя обокраденным. Будто меня только что обошли конкуренты, отжали какой-то прибыльный контракт.

— А вы... кто? И что...

— Это Зоя, мамина сотрудница. А это главный дядя. — И ей в ухо громким шепотом: — Он — сыщик.

— Сыщик? — бросает на меня удивленный взгляда.

Слегка качаю головой, давая понять, что спрашивать нужно не у меня.

— Он хотел помочь мне найти Диму, — объясняет. — Ну, идем уже! Он же волнуется.

И кудрявая Зоя с "кнопкой" на руках устремляется к лифтам.

Ожидая кабину, они переговариваются, напрочь забыв обо мне, и почему-то у меня из-за этого неприятно тянет в груди.

Там, где давно отболело...

Глава 18. Никогда

(POV Рита)

Выслушивая эмоциональную речь представителя субподрядчика, изобилующую ненормативной лексикой, чувствую себя нашкодившей кошкой, которую хозяин тычет мордой в лужу.

А лужа-то не моя!

Бранные словечки, кстати, ничуть меня не коробят — я его возмущение очень понимаю и на его месте еще не так бы выражалась. Вот только отказаться, как он, от проклятого заказа не могу — я связана кабальным договором, и вынуждена терпеть все выходки Кошкиной.

Как показала печальная практика, дурновкусие — не самый страшный из ее грешков. Самодурство — вот вишенка на торте отвратительных манер невесты Кирилла.

Я сама не присутствовала при инциденте, но со слов рабочих живо представила себе, как госпожа "владелец проекта" заставила их отдирать от стен и потолка еще не высохшие, а потому серые и неприглядные, лепные карнизы и молдинги.

— Я этой мадаме русским языком объясняю, что, когда гипс просохнет, он будет выглядеть точно так же, как на картинках в ейном модном журнале, а она тычет мне ими в морду и велит "убрать это убожество с ее глаз".

Зойка рядом не сдерживается и прыскает со смеха. Декоратор недобро косится на нее, и моя внештатная сотрудница, подавившись смехом, принимает серьезный вид. Я тоже с трудом сохраняю невозмутимость на лице.

— Я ей говорю: штукатурка не высохла, она отвалится вместе с лепным декором, но она все одно талдычит: "снимайте немедленно эту порнографию". Ну мы и сняли, и полстены обвалилось. Вот так сюрприз! Теперь она просит переделывать. Это за чей же счет?

— За ее счет, — тороплюсь его заверить — мне нужно, чтобы они согласились.

Они — лучшие в своем деле. Если ей не нравится их работа, не понравится ничья. А я не могу сдать заказчику комнату, которая по проекту с лепными элементами, без этих элементов. Поэтому должна убедить их продолжить работу. И закончить ее, несмотря на закидоны "владелицы проекта".

— Заказчик оплатит все: и повторное изготовление лепных элементов, и восстановление испорченной штукатурки. Но их нужно восстановить.

— Я с этой самодурной бабой работать больше не буду, — категорично заявляет старший из специалистов.

— Не надо с бабой, вы работаете со мной, — мягко, но настойчиво уговариваю я. — Я гарантирую вам, что подобного больше не повторится. И постараюсь сделать так, чтобы заказчица не беспокоила вас до тех пор, пока декор не высохнет и не будет выглядеть так, как должен. Договорились?

Он ломается еще полчаса, и я пускаю в ход все доступные мне средства убеждения — от обаяния до тонких намеков на пункты неисполнения договора. У них они тоже прописаны, хоть и не такие жесткие, как у меня.

Когда, наконец, мы выходим, достигнув понимания, я шумно выдыхаю.

— Эт-то было круто! — восхищенно тянет Зоя. — Я была уверена, что тебе не удастся их уломать, но ты смогла. Волшебница!

— Бастинда, аха.

— Почему Бастинда?

— Платье фиолетовое. Забей. Я сейчас в "Сити", за Евой, она на больничном, и ее Димка с собой взял. Тебя куда подбросить?

— А можно мне тоже в "Сити"?

— Можно. Но зачем?

— Обожаю его. Стеклянные джунгли, панорамный вид и все такое...

— Поехали, — пожимаю плечами.

В Башне Зойка сначала тащит меня подняться на эскалаторе и только потом пересесты на лифт. Восторженно глядя по сторонам, она не устает восхищаться:

— Крутое место. Вот бы у нас был тут офис.

— У кого "у нас", учитывая, что ты свободная художница и "на дядю" не работаешь?

— Зато я работаю на тетю, — растягивает рот в улыбке так, что она становится больше похожа на оскал.

— За "тетю" спасибо, но ты же в офисе бываешь пару раз в месяц.

— А будь твой офис в "Сити", бывала бы чаще и, глядишь, мужика какого приличного отхватила, — мечтает она вслух, пока мы ждем лифт в специальном закутке.

Учитывая, что мы тут не одни, я воздерживаюсь от комментариев — ехидных по большей части, — ограничиваясь улыбкой.

К осуществлению своих наполеоновских планов Зойка приступает немедленно и, ничуть не скрываясь, нахально строит глазки молодому парню в очень дорогом костюме. Я не сомневаюсь, что именно по этой причине на него пал выбор новоиспеченной охотницы за женихами — внешне он ничем не выделяется из толпы. И других видимых преимуществ лично я в нем не заметила.

Кабинка почти битком, поэтому лифт останавливается часто, кто-то выходит, кто-то заходит и зажигает новый кружок на цифровой панели.

На очередном этаже двери вновь открываются, и выходят две девушки в строгих, но подчеркивающих все изгибы стройных тел, деловых костюмах и блузах с очень глубоким вырезом. Но прежде, чем створки успевают закрыться, я вижу Еву.

Мою Еву.

Мою Еву в ее "модном" платье, а на корточках перед ней сидит мужчина.

И этот мужчина не Димка.

Этот мужчина...

О. НЕТ!

Нет!

Пожалуйста, нет! Только не это.

Сердце бунтует, идет вскачь, рвется из груди, как и сама я рвусь к дверям кабинки, но они безжалостно съезжаются передо мной, запирая в своем плену, а лифт бесстрастно тащит меня вверх.

— Стойте, — луплю ладонями по глянцевым створкам. — Дайте выйти.

— Что с тобой, Рита? Куда ты? — Зоя выглядит встревоженной.

Боковым зрением ловлю взгляд двух мужчин из противоположного угла — они, вообще, смотрят на меня как на полоумную. Приказываю себе успокоиться.

— Мне нужно выйти. Там Ева. И она... одна! — говорю тихо, но голос срывается.

Бросаюсь к панели управления, чтобы нажать ближайший этаж — мне больше не нужно

наверх, — но цифры на дисплее показывают 37. Следующий наш.

Характерный писк, двери разъезжаются — ну почему же так медленно?!

Протискиваюсь сквозь них, наплевав на свое любимое платье, но врезаюсь в грудь кого-то, кто стоит слишком близко. Видимо, тоже хочет войти в лифт, не дожидаясь, когда створки откроются полностью.

— Извините, — бормочет незнакомая девушка, отводя взгляд и заскакивая в лифт, едва не сбив с ног Зойку.

— Что, все с ума посходили сегодня? — та отпрыгивает подальше от дверей и с удивлением смотрит на меня: — А почему мы обратно не едем? Ты же изнутри дверь чуть не вынесла, а сейчас отпустила лифт.

Ее голос звучит у меня на периферии, потому что мозг переполнен мыслями и вопросами от "как это могло произойти", "ну почему именно со мной?" до "что же мне теперь делать?!"

Как это могло произойти узнаю потом. Сейчас главное — вырвать дочь из рук Потемкина.

Но как?

Как это сделать, при этом не выдав ему, что она моя?!

"Думай, Рита. Ты должна что-то придумать!"

— Рит, с тобой все нормально? — с опаской спрашивает Зоя, и я осознаю, что закусил губу так сильно, что раскровила ее.

Разжимаю зубы и пытаюсь улыбнуться.

Зойка. Со мной же Зойка!

— Нормально. Тот лифт уехал наверх, а нам нужно вниз, — быстро отвечаю на последний вопрос, который запомнила, и тычу в кнопку вызова. — Ты запомнила, какой там был этаж?

— Да... — отвечает неуверенно.

Мой фотограф однозначно в шоке от перемен в моем поведении. Но с этим я буду разбираться потом.

Сейчас главное — Ева.

— Отлично. Сейчас ты поедешь и заберешь Еву. Она тебя знает, и...

— Почему я, а не ты?

— Не спрашивай. Это долгая и дикая история. Но мне нельзя появляться перед тем мужчиной. Просто прошу тебя: забери мою дочь.

— Ладно.

Одно из достоинств Зойки — она больше человек дела, чем слов. Поэтому лишних вопросов не задает, а молча входит в пришедшую кабинку и едет вниз.

— Только, пожалуйста, никакой лишней информации, — успеваю дать последние инструкции, перед тем как двери смыкаются, но Зоя кивает.

Я остаюсь ждать ее, вновь вгрызаясь зубами в нижнюю губу.

Нервно переминаюсь с ноги на ногу, едва не подпрыгиваю от нетерпения, следя за движением кабин на дисплее. Однако все едут мимо, а время словно остановилось.

Наконец, сигнал оповещает о пришедшем лифте, и я кидаюсь к нему, но оттуда выходит та самая девушка, с которой мы столкнулись, когда она садилась в него.

— Извините, — уже бурчу я, но замечаю, что она бледная, и спохватываюсь: — С вами все в порядке?

— Да, — отвечает равнодушно и безэмоционально. — Я в порядке. Я просто потеряла ребенка.

Проходит мимо, и я теряю к ней интерес, но потом ее слова доходят до меня.

— Какого ребенка? — обернувшись, спрашиваю ей в спину.

— Дочку нашего ди... — в ее глазах мелькает догадка. — Вы Маргарита Александровна, да?

— Да.

Мы с ней точно никогда раньше не встречались, но на рабочем столе у Димки стоит двойная рамка с фотками меня и Евы. Скорее всего, она видела ее. Я там загорелая, улыбчивая и с распущенными, выгоревшими почти добела, волосами, но узнать меня все же можно.

— Простите меня, пожалуйста, — тараторит девушка. — Я не знаю, как так вышло. Дмитрий Анатольевич доверил Еву мне, и мы с ней поладили. Играли, рисовали, делали оригами, а потом я отвлеклась... Всего на секундочку, а она сбежала. Я перерыла весь этаж, но ее нигде нет.

— А куда вы ездили сейчас?

— На охрану. Дала ее приметы и фото.

— Откуда у вас фото? — удивляюсь.

— Мы играли, делали селфи. Она у вас красавица...

— Это точно, — улыбаюсь и собираюсь сказать ей, что "красавица" нашлась, как звуковой сигнал вновь подает голос, и Ева въезжает в холл на руках у Зои.

Лицо девушки расплывается в такой счастливой улыбке, что я понимаю — слова не нужны.

— Ева! — кидается к ней, та тоже, довольная, тянет ручки.

Какой, оказывается, общительный у меня ребенок.

Пока девочки болтают, будто не виделись сто лет и встретились после долгой разлуки, я спрашиваю Зою:

— Как прошло?

Сердце замирает в ожидании ответа, а низ живота сковывает холодом.

— Нормально. Мужик сначала не хотел мне ее отдавать, допрос устроил.

— Почему? — я едва шевелю губами от страха.

— Проявил бдительность, не хотел отпускать девочку с кем попало. И правильно, между прочим. Но Ева выступила моим гарантом, и он нас отпустил.

С облегчением поднимаю глаза к потолку. Слава Богу, он ничего не заподозрил.

Но расслабляться мне рано. Как я могла допустить, чтобы Кирилл встретился с дочерью?

Вот так просто, один на один. Если он задаст ей правильные вопросы, то получит честные ответы и все поймет!

Или хуже — увидит ее родинку. Точно такую же, как у него, на том же самом месте. Он ни за что не поверит, что это совпадение.

Я не смогу доказать ему обратного.

Нет. Эта встреча никогда не должна была случиться.

И точно не должна повториться.

Никогда.

Глава 19. Фиаско

— А Дима не с вами? — с удивлением глядя на то, как, войдя, я закрываю за собой дверь родительской квартиры, спрашивает мама.

— Нет, — громко и беззаботно отвечает за меня дочь, подлетая к ней. — У него нарисовались срочные дела.

— Пряма-таки нарисовались? — сдержанно улыбаясь, мама заключает внучку в объятия.

— Так он сказал, — кивает та с важным видом.

Мне тоже остается лишь подтверждающе кивнуть — сказал, — и выдавить из себя улыбку. С этой несложной задачей я вполне справляюсь и мысленно благодарю дочь за спасение — совладать с голосом мне было бы намного труднее. Все же то, что Димка в последний момент отказался идти с нами на ужин к родителям, очень меня обидело. Задело. Я даже не представляла, как сильно, но едва сдерживаю слезы, вспоминая об этой подставе.

— Ты же обещал, — отказывалась я верить в происходящее.

— Прости, любимая, но нарисовались срочные дела.

И, мне кажется, впервые он не уточнил какие. Да я и не спрашивала, огорошенная, просто взорванная ситуацией.

Это такой важный день для нашей семьи, юбилей со дня свадьбы родителей. Они празднуют каждые пять лет совместной жизни, и для нас это Событие с большой буквы.

День семьи.

Тем более, последние два праздника я пропустила.

Потому что испортила тот, что был до них. Пятнадцать лет назад.

В тот раз мой любимый на тот момент мужчина, мой официальный парень, тоже не смог пойти со мной, несмотря на то, что родители — мой отец — пригласили Кирилла лично. И это обернулось катастрофой. И для банкета, и для наших с ним отношений.

И для меня.

После того жуткого дня я долго собирала себя по осколкам, по ошметкам, по частям, но какие-то очень важные части в процессе, явно, потеряла. Фундаментально важные. Маргообразующие...

Следующий юбилей прошел без моего участия по причине моего нестерпимого, так и не прошедшего за пять лет, чувства вины и жгучего стыда за прошлое фиаско. Я просто не могла прийти, как ни в чем не бывало, и смотреть в глаза родителям и их гостям, которые собственными глазами наблюдали мой позор.

А тот, что был пять лет назад, я пропустила уже по более уважительным, объективным причинам — Ева тогда только родилась, и мне было не до торжеств. К тому же, я была далеко отсюда... Мама даже хотела все отменить, нарушив многолетнюю традицию, и мчаться помогать мне с дочкой, но я не позволила — моя совесть уже достаточно утяжелена испорченными праздниками.

И вот история повторяется...

Конечно, в этот раз все не так, и я точно знаю, что Дима меня не обманывает, но все равно не могу отделаться от липкого ощущения дежавю и подсознательно жду какого-то подвоха. Тогда тоже все казалось вполне невинно...

Гостей не много, все близкие, и верная подружка Лизка тут как тут, но все парами. И только я одна. Ева не в счет, потому что рядом ее нет, она в отдельной комнате с другими

детьми, и ей не до рефлексирующей из-за пустяка матери.

А я действительно рефлексирую. Не могу расслабиться. Не могу просто забыть и наслаждаться днем нашей семьи, веселиться вместе с родными.

А еще чувствую себя брошенной...

Надеюсь, что Дима придет хотя бы к концу вечера, но его нет, и я перестаю ждать.

Болтаю с Лизой, с ее мамой, старательно натягивая на лицо улыбку и безмятежность — зачем портить другим настроением кислым видом? — но внутри у меня вакуум.

Решаю не дожидаться выноса торта, предпочтя смыться пораньше — устала лицедействовать.

Ева остается у бабушки, ее от них только силой утаскивать, но сейчас я даже рада, что она так привязана к бабушке с дедом.

Хочу побыть одна. Пройтись и подумать. Подышать.

Мы приехали сюда на такси, поэтому, выйдя из подъезда, я просто поворачиваю в сторону центра. Иду бесцельно, не обращая внимания на названия улиц, просто шагаю, подчиняясь обстоятельствам. Если на перекрестке мне горит красный и ждать нужно долго, я поворачиваю и иду до следующего. Если зеленый, перехожу, иногда даже ускоряясь. Не потому, что мне обязательно нужно на ту сторону, а... просто.

И сама не замечаю, как ноги и схема включения светофоров в столице приносят меня к дому Кирилла.

Тому самому дому...

Я даже не знаю, живет ли он еще здесь, да даже если и живет, что это меняет? Меня он все равно не ждет, да и я не рискну к нему сунуться.

Или рискну?..

Разум кричит, что мне нужно уходить отсюда как можно быстрее, но сердце, мое глупое наивное сердце, сопротивляется. Оно еще надеется на что-то.

На что?!

А туфли будто вросли в асфальт, и я не могу сдвинуться с места.

Стою замершей статуей недалеко от подъезда, не понимая, как здесь оказалась и что делать дальше. Продолжаю сомневаться, спорить с собой, с двумя разными "я". Одна убеждает, что нужно обязательно позвонить в домофон, раз уж пришла. А другая справедливо фырчит, что даже если он дома, он там не один, а со своей злой барби, и велит немедленно убираться отсюда, пока не поздно.

Не поздно для чего?

Во всем, что касается Кирилла, для меня давно уже поздно...

Пока я веду бессмысленный диалог с собой, не замечаю, как сзади ко мне подходят, и бархатный голос, ласкающий кожу уха на расстоянии и посылающий рябь мурашек по телу, как по поверхности ночного озера, спрашивает:

— Надеюсь, ты ко мне?

Глава 20. Сталкерша

Не оборачиваюсь.

И не дышу.

Даже не моргаю.

Замерла. Застыла.

Не могу ответить ему, да и не хочу — слова только все испортят.

Прикрываю глаза, продлевая этот момент.

Я так остро чувствую его присутствие. Так же остро, как и раньше. Или даже острее. Каждой клеточкой, каждой ее тончайшей мембраной, каждым волоском на коже я ощущаю Его.

И не знаю, чего от него ждать. От этого ужасно нервничаю.

Все нервные окончания во мне оголены и натянуты до предела. Я словно ощерившийся ежик, но вместо иголок из меня торчат нервы. Которые не жалят внешнего врага, а бьют током их носителя.

То есть меня.

В голове адронный коллайдер из миллиона мечущихся с бешеной скоростью мыслей, но все их можно разделить на две группы с подзаголовками: нафиг я сюда приперлась и почему до сих пор не ушла?..

Кирилл обходит меня и заглядывает в глаза прямым пронизывающим меня насквозь взглядом, привычно заломив правую бровь.

Ноги мои подкашиваются и норовят сложиться, переломившись в нескольких местах.

"Соберись, Маргоша!" умоляю себя мысленно.

Но не получается.

Я впадаю в состояние глубокого транса или даже коматоза, просто от того, что могу смотреть на него.

Не смотреть, а пожирать глазами. Узнавать каждую черточку лица, каждый лучик в уголках некогда любимых глаз, каждую крапинку на небесно-голубой радужке.

Могу чувствовать его запах. Уникальный, узнаваемый, неизменно дурманящий — так пахнет только он. Меня сносит им. Захлестывает.

Я не могу — никогда не умела — разложить запах Кирилла на ароматы, ноты и акценты, но я узнаю его везде. В любой толпе, даже не видя его, я сразу пойму, что он рядом — учую. Я и не представляла, как сильно скучала по этому запаху, и вот я снова могу вдыхать его, вбирать в себя, впитывать...

И я дышу. Дышу полной грудью.

Мне нужно это еще и потому, что его близость вновь творит со мной странные странности. В груди сразу становится тесно, дышать физически тяжело, я будто я кит, выброшенный на берег. Я задыхаюсь, и поэтому дышу.

Парадокс — я задыхаюсь без него, и не могу надышаться, когда он рядом.

По животу расплзается жгучий холод, а ладони, напротив, противно влажнеют, и хочется вытереть их о подол платья. Я едва сдерживаюсь, чтобы не сделать этого, тем самым выдав свое состояние.

Но еще сложнее удержаться от того, чтобы не дотронуться до него. Не протянуть руку — ведь он так близко! — и не коснуться. Я физически ощущаю боль от того, что нельзя...

Кончики пальцев нестерпимо колет от желания взять его за руку, шагнуть ближе, вжаться в него.

И вновь чувствовать, что он мой. Мой... Мой! Голова кружится от одной мысли.

Но нет...

Он не мой. У меня нет никаких прав на него. Нет права даже думать об этом.

Это просто встреча — случайная — двух бывших... Когда-то любивших друг друга. Одержимо и зависимо. Но это было давно.

А сейчас он передо мной, а я... Я...

— Я тут случайно, — выпаливаю, стремясь разрушить кокон ностальгии, в который сама себя закутала, это очень опасный путь. — Просто гуляла без определенной цели и вдруг оказалась здесь.

— Уверен, тебя сюда привел...

— Заключивший внутренний джипиэс, — перебиваю, смеясь, не позволяя ему сказать лишнего.

Мне и так неловко, что он застучал меня возле своего дома.

Как какую-то сталкершу.

Боже, стыдно-то как!

Мои щеки пылают, но я стараюсь выдать это за румянец смущения. Тем более его тоже хватает.

— Ты чем-то расстроена, — роняет утвердительно и уверенно.

И хоть он не спрашивает, я спешу ответить, отрицательно качая головой и улыбаясь — для убедительности.

— Нет. С чего ты взял?

Но не прокатывает.

— Я знаю тебя, Марго. Знаю очень хорошо. И если ты "просто гуляешь", значит, у тебя что-то случилось. Шататься по улице тебя тянет только в разобранном состоянии. Но ты права, ты не расстроена, ты... — он подбирает слово: — Обижена. Твой Дима накосячил?

— Он не косячил! — возмущенно возражаю.

Протест вырастает во мне так резко и внезапно, я возражаю Кириллу так пылко, что и сама убеждаюсь в том, что ничего преступного в действиях Димки не было. Дмитрий Гладких, на самом деле, очень занятой человек, и, на самом деле, впервые — а знакомы мы уже почти четыре года — поставил свои дела выше моих. Он совершенно не виноват, что у меня никудышный "анамнез", фантомные боли и паталогические страхи.

И внушил вот это вот всё мне вовсе не Дима, а человек, стоящий сейчас передо мной и разыгрывающий из себя знатока моих "состояний". Вот где наглость!

— Если кто и накосячил, то это ты! Не хочешь ответить за это? — бросаю обвиняюще, но в конце фразы голос вероломно дрожит и срывается.

С досадой отвожу глаза, но тут же скидываю их снова, потому что Кирилл заявляет:

— Хочу. За все хочу ответить, — тихо и убежденно.

Ловлю воздух ртом, а он, шагнув ближе, берет меня за руку. Переплетает мои ледяные, одеревеневшие пальцы с его мягкими и теплыми, как он делал всегда, подносит к губам и касается ими пальцев.

Я обмираю. Это так остро и чувственно, так знакомо, что меня пронзает молния внезапного желания, а холод в животе превращается в жидкую лаву.

— Пойдем ко мне, — низко просит он, глядя мне в глаза поверх моих пальцев, все еще

прижатых к его рту.

Его взгляд зазывный и откровенный. Многообещающий.

От контакта с ним в моих глазах мутнеет, а дыхание спотыкается.

Я знаю только, что не могу! Ему! Сопротивляться! Больше всего на свете хочу сказать "да".

Но мне нельзя. Я не должна. Я...

Осторожно вытягиваю у него свою руку, но он не позволяет, вновь перехватывая ее.

— Пойдем? Ты не пожалеешь, обещаю.

Снова этот пламенный взгляд, от которого я плавлюсь, как прозрачная льдинка.

Закрываю глаза.

О, Боги!..

Глава 21. Сталкер

Кирилл не ждет, пока я соберусь с мыслями, не дарит секунды, нужные мне, чтобы найти в себе силы отказать ему.

Он, действительно, знает меня как никто, как, наверное, я сама себя не знаю — по крайней мере, так было раньше, — и пользуется этим знанием против меня.

Я колеблюсь между тем, чего мне нелогично хочется, и тем, что считаю правильным для себя. Нелогичная я перевешивает... Нужен убойный аргумент в пользу правильной Марго, но он не находится.

Зная об этом моем внутреннем диалоге, борьбе с собой, Кирилл не медлит. Не отпуская моей руки, уверенно ведет меня к двери подъезда, которая распаивается бесконтактно и заранее — сканер лица узнает Кирилла издалека.

Я спотыкаюсь в холле, неловко молчу в лифте и стараюсь не думать, зачем я согласилась, точнее, почему не сопротивлялась, когда он вел меня так нахально, так по-хозяйски, будто не сомневался, что я пойду.

А он и не сомневался.

Это бесит и одновременно трогает, даже радуется, и в дичайшем раздрае от своих противоречивых чувств я кусаю губы. И даже не замечаю этого, пока Кирилл не касается большим пальцем моей нижней губы, вытягивая ее из-под резцов.

— Я же сказал, что ты не пожалеешь. Верь мне, Марго.

Слабо улыбаюсь и радуюсь остановке лифта на его этаже.

— Велкам, — распаивает он передо мной дверь.

"Хоум", договариваю я про себя, и внутри меня что-то обрывается. Но я справляюсь с собой.

Робко войдя в знакомую, подарившую и счастье, и боль, квартиру, первое, что вижу — стеклянный стеллаж с коллекционными машинами, и мое волнение резко сдувает.

Машины всегда были фетишем Кирилла. И он заразил этой любовью и меня.

Эта витрина — настоящее произведение искусства. Каждая полка тонкого стекла по периметру и каждая модель точно подсвечены. На нескольких полках встроены крутящиеся элементы, приковывающие взгляд и внимание.

Стильно. Дорого. С любовью.

— Не знала, что ты сохранил тот мой эскиз. Первый и дилетантский.

— Я храню все, что связано с тобой.

Вспыхнув, не смотрю в его сторону. И так знаю, что он стоит, подперев плечом стену, и цепким взглядом кукловода наблюдает за мной, выжигая на моей коже узоры.

Мысленно сбрасывая с себя его взгляд, подхожу ближе и восхищенно рассматриваю коллекцию. Каких только марок тут нет! И очень раритетные, и современные, и даже редкие концепт-кары.

Да, нынешний Кирилл может позволить себе любой экземпляр, даже штучного производства, даже на заказ.

Выискиваю в этой авто-сокровищнице его любимую модель — Aston Martin Vanquish. Он всегда мечтал об одной из тачек Джеймса Бонда, но не находил.

И я сейчас ее не нахожу.

— А Ваниш? — спрашиваю озадаченно. — Ты так и не нашел ее? Не исполнил мечту?

— Моей мечтой было иметь ее в гараже, а не на полке. Она слишком хороша для клетки.

Небрежным движением кидает мне что-то, я автоматически поднимаю руки и ловлю. Удачно.

Разжимаю кулак — ключи от машины с брелоком. Перевернув, я улыбаюсь, увидев узнаваемый значок "Астона".

— Чай? — не допуская паузы, спрашивает Кирилл.

— Почему не кофе?

— Ты никогда не любила кофе.

— Я могла измениться? — отлипаю от стеллажа и делаю шаг в гостиную.

— Надеюсь, что не сильно... — его прямой взгляд вновь обжигает.

Отвожу глаза, спасаясь от ощущения, что к радужке приложили паяльник. Только Потемкин умеет смотреть так, что после его взглядов на коже остаются волдыри.

Или это я так на него реагирую. Но некоторые ожоги у меня до сих пор не затянулись...

— Чай, — соглашаюсь.

На кухне все так же, как тогда. Не поменялось абсолютно ничего — та же мебель, те же шторы. Их, кстати, покупала я. Странно...

Кирилл достает заварник и пачку китайского зеленого чая. Помнит...

Когда он убирает чай обратно в шкафчик, я замечаю край цветной упаковки, подозрительно похожей на... Поддавшись порыву, устремляюсь к гарнитуру и резко тяну на себя дверцу. Верхняя полка двустворчатого шкафа буквально забита пакетами чипсов, семечек, соленого арахиса и зерен для приготовления домашнего покорна — всем, что он до сих пор называет малосъедобной ерундой. Глаза разбегаются от изобилия.

Заторможенно хватаю один пакет и отпускаю дверцу. Дернув за края, размыкаю упаковочный шов и достаю пару чипсин. Кладу в рот — восторг...

— Чипсы? — спохватываюсь, споткнувшись о его самодовольный взгляд. — Ты же их не ешь. Не ел...

— Они не для меня, — невозмутимо бросив, отворачивается к выключившемуся чайнику.

— Для Ольги... — догадываюсь я, и вкус во рту резко портится.

Хочется выплюнуть гадость, иначе меня стошнит.

— Она тоже не ест. Она на ПэПэ.

Он все так же невозмутим, а у меня в груди взрывается фейерверк. Неверия, сметаемого радостью от дикого предположения, что если эти снеки не для них, то они... для меня?..

Губы сами собой расплываются в улыбке, и я повторяю услышанную где-то шутку:

— На Пицце Пепперони?

Обернувшись на меня, он тоже улыбается.

Ставит на стол кружки, и я вновь спотыкаюсь внутренне, перестав хрустеть чипсами. Это не чашки из сервиза, а обычные кружки. Любимая его и... моя.

Из холодильника достает мои любимые лакомства — зефир, мармелад, желешки в стаканчиках.

— Ты же не ограничишься одними чипсами? — заламывает бровь.

А я залипла на одном мучающем меня вопросе.

— Ты что, ждал меня? Знал, что я приду?..

Глава 22. Фэйспалм

Как же хочется поскорее разделаться с этими бесячими садами!

Кошкина, как вампир, высасывает из меня позитив и человеколюбие, оголяя злую раздраженную стерву. Но стерву сдержанную — профессионал я или где?..

Однако профессионал во мне на исходе...

Каждую нашу встречу я трачу кучу сил и времени, чтобы согласовать с ней мельчайшие, незначительнейшие детали. Она придирается ко всему, начиная от кажущегося отклонения цвета на полтона до неидеально чистой одежды работников. На секундочку строителей, а не бизнесменов.

Мысленно я закатываю глаза, а внешне терпеливо слушаю и внимаю, согласно кивая в нужных местах. Спорить с ней я давно завязала.

Вот и сейчас Кириллова барби — розовая приталенная блуза и юбка-солнце еще усиливают ее похожесть на куклу — отчитывает меня за очередной "косяк", а я изображаю смирение и мнимую готовность немедленно бежать и все исправить.

Тем более, я реально очень тороплюсь и готова наобещать что угодно.

Сегодня у Димы редкий свободный вечер, он пригласил нас с Евой в кино, и я просто не имею права опаздывать. Из-за тотальной занятости нас обоих, в последнее время мы очень редко проводим время все вместе, как семья, и этот вечер я не пропущу!

Ни за что!

— Все записала, Ольга Сергеевна, — тороплюсь зафиналить ее словоизлияния. — Учту все ваши замечания. Гардеробную завтра же перекрасят в более светлый оттенок.

— Напоминаю: танцующее облако, а не звездно-белый, — высокомерно кривя губы.

— Конечно. Я прослежу.

Если мои глаза еще раз закатятся, больше, боюсь, не захотят раскатываться обратно. Я всегда знала, что цветовые палитры, растиражированные в интернете — это зло. Они, конечно, расширяют горизонты далеких от искусства людей в многообразии оттенков, но и неслабо искажают.

И вот эта экспертша по цветам стоит, приложив телефон с выведенным на экран образцом заказанного танцующего облака, и тычет мне в несоответствие. Будто с первого раза я не поняла.

Ну фэйспалм же!

И ради этой "вселенской катастрофы" я примчалась в поселок под конец рабочего дня...

— Если хотите, можете принять участие в колеровке краски. Это бы по...

— А вам я тогда за что плачу? — возмущенно-уничижительно.

— Ну, допустим, мне платите не вы... — в моем голосе все же пробивается сталь — достала, коза!

Строит из себя хозяйку жизни. Да кто ты, вообще, без Потемкина?!

— Кирилл — мой жених, почти муж, так что, считайте, это одно и то же.

— Обязательно, — холодно. — После свадьбы.

Я разворачиваюсь и иду к выходу — для меня разговор закончен. Если останусь еще хоть на минуту, наговорю еще чего-нибудь лишнего.

Например, про то, что всего пару дней назад я была дома у ее жениха-почти-мужа, и что шкафы на его кухне забиты воспоминаниями обо мне.

Зря я об этом вспомнила...

Это вновь возвращает меня к событиям того дня, который мне хотелось бы забыть. По разным причинам.

Но главная — я не должна была поддаваться на его уговоры и идти с ним. Не знаю, что на меня нашло, почему оказалась скованной немотой, и Кирилл увел меня, как безвольную овечку на поводке.

На вопрос, что я задала ему, пораженная тем, как много в его кухне меня, он не ответил, съехав на шутку. Я не стала дожидаться. Почему? Наверное, потому, что боялась — его ответ мне не понравится.

И я не знаю, какой именно из ответов страшил меня — что ждал или, наоборот... Не успела определиться с этим — мне позвонил Дима и, устыдившись тому, где я и с кем, я поспешила убраться из его квартиры.

Но Кирилл догнал меня и проводил до дома. Пешком. Как в старые добрые.

Это было... так приятно и необычно. Так смущающе и одновременно легко. Так запрещено и невинно... и непозволительно.

Поэтому, как бы ни хотелось мне задеть Кошкину, я ей об этом не скажу. Ей этого знать не нужно. Никому не нужно знать.

Это только между мной и Кириллом. Наш секрет.

Мой. Еще один.

Глава 23. Это самый страшный страх

— Да, Ром, все, я приехала, давай. Позвоню после сеанса.

Паркую тачку в паркинге и, выйдя, кликаю на кнопку на ключе.

— Да не волнуйся ты, — лечит меня уверенностью верный помощник. — И звонить мне не надо. Нечего тут больше обсуждать. Хочет она — перекрасим. Любой каприз за ее деньги. Хоть каждый день будем малевать ей стены.

— От ее капризов меня уже тошнит. Можно как-то без них?

— Можно, — слишком легко соглашается Шагалов, и я понимаю, что сейчас будет какой-то подвох, начинающийся с "но", и угадываю: — Но бесплатно. Если хочешь, я сам завтра туда поеду. Изолирую тебя от источника негативной энергии.

— Заманчиво, Ром, но нет. Я ей обещала, что прослежу за всем лично, а мои обещания она, похоже, записывает.

— Тогда сама разбирайся. Ладно, отдыхай. На что идете-то, кстати?

— На мульт, конечно. На что же еще?

— А, ну да. Протупил. Пока, короче, — он скидывает вызов.

— Мама! — бежит ко мне радостная Ева, едва я сшагиваю с эскалатора на этаже с кинозалом.

Вытягиваю руки, и она тут же запрыгивает на меня. Целует испачканными шоколадом губами, наверняка оставляя след. Но я не вытираю — ей не понравится, и она обязательно чмокнет еще раз, оставив еще более смачный след.

— Привет, моя красавица, — нежно трюсь носом о ее нос, и дочь заливисто хохочет.

Обнимая, задевает меня чем-то мягким, и я замечаю в ее руке плюшевого кролика. Малышка держит его за длинное ухо.

— У тебя новая игрушка? — проявляю я обязательный интерес. — Дима подарил?

— Нет, заплатник.

— Кто? Заплатник? — повторяю, неуверенная, что правильно ее расслышала.

Или расшифровала.

Дочь кивает так же энергично, как только что отрицательно мотала головой.

Непонимающе сведя брови, бросаю взгляд на Димку, подошедшего с двумя ведрами попкорна и начос с сырным соусом — ммм...

— Кто это?

Широко улыбаясь, он качает головой с видом "меня не спрашивай".

— Дядя в магазине, — объясняет дочь, сопровождая слова выразительным жестом и взглядом "ну ты бестолковка". — На кассе. Мы ему деньги заплатили, а он мне зайку дал.

"Заплатили" она говорит медленнее, выделяя интонацией, и до меня доходит этимология этого незнакомого мне слова.

— А-ах, этот заплатник, — тяну я, не сумев сдержать улыбку.

Изобретать новые слова — Евин главный талант. Ну как главный — один из...

— Ты как, разрулила на объекте? — спрашивает Димка, жестом предлагая мне махнуть с ним.

Поменять двадцатикилограммовую Еву на почти невесомые лакомства. Отказываюсь — ее вес я практически не чувствую. Качаться я не любитель, и руки мои всегда были слабыми, но с рождением Евы у меня регулярные тренировки на бицепс. И неминуемый апгрейд

грузоподъемности пропорционально ее росту — каждый год дочь "подкидывает блинов" на мою "штангу".

— Будем перекрашивать, — вздыхаю.

— Хоть покажи мне потом эти цвета, заценю критичность их отличия, — смеется.

— Любопытно? А мне вот не до смеха. Это не заказчица, а... обезьяна с гранатой.

Никогда не знаешь, где придется тушить в следующий раз.

Ева просит спустить ее, я ставлю дочь на пол. Поправляю подол платья, но она уже мчится куда-то в толпу.

Озадаченно провожаю ее взглядом, но за частоколом людей ее не вижу. Только ее изумрудное платье мелькает в просветах. Иду за ней, но, наконец, она выходит сама. Не успев выдохнуть, я замираю и буквально слышу, как внутри меня обрывается с тросов лифт — моя девочка тащит за руку Кирилла...

Его неожиданное появление меня буквально парализует. Вот прямо здесь и сейчас, у меня на глазах начинает сбываться мой самый страшный кошмар. И я никак не могу его предотвратить. Лишь молча наблюдать, как рушится мой мир.

А он рушится. И это произойдет на глазах у Димки...

В страхе оборачиваюсь на него, но рядом его нет.

Секунду назад был здесь и вдруг пропал. Одна часть меня радуется этому, другая бьется в истерику — его поддержка мне сейчас ой как нужна! Я не вывезу одна то, что сейчас произойдет.

— Ма-ам, я нашла дядю сыщика. Я тебе про него рассказывала. Помнишь?

Конечно, я помню. И "дядю", и весь тот день, в мельчайших подробностях. И до сих пор вздрагиваю по ночам, вспоминая, как на тоненького я проскочила мимо своей личной глобальной катастрофы.

Я жду, что сейчас он узнает меня и расстреляет вопросами.

Но Кирилл меня не видит. Пока. Он смотрит на Еву, он полностью поглощен своей — моей! — дочерью. Улыбается и любит ее. Или я это придумываю? Просто потому, что знаю?.. О, Боги!

На краткий миг идея исчезнуть, как Димка только что, кажется мне спасением, но уже поздно.

Его яркие, светящиеся глаза встречаются с моими, и он резко останавливается, словно врезается в стену.

Знакомо... Я знаю эту "стену".

Кирилл переводит взгляд с меня на Еву и обратно на меня.

— Мама?..

В его голосе удивление, сомнение и замешательство. И даже капля брезгливости, будто он наступил во что-то гадкое.

И это гадкое — я.

Мысленно зажмуриваюсь, но наяву позволить себе этого не могу — это выдаст меня, а я еще надеюсь на чудо. Надеюсь, что меня пронесет, что случится что-нибудь, что помешает Потемкину уже сейчас узнать правду, которую я так тщательно, и до сих пор вполне успешно, скрываю.

Может, меня спасет объявление о заложенной в Тэцэ бомбе? Ложное, конечно, но эффективное.

— Мама? — повторяет он требовательно. — Рита, у тебя есть ребенок? Эта девочка

твоя?

Подводит ко мне Еву, не выпуская ее руки. Замирает в шаге от меня.

Я молчу. И не только потому, что сознаться сама просто не могу — не для того я бегала от него столько лет, — но и потому что мой язык прилип к небу и никакие силы, я чувствую, не заставят его говорить.

Кирилл шагает еще ближе ко мне. Нас разделяет меньше сантиметра, я могу вдыхать его дыхание, но напряжение между нами такой густоты, что можно резать ножом.

Мне отчаянно хочется отвести взгляд, но нельзя. Моя партия безнадежно проиграна, но я буду отнекиваться до конца. Вот только что-то сделаю с разбухшим языком...

С лица Кирилла слетает маска обычной невозмутимости, он взволнован, растерян, изумлен. Даже испуган.

Не так, как я, но испуган.

— Отвечай, Рита! Это твой ребенок?

— Мой, — неожиданно появляется Димка, и я облегченно выдыхаю.

Мысленно.

— Твой? — резко оборачивается к нему Потемкин и смотрит с недоверием.

— Дима! — тянет к нему ручки дочь.

Наши напряженные переглядки, очевидно, ее тоже напугали, и она жметя к груди того, кто ей как отец.

— Точно твой? — внезапно хамит до ужаса раздраженный Кирилл. — Тогда почему она называет тебя Дима, а не папа?

— Она не приемлет статусов, и ко всем, кроме мамы, обращается исключительно по имени, — спокойно отвечает Димка голосом миротворца и поворачивает голову к Еве: — Кто твой папа, единорожка?

— Ты, — крепче его обнимает. — Но этот дядя тоже хороший. Он нашел меня, когда я потерялась в твоём офисе.

— Твой важный дядя? Так это был ты?

— Я, — после паузы, сухо и как-то... безжизненно.

Он выглядит потерянным, разочарованным, и мне больно видеть его таким. Хоть я и не понимаю причины.

— Спасибо, — искренне благодарит его Димка. — Ты тоже в кино?

— Да.

Только теперь я замечаю, что в его руке — не той, в которой он держал Еву, — тоже ведро попкора и начос.

"Они не для меня", всплывает в голове, и меня коротит от острого чувства без названия, но я продолжаю глупо улыбаться.

— Ты, я смотрю, тоже любитель традиционных киношных снэков? — смеясь, спрашивает Димка.

Мазнув по мне фирменным взглядом, Кирилл смотрит на него:

— Это привычки прошлого. Далекого прошлого.

Глава 24. Мой немой концерт

(POV Кирилл)

flashback

Иногда мне кажется, отпустило.

Кажется, что я больше не чувствую ту невидимую, но неистребимо прочную нить, которая связывает — связывала — нас. Она как удавка на моей шее, как толстенный, из витой кожи, поводок, другой конец которого в твоих руках, и ты регулируешь мою жизнь.

Управляешь ею.

Чуть расслабляешь, позволяя резвиться, ощущать себя свободным, когда я веду себя хорошо, и резко натягиваешь, до боли, до искр из глаз, когда я нарушаю какое-то — неизвестное мне — правило.

Этим натяжением ты напоминаешь о себе, не даешь забытья и освободиться.

Обычно это происходит, когда мне, как сегодня, кажется, что отпустило, наконец.

Что я больше не болею тобой, что нашел противоядие и победил свою пагубную зависимость.

Да, я как алкоголик или торчок, который ни дня, ни часа не может без той вредной шняги, которая делает его счастливым. Кратковременно, обманчиво, но счастливым.

"Привет. Меня зовут Кирилл. И я — конченный Ритоголик".

Мы не вместе уже хренову тучу лет, и я знаю, что сам все испортил, но я скучаю по тебе.

Скучаю адски по твоему низковатому голосу, по ночным многочасовым звонкам, по неизменному "свит дримс", которое ты писала перед тем, как самой закрыть глаза, даже если свои я закрывал на второй половине кровати.

Скучаю по твоему плейлисту в своем телефоне. Тогда я закатывал глаза, пеняя тебе на твой паршивый вкус, а сейчас слушаю только эти песни. Те, что остались. На репите.

Скучаю по бесившим меня комментариям во время просмотров фильмов, по сопровождающему их хрусту попкорна или чипсов. Теперь я бы все отдал за то, чтобы ты сказала мне что-то глупое и смешное, но кресло в кинотеатре рядом со мной всегда пустое. А запас чипсов в моем шкафу только пополняется.

Иногда я бешусь на свою зависимость от тебя, взбрыкиваю и пускаюсь во все тяжкие. Меняю одну девчонку на другую, пытаюсь, пробую, приспособливаюсь. И когда мне кажется, что у меня получается, ты вновь натягиваешь поводок.

Просто напоминаешь о себе, и никто другой мне снова больше не нужен.

Это происходит всегда по-разному. Ты появляешься то отражением в витрине магазина, мимо которого я проезжаю на новой тачке. То резким веселым смехом за столиком в кафе, куда я захожу случайно, по привычке избегая мест, где мы бывали вместе — зачем лишний раз сдирать кровавые корки с и так не заживающих ран?.. То идеально гладким конским хвостом, затянутым твоими же волосами, случайно увиденным в толпе.

И каждый раз я бегу за этим миражом. Ищу тебя в скоплении людей, догоняю, разворачиваю, чтобы заглянуть в любимое лицо, но это всегда не ты.

Это никогда не ты.

А мне так нужно увидеть тебя хоть раз. Хоть издалека, хоть мимолетно. Просто увидеть, понаблюдать за тем, как ты улыбаешься, пусть даже не мне. Как смущенно опускаешь глаза, как проходишься пальцами по длинной челке, как посасываешь в волнении ноготь большого

пальца, как задумчиво смотришь в пустоту, оперев голову на руку. Может, в этот миг ты как раз думаешь обо мне?

Но нет. Это я думаю о тебе. А ты обо мне нет.

И все эти "миражи" — это не ты не отпускаешь меня, а я так и не могу отпустить тебя.

Не мог.

Потому что сегодня как раз тот день, когда я собираюсь это сделать. Я любил тебя очень долго, Маргаритка, а разлюбить хочу в четверг.

Меня отпустило. И я отпускаю тебя.

Телефон в кармане вибрирует. Без мелодии — значит, номер незнакомый. Ленивый взгляд на экран, и всю ленивость с меня сдувает.

Этот номер мне как раз знаком. Хоть и не забит в телефонной книжке. Я удалил его в один из "отпустилов". Но его цифры татухой выбиты на моем задрюченном мозге.

Я еще не решил, отвечать ли на этот звонок, как рука самопроизвольно смахивает зеленую трубку.

Нахренааааа?..

Ничего не говорю и под учащенный бит долбящего в ушах сердца слышу тот самый, голос из моих снов:

— Привет. У меня есть к тебе деликатное дело. Удели мне пять минут своего времени. Пожалуйста.

Глава 25. И рушится мир вокруг

Я знал тогда, что мне не стоило соглашаться. Не стоило, вообще, отвечать на тот звонок. Но во всем, что касалось Марго, здравомыслие мне отказывало. Как и благоразумие. И инстинкт самосохранения. Да, вообще, всё отказывало!

Безотказным был лишь я сам. Не умел говорить ей "нет". Никогда. Не смог и в этот раз.

От звуков ее волшебного голоса сердце начало бухать в груди, как ненормальное, заглушая голос разума и все аргументы "против". Я не слышал себя, не слышал никого и ничего вокруг. Лишь ее голос молоточком стучал по мозгам, не позволяя отмахнуться от нее и ее странной просьбы. Я, как прыщавый подросток-задрот, вкрашившийся в популярную одноклассницу, был согласен на всё.

Да и любопытство, признаться, подыграло моему неразумному органу — не тому, что в штанах, хотя он у меня тоже рассудительностью не отличается.

— Я хочу родить от тебя ребенка, — заявила она при встрече и, пока я обтекал, переваривая услышанное, добила зубодробительным: — И хочу зачать его естественным способом.

Мой мир перевернулся тогда. Если бы я делал ставки на то, что же за "деликатное дело" у нее ко мне, я бы жестко продул, потому что такой версии не было даже в самых смелых моих мечтах.

Еще бы! Когда мы виделись в последний раз, она сравнила меня с валютной шлюхой, и вдруг это неожиданное повышение до идеального отца ее ребенку.

Головокружительная карьера...

И хоть я долго думал, прикидывал, взвешивал, спорил сам с собой, решение в итоге далось мне легко, ибо оно было единственно правильным.

Логичным.

Естественным.

Настолько же, насколько противоестественным было ее бегство через месяц. И мой мир еще раз кувыркнулся.

Я потратил шесть лет на то, чтобы вернуть его в исходное положение, и вот она делает это снова.

"У нее ребенок", крутится на репите одна и та же разрушительная мысль. "Ребенок не от меня"...

Руки сами собой сжимаются в кулаки, сминая картонные ведра. Еда падает из них, рассыпаясь по моим брюкам и зашарканному ковру по ногам. Пофиг.

Испорченные штаны я переживу — как пережить другое?!

Как проглотить — и не подавиться — инфу о том, что у любимой женщины ребенок от другого мужика?!

Раздражение и бессилие бьют из меня фонтаном. Мне тесно в кресле кинозала, а кулакам недостаточно просто сминать, они хотят крушить, ломать и уничтожать. Так же, как меня изнутри уничтожают мои мысли.

И воспоминания.

"Кнопка могла быть моим ребенком... Должна была быть моей!" вдалбливаюсь затылком в подголовник.

Девочка.

Дочка...

Какая ирония. Ведь я хотел, чтобы у нас с Марго родилась именно дочь. Не сын. Я мечтал о девочке с глазами и улыбкой, как у нее.

Чтобы точная копия. Клон.

— Почему девочка? Разве ты не хочешь сына? — спрашивала Маргаритка, с сомнением заглядывая мне в глаза, будто пыталась увидеть в них, действительно ли я так думаю или просто успокаиваю ее.

— Хочу. И сына тоже хочу, — честно отвечал я. — Но дочку хочу больше.

— Почему?

— Истратить на нее весь стратегический запас нежности, который накопил за эти годы. С пацаном так не получится, нельзя быть с ним размазней.

— Мальчику тоже нужна любовь, — обиженно — сама она топила за парня.

— Любовь — да, но не проявления слабости и сюсюканья. Я потерял столько времени с тобой, хочу наверстать с ней, — притянув ее ближе к себе, прислонил спиной к своей груди и переплел наши пальцы. — Но есть и еще одна причина...

— Какая? — задумчиво спросила, свободной рукой выводя на моем бедре восьмерки.

— Когда я сам был пацаном, мелким совсем, мне лет десять тогда было, я обещал своей бабушке по отцу, что назову дочь в ее честь.

— А как ее звали? — приподнявшись, она повернула ко мне лицо.

— Евой Макаровой.

Улыбнулась.

— Макаровой не обещаю, а Ева, — проговорила медленно, словно пробуя на вкус. — Ева мне нравится.

Кнопке — имени ее я так и не знаю, а назвать единорожкой язык не поворачивается — подошло бы имя Ева. Но я любил бы ее, будь она хоть Агриппиной, хоть Апполинарией.

Лишь бы она была моей.

Нашей...

"Ну почему, Марго?" беззвучно вою в темноту, вновь с силой откидывая голову на спинку кресла. "За что ты так с нами? Почему она не наша?!"

Зажмуриваюсь, надеясь, что когда в следующий раз открою глаза, мир вокруг меня перестанет рушиться.

Глава 26. Ящик Пандоры

(POV Рита)

Кафе, встречу в котором назначила мне Лиза, я нахожу с трудом даже с помощью навигатора. Он упорно приводит меня не туда, куда нужно. Я злюсь и нервничаю, потому что опаздывать не люблю.

Хотя на эту конкретную встречу торопиться, в общем-то, не в моих интересах. Сестра очень проницательна, а меня и вовсе читает как открытую книгу, поэтому сразу поймет, что я что-то скрываю. И добьется от меня не только чистосердечного, но и на исповедь раскрутит — это Лизка умеет.

Исповедоваться мне не очень хочется, но не бегать же из-за этого от сестры! Тем более мы давно не виделись, и я ужасно соскучилась.

Пока очень худенькая, буквально тростиночка, девушка-хостесс ведет меня за столик в уютной нише, я наблюдаю за Лизой, сосредоточенно уставившейся в телефон. Пытаюсь угадать, что она там смотрит, но не успеваю придумать ни одной версии — она поднимает взгляд и сразу ловит мой, словно почувствовала его на себе. Мы синхронно улыбаемся друг другу.

От ее широкой, радостной улыбки так тепло, что у меня к горлу подступает непрошенный комок. Я вдруг чувствую себя маленькой девочкой, спешащей со своими проблемами к маме, чтобы порыдать у нее на груди.

— Привет, красотка, — поднимается сестра мне навстречу, и я порывисто обнимаю ее, пряча все же пробившиеся наружу слезы. — Эй, не так крепко, цветочек. Я тоже соскучилась, но кости тебе не ломаю, и мои мне еще пригодятся.

Сморгнув досадную влагу, разжимаю крепкие объятия и отстраняюсь от нее, а улыбка сразу становится виноватой.

— Прости. Я, правда, скучала. Все еще цветочек? — спрашиваю, усаживаясь напротив нее на мягкий диванчик.

В "цветочках" я хожу с тех пор, как Кирилл называл меня Маргариткой.

— Ты же периодически вспоминаешь Лизу-подлизу. Это я счет уравниваю, — хлопает невинно глазками, и мы обе прерываемся на изучение меню.

Когда делаем заказ и официант уходит, Лиза вновь заводит свою любимую песню о моей идеальной — это ее частное мнение — фигуре.

— Только такая ведьма, как ты, может позволить себе съесть ужин из трех блюд и десерт и сохранять при этом бараний вес, — заявляет мечтательно, подперев голову ладонью.

Привычно отмахиваюсь:

— Просто я много двигаюсь.

— Ты мне еще про хорошую наследственность расскажи, — фыркает.

— А что не так с моей наследственностью? — возмущенно. — Вполне себе...

— Она у нас, вообще-то, общая, но мне, в отличие от тебя, повезло куда меньше. Так что втирай кому-ни...

— Во-первых, — перебиваю, так как во мне включается борец за точность формулировок, которого язва-сестра зовет нелестно душнилой. — Мы с тобой двоюродные, поэтому общих генов у нас меньше пятнадцати процентов. А во-вторых, хватит прибедняться

— ты тоже в отличной форме!

— Я разве спорю? Но мне ради моей формы приходится во всем себе отказывать и еще в спортзале почти каждый день убиваться, а ты безжалостно заказываешь на ночь углеводы.

— Безжалостно по отношению к себе или к тебе? — безуспешно пытаюсь подавить улыбку.

Лизка тоже улыбается.

— Ко всем завистникам. Нет, серьезно, Маргош, ты будто еще сильнее схуднула. Диетишь или в "большой" спорт вернулась?

— Смеешься? Где взять время на спорт? Растяжку дома не всегда получается сделать. Этот новый проект... — я прикусываю язык, но поздно.

— Что за проект? Ты не говорила... — в ее голосе слышится упрек.

Сестрица молчит и ждет объяснений или хотя бы подробностей об упомянутом проекте, а я лихорадочно придумываю, как ей ответить, чтобы избежать вопросов о личности заказчика. Не хочу тащить в наш разговор Потемкина. Не хочу!

Я хочу хоть один вечер провести без его незримого присутствия рядом. Совсем без него вряд ли получится — мысли отключать я не умею, — но достаточно и того, что о нем думает одна из нас. Обе — явный перебор.

Я, действительно, устала от тревожных дум, реальных и придуманных страхов, от попыток понять, догадался ли он, что Ева — его дочь. Тем более сейчас, когда он узнал о ее существовании.

Раньше мне было намного проще...

Если бы я могла выговориться, поделиться с Лизкой своими страхами, мне бы тоже стало легче, хоть на чуточку, но нет. Незачем перекладывать на нее свои проблемы. Я здесь не за этим, и Потемкин в нашей компании лишний.

— Да просто заказчица неадекватная. Отсутствие вкуса, противоречивые запросы, диплом по самодурству... Полный набор, короче.

— А почему не откажешься?

— Не могу. Но давай не будем о ней. Хотя бы сегодня, — прошу искренне.

— Давай, — легко соглашается и меняет тему: — Тебе привет от мамы. Моей.

Я киваю и принимаюсь за принесенный теплый салат — я, и правда, очень голодная.

Лизка тоже с аппетитом поглощает траву, и мы болтаем о родителях, Еве, их будущем отпуске и поездке в Малайзию, а о моем проекте больше не заговариваем.

Я расслабляюсь и наслаждаюсь общением с сестрой, пока она не произносит невзначай:

— Я сегодня говорила с твоим Киром.

При звуках этого имени я вздрагиваю и роняю вилку, она с негромким, но оглушительным, звоном падает на край тарелки.

Кровь отливает от моего лица — я ощущаю этот отток физически.

— Говорила? — выхрипываю из себя, еле шевеля обескровленными губами.

— Эй, ты чего так побледнела — давление упало? — Лизка пересаживается на мой диван, ближе ко мне и, схватив за запястье, сосредоточенно считает пульс.

Через несколько секунд удовлетворенно кивает — никаких серьезных отклонений от нормы не насчитала.

— Белая, как смерть... Тебе врача или кофеина двойную дозу?

— Лучше тройную, и чего-нибудь покрепче, — силюсь улыбнуться, но получается так себе. — Но я за рулем.

Свое отношение к моей "правильности" сестра выражает фырканьем.

— Это ты что, — меняется ее лицо от возникшей догадки — глаза становятся неприлично большими. — Из-за Кира? Я думала, ты давно не реагируешь на него и его имя как по уши втрескавшаяся старшекласница.

Я тоже думала...

Если бы...

Но вслух, разумеется, этого не говорю.

— Не реагирую, конечно. Давно, — надеюсь, выгляжу я при этом убедительно. — Просто... неожиданно. Где ты с ним пересеклась? — спрашиваю, стремясь переключить ее внимание с себя.

— Он будет гостем у нас на передаче, — Лизка возвращается на свое место.

И перестает смотреть на меня сканирующим взглядом — сработало.

— Потемкин? На твоём шоу? — моя очередь тарашиться на нее.

— Ну, не моем... — выразительно играет глазами, и тут же соглашается: — Но да.

Лизка работает редактором на одном из центральных каналов, и я бывала у них в студии пару раз. Как зритель, конечно же. Просто было интересно, как это все работает. По ту сторону голубого экрана.

— Мы выпускаем цикл программ о перспективных бизнесменах России. Я же тебе говорила! — восклицает с возмущением и хорошо читаемым очередным упреком.

— Да, я помню, — оправдываюсь, чуть повысив голос, но, на самом деле нет, не помню.

— На юбилее у твоих родителей. Но ты и там была какая-то пришибленная. Вот как сегодня.

— Не пришибленная я. Просто...

— Просто, — по-детски передразнивает Баженова. — Знаю я твои "просто". Давай сразу пропустим те полчаса, в которые я тебя пытаю изошренно, а ты отмораживаешься в своем любимом стиле, лучше сразу расскажи все, что с тобой происходит.

— Ничего со мной... — начинаю я, но под ее суровым взглядом осекаюсь и замолкаю.

Я же, идя сюда, заранее знала, что так будет. Лизка и так бы рано или поздно считала мои негативные вибрации, и без помощи некстати всплывшего в разговоре Потемкина, а уж с такой "подсказкой" у меня и вовсе не было шансов. Шансов, что мое депрессивное состояние не вскрыется.

Стоит ли брыкаться и отрицать очевидное?

Тем более я точно знаю — и Лизка знает, что я знаю, — каким будет исход. Моя сестра одержит сокрушительную победу над противником, то есть мной. Ей даже не понадобится выкручивать меня на болевой прием, чтобы добиться полной капитуляции.

Выдыхаю, сдаваясь.

— Этот новый проект... Кирилл — его заказчик.

— Да ну на?.. — завуалированно выругивается сестра. — То есть ты работаешь на своего бывшего?

— Я на него не работаю! — взвиваюсь, но Лизка выставляет руку в останавливающем жесте, и мой протест сдувается.

— Как ни назови ваши текущие отношения, дерьмовость ситуации в том, что они есть, Марго. Что за проект?

Я рассказываю, равнодушно — мой безотказный обычно аппетит сегодня дает сбой — ковыряясь вилкой в салате, а потом и в основном блюде. И про заказ, и про невесту, и про

то, что теперь Потемкин знает, что у меня есть Ева.

И, начав говорить, я чувствую, что не могу остановиться. Слова льются из меня потоком, а Лиза слушает, не перебивая и не задавая уточняющих вопросов.

Молчит она, и когда я заканчиваю свой сумбурный, полный эмоций рассказ.

— Что мне делать, Лиз? — простонав в отчаянии, смотрю на нее с надеждой.

— Ничего, — заявляет сестра уверенно после мучительно долгой паузы.

— Ничего?!

— Совсем. Ты ведь не хочешь дать Киру поводу глубже покопаться в твоём темном прошлом?

Хоть вопрос и риторический, я отрицательно качаю головой.

— Значит, веди себя естественно и не суйся к нему без особой надобности. Тебе повезло с Димкиным чудесным появлением, вот и пусть так остается. Пока Кир думает, что дочь Димкина, вам обоим ничего не угрожает.

— А если он не купился на Димкины слова?

— Ты бы уже об этом знала, — сестрица усмехается.

— Да, наверное...

— Ты умолчала об одном, Марго...

Поднимаю на нее глаза. Ее серые пронзают меня насквозь.

— Сама-то ты чего хочешь на самом деле — чтобы Кир узнал правду о дочери или нет?..

Лиза как всегда — спросила так спросила.

Умеет она увидеть главное и бить сразу в болевую точку. Без пристрелки. И без жалости.

Для нее не существует неудобных вопросов. Она живет по принципу "правда неудобной не бывает". И не делает скидок на то, что кто-то ее принципов не разделяет.

Но на данный вопрос мне легко было отвечать, на него двух ответов быть не может.

— Конечно, не хочу. О чем ты? Я боюсь даже думать, что начнется, если он узнает, что я обманула его, что уехала, скрыв свою беременность.

— Уехала в Новосиб? — ухмыляется — я посвятила ее в свою легенду.

— Он и за это мне уже предъявил. Не поленился проверить, есть ли в моем стаже пункт о работе в новосибирском филиале банка. Представляешь?

— И как ты выкрутилась? — искренне интересуется сестра, даже чуть подается вперед и смотрит с азартом, словно мы с Кириллом участвуем в конном забеге, и она сделала ставку на одного из нас.

— Сказала, что место оказалось занято. Что тамошнее руководство подсуенилось и пропихнуло своего, а мне предложили менее выгодную должность, ну и я уволилась. В моменте сумела придумать только это, — кривлюсь я.

— Талантище, — восхищенно ширит глаза Лизка. — Врешь как дышишь.

— Да ну тебя, — отмахиваюсь. — А что мне было делать — правду ему сказать? Я узнала, что ты использовал меня, и сбежала к бабушке зализывать свои раны и рожать твоего ребенка?

— Правда стоит того, чтобы из всех доступных вариантов выбирать именно ее, — парирует нравоучительно-занудно. — Она существенно облегчает и упрощает жизнь.

— Упрощает... И что бы я делала сейчас с этой правдой? Что бы мы все делали? — ее неуместное умничание бесит меня, и я не сдерживаюсь.

— Кто эти мы? — холодно.

— Я, Дима, Кирилл с его невестой и, самое главное — Ева. Она считает своим отцом Димку, и он собирается официально ее удочерить, дать ей свою фамилию и отчество, чтобы мы стали одной семьей и ни у кого не возникало никаких вопросов.

— Каких вопросов, Рит? — Лиза выглядит потрясенной, даже "пришибленной", как она назвала меня саму чуть раньше, но я не реагирую — меня уже несет.

— Банальных, — огрызаюсь, не желая объяснять — ну все же очевидно.

— Ты хочешь отобрать у Евы отца?

— Я хочу дать ей отца, которого у нее не было и нет. Кирилл не хотел быть с нами, он называл меня бизнесом, а Еву проектом, который скоро закончится. А теперь у него новый проект и он снова втянул в него меня.

— В прошлый раз, насколько помню, его втянула ты. И была очень настойчива. А я предупреждала, что ничем хорошим это не закончится. Для тебя — в первую очередь.

— Если для тебя важно это "а я говорила", то да. Признаю, ты говорила, а я была душой, что не послушалась. Но это уже случилось и это не изменить, и сейчас я изо всех сил пытаюсь не допустить еще одной катастрофы.

— Меня поражает твоя незамутненность. Или наивность. Не знаю, что хуже... — взвизгивает сестра, тоже перестав контролировать эмоции.

— Ты о чем?

— О твоём умении — или желании — видеть и слышать только то, что удобно и выгодно тебе. Я просила не открывать ящик Пандоры, общим ребенком связывая себя с Кириллом на всю жизнь — ты не слышала. Зато его разговор с матерью, который мог быть о чем угодно, ты точно не знаешь, ты услышала прекрасно и, вместо того чтобы потребовать объяснений, сделала свои выводы, лишив отца ребенка, а ребенка — его отца. Теперь в ситуации с Кириллом ты видишь только "ужасный проект" и его бесячую невесту, а в удочерении Димкой Евы — свое спасение. Ты реально не понимаешь?

— Не понимаю чего?

— А знаешь, Потемкин это здорово придумал. Красавчик! Лично я одобряю. — Она игнорирует мой вопрос.

— Что придумал?

— Этот "проект". С тобой именно так и надо действовать. Как, оказывается, хорошо он тебя знает. И еще лучше умеет в стратегии. Не ожидала от него. Это же просто топовая тактическая схема. Аплодирую сидя.

— Какая схема? Не понимаю, — начинаю раздражаться на ее полунамеки.

— Вот и не понимай дальше. Тебе полезно, — отвечает неожиданно зло.

И встает из-за стола. Ее движения нервные и дерганые.

— Прости, я сейчас не в состоянии с тобой говорить. Деньги за счет я тебе переведу. Родителям привет.

Сестра уходит, а я остаюсь за столиком таращиться на ее недоеденную тарелку.

— Вина? — подскакивает услужливый официант, я заторможенно киваю.

Глава 27. Ахиллесова пята

Со встречи с Лизой прошла почти неделя, а я не могу выкинуть из головы нашу странную пикировку на повышенных и расставание на такой ужасной ноте.

Постоянно прокручиваю воображаемую запись, останавливаясь на острых моментах и пытаюсь понять, где была слишком резка и что же сестра хотела до меня донести.

Но до истины до сих пор не докопалась. Каждый следующий день этой недели безумнее другого, а "бесячие сады" отнимают все мое время и занимают мозг, так что на самоанализ ресурсов не остается.

Поначалу меня задели резкость и неоднозначность высказываний Лизки, но я быстро справилась с негативом и простила сестре ее прямоту — точно знаю, что она из лучших побуждений, а значит, обижаться, как минимум, глупо. Но также знаю, что звонить первой бесполезно. Если Баженова не готова говорить со мной, то даже не возьмет трубку. Поэтому жду, когда она остынет и позвонит сама.

И срываюсь из ванной, где перед сном купаю Еву, к брошенному на диване телефону, стоит ему разразиться мелодией на рингтоне.

Дочь остается с увлечением топить свой пластмассовый флот.

Увидев имя звонившего, я зажигаюсь радостной лампочкой, хоть это и не Лиза — сегодня я жду не только ее звонка. Уже два дня, как Дима в командировке, и вечерние разговоры — все, чем приходится довольствоваться.

— Привет! — весело мурлычу в динамик.

— Привет, милая. Как вы?

— Скучаем, — признаюсь честно чуть дрогнувшим голосом.

"Что за дурацкий приступ слезливости?" одергиваю себя, но его природа мне понятна — когда Димки нет рядом, я чувствую себя максимально незащищенной. Он словно мой щит, броня от ужасов внешнего мира, без которой я очень уязвима.

— И единорожка? — с теплотой и нежностью, которые чувствуются даже на расстоянии.

— Она особенно! Очень ждет твоего звонка. Ты скоро возвращаешься?

— Послезавтра, надеюсь, буду дома, — обещает он, пока я иду с телефоном обратно в ванную.

— Это Дима? — так же, как у меня минуту назад, загораются радостью глаза дочери.

Кивнув, протягиваю ей сотку. Но она отрицательно мотает головой.

— Ты держи. Видишь, у меня руки заняты, — демонстрирует мне китёнка, которого сжимает в пальцах, чтобы выдавить струю воды из отверстия на спине.

Вторая рука у нее свободна, она зачем-то прячет ее за спину, но я не спорю. Мне нетрудно подержать, да и так существенно снижается риск, что телефон тоже испуается сегодня.

Дима с Евой воркуют, точнее, это она без умолку болтает, в деталях рассказывая ему все, что она делала в садике, а он с неподдельным интересом ей внимает. День у дочери был насыщенным, поэтому вода, в которой она сидит, успевает ощутимо остыть, и я прерываю их затянувшийся обмен новостями и нежностями.

— Так, господа единороги, закругляйтесь. Еве пора мыться и спать.

Моя девочка пытается возразить, но Дима ласково — и твердо — напоминает ей, что

маму нужно слушаться.

Она нехотя прощается с ним, сама нажимает на красную трубку и, насупившись, начинает выуживать из воды игрушки, складывая их на угловую полку.

Одной рукой.

Я настораживаюсь, вспомнив, что, когда забирала ее из сада и хотела взять за левую руку, дочь выдернула ее из моей ладони, и протянула вместо нее правую.

— Ева, у тебя что, болит ручка? — спрашиваю осторожно, без нажима.

— Нет, — отвечает, не глядя на меня.

Ой! Это плохой знак.

— А почему ты прижимаешь ее к животу?

— Просто она устала.

— Дай посмотрю.

Остановившись, протягивает с опаской.

Ободряюще улыбаясь, я бережно беру ее ручку, глажу, аккуратно кручу, осматриваю — никаких царапин, ссадин или других видимых повреждений.

— Болит? — вновь спрашиваю.

— Нет. Просто устала.

И словно в подтверждение берет игрушки и левой рукой тоже.

Успокоившись, начинаю ее намыливать. Сначала тело и шею, потом руки, внимательно наблюдая за реакцией — ничего, — потом ноги и дохожу до ступней. Как всегда, задерживаюсь на светло-коричневом пятнышке на внутренней стороне ее левой пятки.

Родинка.

На том же месте и той же каплевидной формы, как у Кирилла. И как у его матери.

В который раз радуюсь, что это фамильное пятно — Ахиллесова пята рода Потемкиных — в таком недоступном случайному взгляду месте. Иначе никакие заявления Димки не убедили бы Кирилла, что Ева — не его дочь.

Завернув малышку в полотенце, несу ее в кроватку. Засыпает еще до того, как я успеваю ее вытереть и одеть в пижаму.

Оставшись одна, включаю в спальне телевизор, надеясь, что он отвлечет меня и уберезет от мыслей о Кирилле.

Я думаю о нем непозволительно много!

И не только когда я одна.

Сегодня, пока Ева забалтывала Диму, я вдруг задумалась о том, как бы она разговаривала с Кириллом, будь на месте Димки он. Ведь он и должен быть на его месте...

Я быстро отмахнулась от этой неуместной и даже преступной мысли, но спустя всего несколько минут Потемкин вновь нашел повод напомнить о себе.

И вот опять!

Телевизор однозначно не справляется с задачей.

Раздраженная своей неспособностью не думать о бывшем, отбрасываю пульт и хватаюсь за телефон, собираясь все же позвонить Лизе, несмотря на поздний час — лучше пусть она выговаривает мне, чем я продолжу барахтаться в пучине воспоминаний.

Но только я разблокирую экран, как он тут же оживает входящим звонком.

Кирилл...

"Что ему нужно?!"

— Извини, что поздно, — голос встревоженный. — У вас все в порядке?

— У нас?.. — переспрашиваю потрясенно, и в этот момент слышу громкий, душераздирающий плач дочери.

Сердце моментально ухает вниз, в центр живота, узлом стягивая от страха внутренности.

Девочка моя!

Пулей слетаю с кровати, едва не запутавшись в собственных ногах, и бегу к ней, с силой оттолкнув дверь своей спальни. Та с грохотом ударяется о стену, и ночью этот звук казался бы чудовищно громким, оглушительным, но не сегодня. Сейчас все прочие звуки тонут в надрывном плаче ребенка.

Моего ребенка.

— Что случилось? — фоном звучит из динамика голос Кирилла.

Даже удивительно, что я слышу его.

Щелкнув выключателем света в коридоре, чтобы не слепить ее, дергаю ручку детской комнаты.

— Евочка, малышка, что с тобой? Мама рядом. Не плачь, солнышко мое. Не плачь, детка.

Выронив телефон, хватаю дочь на руки и порывисто прижимаю к себе, стремясь уберечь, защитить, укрыть от всего мира.

Я часто так делаю, мой девочке иногда снятся страшные сны, и она плачет, просыпаясь. И зовет меня. Я ложусь рядом и обнимаю ее до тех пор, пока она не перестанет всхлипывать и снова не уснет.

Но так она еще никогда не кричала.

В этот раз матерински объятия не работают, Ева кричит еще громче, буквально взвизгивает от боли. Как сирена. В панике отстраняюсь и вижу, что она вновь прижимает к себе левую руку. Лицо ее залито слезами, предплечье тоже обильно смочено соленой влагой.

Видя ее состояние, из-за криков и, особенно, от бессилия мне тоже хочется завывать. Но я не могу позволить себе слабость.

Только не сейчас, когда, кроме меня, моему ребенку никто не может помочь.

— Все-таки ручка болит? — сдерживая слезы в голосе, спрашиваю зачем-то, хотя ответ очевиден.

Не зря она так ее берегла.

Но что это может быть — перелом? Но разве при переломе она могла бы так спокойно двигать рукой весь вечер?

Я помню, когда у меня был перелом, и это... непередаваемая боль.

Боже, ну как?.. Как ей помочь?!

Вновь беру рыдающую малышку на руки, на этот раз бережнее, аккуратнее, не касаясь руки. Ева не вырывается. Я поднимаюсь, хожу с ней по комнате, согревая и баюкая, и совершенно не зная, что делать.

Черт! Я даже в скорую позвонить не могу!

Потому что сейчас дочь меня ни за что не отпустит, а с ней плачущей на руках я даже телефон не смогу найти и поднять. Но если и дозвонюсь каким-то чудом, то сотрудник колл-центра меня просто не услышит — Евин плач не останавливается ни на секунду и даже не становится хоть немного тише.

Она рыдает так горько, взхлеб, что сердце разрывается. Я готова поменяться с ней местами, согласна переломать себе и ноги, и обе руки, лишь бы моя доченька перестала

чувствовать боль, но жаль, детская присказка "у кошки боли" в реале не работает.

Я готова на что угодно, чтобы помочь ей, но вынуждена просто ходить и шептать на ушко якобы успокаивающие слова. Пока она не успокоится, у меня буквально связаны руки.

Но еще не придумали слов, которые снимают физическую боль.

Ну почему именно сегодня я одна?

"Где же ты, Дима, когда ты так нужен?!" мысленно воплю я в потолок и вздрагиваю от мощного стука в дверь.

Даже Ева на мгновение перестает плакать и смотрит в сторону коридора.

— Дима! Слава Богу! — кидаюсь я к двери.

"Но как он узнал?" мелькает мысль, когда я резко поворачиваю замок.

— Скорую помощь вызывали? Я отвезу вас в больницу.

Глава 28. Перелом

(POV Кирилл)

Когда я услышал этот крик в трубке — резкий, отчаянный, бьющий по нервам, — во мне что-то сломалось.

Буквально. С треском и хрустом.

Точнее, надломилось там внутри это что-то еще раньше, когда я вдруг проснулся — как уснул, не помню, — как после чьего-то толчка, с дико колотящимся, будто рвущимся с цепи сердцем. Я и не знал, что мой мотор может работать на таких бешеных скоростях, но эта мысль во мне не задержалась. Ее вытеснила полностью затопившая меня необъяснимая, безотчетная тревога. В груди сосало и шарашило так, будто я что-то такое страшное или плохое знаю, но не помню.

Точнее, помню, но не все, а лишь одну-единственную деталь — я должен срочно позвонить Рите.

Я проснулся с этой мыслью, будто во сне мне ее кто-то шепнул.

Ощущение, что Рита не в порядке, было даже не ощущением, а четкой уверенностью. Вещий сон?..

Я тут же набрал ей, ни на миг не задумавшись, что уже ночь, что это неуместно, что рядом Ольга — мне надо позвонить, и я звоню.

Это же просто.

— У вас все в порядке?

— У нас? — она явно удивилась.

То ли звонку, то ли вопросу, и казалась совершенно спокойной. Расслабленной. Даже сонной.

Я почти выдохнул, что моя тревога оказалась ложной, как тут же раздался этот душераздирающий крик маленькой девочки.

Девочки, которая странным образом была мне небезразлична.

Ее крик подбросил меня, заставив вскочить на ноги. Я даже качнулся вперед, словно собирался бежать к ней. Но куда?..

Эта мысль отрезвила, и я начал действовать.

С разгона влетев в гардеробную, быстро натянул первые попавшиеся носки, лишь бы одинакового цвета, сунул ноги в узкие джинсы и схватил старый худак.

Ольга проводила меня взглядом "куда ты в таком виде?", но я не стал отвечать. Не хотелось ей врать. Наврался я уже...

Пообещав "Потом расскажу", выскочил из дома, а, сев в машину, принялся решать непростую задачу, как попасть к Марго в квартиру, не организовав себе визит в ментовку.

— Как ты вошел? У нас дом на охране, вообще-то, — негромким голосом пытается меня Марго, пока ее дочь уводят на рентген запястного сустава.

Переставь провожать взглядом успокоившуюся, но все еще страдающую от боли девочку, я поворачиваю голову к своей бывшей.

— Это важно? — по серым, с темной окантовкой, глазам, обычно ярким и блестящим, а сейчас уставшим, считываю, что важно, и признаюсь нехотя: — Заплатил, пригрозил, надавил. Навел шороху, короче.

Пытаюсь сгладить сказанное улыбкой.

Выходит дерьмово, но она этого не видит.

— Придется как-то объяснять это Димке, — тянет задумчиво и будто бы не мне, но уже через секунду стреляет в меня новым вопросом: — А номер квартиры как узнал?

— Ну, консьерж сказал. Еще в прошлый раз. Я как знал, что пригодится.

Долго лупит по мне своими глазами-свинцовыми пулями, автоматной очередью, и неожиданно просит:

— Обещай больше ничего обо мне не узнавать. Спасибо, что помог, я это ценю, очень, но больше не надо. Пожалуйста.

— Чего именно не надо? — заметно суровееет мой голос.

— Лезть в мою жизнь, — чеканит каждое слово.

Без злости в голосе и взгляде, но достаточно ультимативно.

Ненавижу ультиматумы.

— А если нет?

— Мы больше не будем видеться. И я прекращаю работу над твоим домом.

— Ты не можешь, — чувствуя, что нервничаю так сильно, что у меня начинают подрагивать мышцы на руках, я сую их в карман. — Тогда ты потеряешь фирму.

— Потерю фирмы я как-нибудь переживу, а потерю, — едва заметно запинается, — Димы — нет.

В груди снова раздается отчетливый хруст. Там еще осталось чему ломаться?..

Диму ты боишься потерять? Диму, да?!

От избытка эмоций — негативных — меня ломает всего! Я весь в переломах. Открытых...

Это напрягает, это... бесит! И я не сдерживаюсь. Бью по больному, ибо не надо делать больно мне!

— И где твой Дима сейчас, когда его женщине и его дочери нужна помощь?!

Глаза Марго метают в меня молнии, а рот открывается, чтобы ответить что-то такое же уничтожающее, но мне везет — дверь кабинета открывается и появляется доктор.

Он ведет девочку за руку.

Черт! Все еще "девочку"...

Это уже третья наша встреча, а я до сих пор не знаю ее имени! Надо было хоть в мед. полис заглянуть, когда Рита предьявляла его в регистратуре. Там же точно есть имя.

"И дата рождения" бегущей строкой всплывает подсказка. Только зачем она мне? Если только не...

Но нет. Я ведь не сомневаюсь в том, что девочка — дочь Дмитрия Гладких?

Или сомневаюсь?..

— Мама! — подойдя к Марго, девочка прижимается к ней, обхватив за ноги здоровой рукой, и та, наклонившись, поднимает дочь на руки.

— Что с рукой, доктор? Вывих? — с отчаянной надеждой.

— Закрытый перелом лучевой кости без смещения, — отвечает заученно, но не равнодушно, взгляд хирурга полон сочувствия к ребенку. — Нужна гипсовая повязка.

— Гипс?! — ахает. — Надолго?

— Кости ребенка срастаются очень быстро и хоть есть негласное правило: сколько ребенку лет, столько дней срастаются переломы, я все же предложу перестраховаться и поносить лонгету недельки две. Перелом очень нетипичный, его даже не видно на снимке. Консилиум собирали, и только при кручении предплечья поняли, что имеется перелом. Так

что я бы рекомендовал.

— Да, конечно, как скажете, — кивает Марго. — Спасибо Вам.

— Оставайтесь здесь, за Вами придет медсестра и проводит в перевязочную. Всего доброго.

— Сыщик, а ты почему еще здесь?

— Не мог уйти, не узнав, что у тебя все хорошо, — улыбаюсь ей.

Шагнув ближе, протягиваю синего плюшевого большеглазика — он показался самым милым из всех игрушек, что представлены в местном киоске.

— Стич! — радуется Кнопка.

И я радуюсь тоже — что угодил.

— Мама, смотри, это Стич! У меня же уже есть Лило. Помнишь, мне дедушка дарил?

— Помню. Скажи сыщику "спасибо" и "до свидания". Ему уже нужно уходить. Его ждут дома.

В последней фразе мне слышится намек. Она, однозначно, была сказана не Кнопке, а мне. Пусть и не прямо, но я считал посыл.

Меня ждут, да, но сейчас я хочу быть здесь.

И хорошо, что в этом желании я не одинок.

— Нет! Пусть он останется! Как мы поедем домой?

— Я вызову такси.

— У тебя даже нет телефона!

— Я попрошу тетю из регистратуры вызвать нам машину. Или позвоню дедушке.

— Нет! Я хочу, чтобы нас отвез сыщик. Я покажу ему Лило.

Я не вмешиваюсь в их жаркую дискуссию, но, старательно гася улыбку, ставлю на ту, что помладше. Она должна выиграть эту битву.

— Хорошо, — вздохнув, уступает Марго. — Но только отвезет. А Лило ты покажешь в другой раз.

И, заметив-таки мою победную ухмылку, посылает в меня еще одну шаровую молнию.

Даже две.

И я не пытаюсь увернуться. Стреляй, Маргаритка. Но я все равно останусь тут с тобой. С вами.

Наш диалог взглядами прерывает медсестра. Встает между нами и обращается к Рите.

— Мама, идемте со мной. Мне нужно опросить вас и заполнить документы. Девочке лучше остаться здесь. Ее сейчас позовут на перевязку.

— Но как я...? — растерянно переводит взгляд с нее на дочь Рита.

Я хочу напомнить о себе, но медсестра не дает произнести ни звука, опережая:

— Она может пока побыть со своим отцом.

Глава 29. Кирилловна

Это простое предположение отзывается во мне фантомной болью.

Я не отец.

Но я хотел бы быть. И отцом вообще, и конкретно этой девочки, Её дочери...

Запрещаю себе смотреть на Марго, но взгляд против воли перепрыгивает на нее. Ее лицо пылает, она выглядит сконфуженной и беспомощной.

Усмехаюсь невесело.

У тебя тоже боли, Маргаритка?..

— Это не... — начинает она, пряча от меня взгляд, но я перебиваю.

Не хочу слышать от нее "не отец". Не вынесу.

— Я останусь. Иди, куда нужно. Пойдешь ко мне? — приглашающе вытягиваю руки перед Кнопкой.

Но Рита крутит корпусом, отворачивая ее от меня. Это неожиданно ранит.

Не доверяешь?..

— Я бы не хотела оставлять дочь. Может...

— Папа может пойти вместо Вас. Если он знает, где и как девочка получила травму.

Папа...

— Он не знает, — сдается, обреченно вздохнув, Сумишевская, но не вручает ребенка мне, а ставит ее на пол и наклоняется ниже:

— Побудешь пока с дядей сыщиком? — Кнопка уверенно кивает. — Я быстро. Кстати, его зовут Кирилл. С ним можно дружить.

Когда Марго уходит, пару раз оглядываясь, я приглашаю Кнопку на мягкий кожаный диван. Руки больше не распускаю, сообразив, что неуместно брать на руки чужого ребенка, особенно, если его родители против.

Марго, совершенно очевидно, против.

Сажусь рядом, но на расстоянии. Дистанция, Потемкин. Она не твоя. Как не твоя и ее мама.

Мысленно пробиваю кулаком стену. Потому что в реале нельзя!

— Ты Кирилл? — переспрашивает, задрав голову.

— Кирилл.

Задумывается, трогательно сморщив маленький носик. Я жду. Потом кивает с важным видом.

— Такое имя я знаю.

— Наверное, у тебя в садике есть мальчик, которого так зовут, — предполагаю я, соперничая с ней в важности.

Моя новая подружка хмурится, сосредоточенно сведя брови точь-в-точь так, как это делала Маргаритка, когда... Когда мы еще... Давно, короче.

Давно уже она так не делает, и я радуюсь, как ребенок, что эта ее привычка передалась дочери.

Я скучаю по ее выразительной и неизменно заразительной мимике. Не знал, что по такому можно скучать. Раньше и не замечал особо, не придавал значения таким мелочам.

А сейчас, глядя на ее точную копию с такими же широко распахнутыми, светлыми и чистыми глазами, я тоже хмурюсь. Хотя мне вспоминать нечего — у меня ни Кириллов в

садике, ни садика.

— Неа, нет такого мальчика, — уверенно. — Но имя это я уже слышала.

— Может, твоя мама упоминала обо мне? — спрашиваю вкрадчиво, мысленно скрестив пальцы за положительный ответ.

Вновь задумывается, а я мысленно восхищаюсь тем, что девочка так серьезно относится к разговору и к своим словам. Не отвечает, не подумав, не хочет быть пустословкой.

— Нет. Не помню, чтобы мама говорила о тебе. А ты мамин клиент?

— Я — мамин друг. Но и клиент тоже.

— Ты — трудный? — вновь сводит она светлые бровки. — Мама не любит трудных клиентов.

Я — трудный, да. Без скидок. Ее маме есть за что меня не любить. Но не могу сказать ей этого, не хочу, чтобы она перестала быть моим другом, но и врать нельзя.

Ей нельзя.

Поэтому отвечаю честно, но сглаживаю углы:

— Наверное, да. Но обещаю тебе, что буду очень стараться стать попроще.

— Точно обещаешь?

— Торжественно клянусь.

— Сумишевские? Пройдемте в перевязочную, — вырастает перед нами невысокая девушка в медицинском костюме.

Кнопка — Сумишевская? Я обтекаю от этой информации.

Почему Долгих не дал ей свою фамилию, если она его дочь?..

Как такое возможно?

Какой отец на такое согласится?

Я зависаю.

— А это не больно? — меня дергают за руку, заставляя вынырнуть из дедуктивных мыслей.

Отбрасываю их и сосредотачиваюсь на девочке — придержи свою фантазию, Потемкин, все вопросы и домыслы потом.

Тебе доверили ребенка, оправдай это доверие. Второго шанса тут не будет.

— Нет, совсем не больно, — обещаю и по дороге в перевязочный кабинет рассказываю максимально подробно и без страховок, как ей будут накладывать гипс.

Даже извлекаю из себя немного юмора, и мне выпадает джекпот — Кнопка улыбается.

В кабинете она храбро протягивает руку доктору для манипуляций, я в ожидании подпираю косяк.

Придирчиво смотрю — типа что-то в этом понимаю, — как врач вынимает пропитавшиеся водой гипсовые повязки из лотка и аккуратно накручивает их по очереди внахлест вокруг предплечья Кнопки. Она тоже внимательно следит за всеми действиями, а потом вдруг резко оборачивается ко мне и заявляет радостно:

— Вспомнила! Я вспомнила. Я — Кирилловна. Потому что моего папу зовут Кирилл!

Глава 30. Дуэль

(POV Рита)

— ... Потому что моего папу зовут Кирилл! — раздаётся из-за чуть приоткрытой двери процедурной горделивый голосок моей дочери, и я сбиваюсь с шага.

— А тебя как зовут? — хриплый, какой-то чужой голос.

— Ева.

Сердце перестает биться. Ни слова больше, Евочка! Умоляю!

Ускоряюсь, стремясь прервать этот допрос с нарушениями всех законов, но запинаясь за собственный каблук, едва не падаю и лечу грудью вперед, как сорвавшийся с тормозов локомотив. Зажмуриваюсь, ожидая, что уткнусь лицом прямо в дверь или косяк, но за секунду до столкновения она открывается шире, и я влетаю в Потемкина.

Меня неожиданно топит в чувстве благодарности за то, что он меня поймал, что вновь оказался надежным партнером, как в тренинге на доверии. Я поднимаю голову, чтобы сказать "спасибо", но спотыкаюсь о его взгляд.

Врезаюсь в него, как только что в него самого.

Он смотрит так, будто жалеет, что не дал мне упасть.

"Спасибо" застревает в горле и перекрывает доступ кислороду. Наверное. Потому что ни вдохнуть, ни выдохнуть я не могу.

Я словно забыла, как это делается.

Кирилл отстраняет меня от себя, заставив выпрямиться, и сразу отпускает. Будто ему неприятно касаться меня.

Противно.

Сомнений нет — он все понял.

Он знает...

Внутри все обмирает, ссыхается и опадает, как цветы в пустыне.

Я столько раз об этом мечтала, столько раз представляла, как это будет, когда мы встретимся, когда он узнает про Еву, и...

Не угадала.

Не угадала его реакцию.

Он смотрит на меня совсем не так, как мне грезилось в робких мечтах.

В его взгляде нет ни любви, ни обожания, ни даже простой, такой естественной, как мне кажется, радости. В его глазах чудовищная, разрушительная смесь из презрения, неверия, обвинения и... разочарования.

Разочарования во мне.

Обвинения в том, что я предала его, обманула, лишила законного и естественного права если не быть настоящим отцом, то хотя бы узнать, что он им все же стал.

Неверия, что я могла так с ним поступить. Поступить так с нами!

И презрения за то, что даже сейчас я продолжала лгать... И убегать.

"Не лезь в мою жизнь", звучит в моей голове.

Наверное, и в его голове тоже.

Звучит вызывающе и так нелепо теперь.

Стыдно...

Но, возможно, я все это нафантазировала, и ему просто ВСЕ-РАВНО.

Учитывая все, что я тогда слышала, ему наверняка плевать на меня и на наше общее прошлое, нет никакого дела до нашего настоящего и, тем более, ему нафиг не сдалось общее будущее.

И я со своим почти взрослым секретом...

Но почему тогда он ТАК на меня смотрит?

Под этим его взглядом во мне все сжимается и лопается, как воздушный шарик, пережатый в кулаке.

Мне невыносим его взгляд.

— Кирилл, — беспомощно зову, но осекаюсь — разве мне есть что сказать?

Да и что тут скажешь?..

Никаких признаний я делать не хочу и не буду. Как бы ни были болезненны для меня его презрительно-уничижительные взгляды.

Не буду. Тем более в присутствии Евы.

Я не могу сказать ей и не могу позволить, чтобы она услышала, что именно этот Кирилл, важный дядя-сыщик — ее отец.

Не здесь.

Не могу такую важную информацию вывалить на нее сейчас, глубокой ночью, когда она столько плакала, когда у нее гипс и сложный перелом.

Разве этих страданий для нее на сегодня недостаточно?..

Поэтому даже если Кирилл спросит, я буду и дальше все отрицать.

А если не спросит?..

Если он не захочет говорить со мной — я бы на его месте не захотела, — а сразу начнет действовать?

Начнет свою кампанию по отбиранию у меня дочери?!

Ну, пусть попробует. Помешать этому я не могу, но и сдаваться без боя не собираюсь.

Даже если силы априори неравны...

Мне есть, что терять.

— Мама, подойдите, — зовет меня врач, и, решительно отведя взгляд от глаз Потемкина, я выхожу из нашей дуэли.

Но даже не надеюсь, что Кирилл позволит мне так просто уйти...

Глава 31. Ультиматум

(POV Кирилл)

Пока Рита получает инструкции по уходу и подписывает документы, вялая Кнопка подходит ко мне и, взяв за руку, тянет в коридор на диван. Такой же, на каком мы сидели в приемном отделении.

С замиранием сердца из-за какого-то незнакомого мне, но приятного, чувства в груди позволяю себя увести.

Усадив меня на край дивана, она садится рядом и наваливается сбоку. Это так... необычно. И тепло, даже горячо, я горю изнутри, просто оттого, что она так близко. И она...

"Моя?" спрашиваю сам себя, сам себе не веря.

И очень стараюсь не верить. Не спешить с выводами, тормозя себя на эмоциональных выражах.

Кнопка однозначно не Гладких, но моя ли?..

Мотор мой уверен, что моя — шарашит на полную, долбится в ребра, как безумный, будто ко мне не девочка пятилетняя прижалась, а с десятков электродов дефибриллятора.

Неужели, правда, моя?..

Реально?

По-настоящему?

Кнопка тихо вздыхает.

Столько раз я сокрушался, что не знаю ее имени, и совсем недавно собирался узнать его каким-нибудь читерским способом, а, узнав, продолжаю называть Кнопкой. Клиника...

— Устала? — сглотнув, спрашиваю, не придумав ничего лучше.

— Мхм, — сонно.

— Спи.

— А ты отнесешь меня домой? — ее язык заплетается, и некоторые буквы она не проговаривает.

Я потрясен тем, как резко и тотально ее выключило. С того момента, как она радостно и звонко кричала мне, что она — Кирилловна, прошло едва ли больше десяти минут, а она уже практически спит. Будто кто-то щелкнул тумблером.

Мне бы такой тумблер...

Не сейчас, но было время, когда я в нем остро нуждался.

— Конечно, — обещаю уверенно, твердо намереваясь сдержать данное обещание.

Хотя, знаю, Рита будет против. Но у нее не получится меня остановить.

Она выходит через несколько минут, видит наш спевшийся дуэт и раздосадованно поджимает губы.

Так-то, Маргаритка. 1:0.

Не заговариваю первым, не помогаю ей.

Злюсь? Сто процентов.

Ненавижу? Ноль процентов.

— Спасибо, — прячется за благодарностью и, сунув подмышку прозрачную папку с выпиской, наклоняется к дочери.

— Я сам ее понесу, — останавливаю, выставив блок рукой.

Отдернув руки, будто я ядовит, она выпрямляется и заявляет негромко, но решительно:

— Это мой...

— Ты хочешь прямо здесь выяснять кто чей? — обрываю, так же не повышая голоса.

Выдержав паузу, коротко качает головой.

Перекинув одну руку за спину Еве, второй подхватываю ее под ноги и осторожно поднимаю, наблюдая за дыханием и движением век. Не проснулась.

Поднимаюсь сам и шагаю к выходу, не глядя, идет ли Рита. Куда она денется?

Иду медленно, стараясь не разбудить и не расплескать то робкое, новорожденное ощущение, что поселилось внутри с тех пор, как услышал "Моего папу зовут Кирилл".

Подходим к моей машине, припаркованной у крыльца. Я мысленно даю себе пять, что, выезжая к ним, не выбрал скорость — в спорткаре мы бы разместились с трудом.

— В кармане.

— Что? — Марго слишком погружена в свои мысли, чтобы слышать меня.

Или понять.

— Ключи от машины в кармане джинсов. Правом. Достань.

Она автоматически тянет руку, но, опустив взгляд на карман и на то, как джинсы тесно облегают мои бедра и не только, вновь отдергивает ее.

— Лучше я возьму Еву, — нервно.

Усмехаюсь: не прокатило...

Закрыв собой от нее свою ношу, продвигаюсь еще пару шагов до задней двери. Киваю на переднюю:

— Открывай.

Закатив глаза, Рита подходит и дерганым движением нажимает кнопку на ручке. В темноте фары сразу загораются, зеркала открываются, двери разблокируются.

Неуклюже, в несколько приемов, залезаю на заднее. Марго уже не спорит, помогает придержать голову дочки, чтобы не стукнулась случайно.

У подъезда вновь пытается забрать у меня Еву. Блокирую попытку.

— Она просила, чтобы ее отнес я. Разбудим, чтобы подтвердила?

Вновь закатив глаза и поджав губы, молча распахивает передо мной дверь.

Гордо, как знамя, вношу Еву внутрь.

Это уже 2:0, детка. Летишь всухую.

В лифте она сокращает дистанцию, которую держала все время, с нежностью смотрит на дочь, проводит ладонью по ее волосам и касается губами виска.

Меня прошибает от этого жеста. Насквозь. Будто Марго поцеловала не ее, а меня.

Такое яркое ощущение, как реальное.

Ущипните меня!

Скинув кроссы в прихожей, иду за Сумишевской до комнаты Кнопки и бережно опускаю на постель с единорогами. Под ногами белый объемный коврик, будто шкура единорога, на тумбе ночник в этой же стилизации.

Вот почему ты единорожка...

Повернув набок, чтобы ей было удобнее, снимаю с нее обувь и носки. Рита вдруг резко активизируется и, оттеснив меня от кровати, суетливо вытягивает из-под Евы воздушное одеяльце, чтобы укрыть.

Непонимающе слежу за ее действиями и уже хочу спросить, какая змея ее укусила, как в последний момент перед тем, как одеяло почти полностью скрывает от меня Еву, мой взгляд выхватывает в фокус ее ступни.

И до боли знакомое бледное пятнышко на одной из них.

Левой. Как у меня.

Да-а-а-аа!

Эйфория от сделанного открытия бурлит внутри, и меня захлестывает ощущением беспредельного счастья.

Кнопка — моя!

Теперь у меня нет ни малейших сомнений в этом.

Да и были ли они у меня по-настоящему?..

Хрен знает.

Я захотел, чтобы эта девочка была моей, еще до того, как узнал, что она Ритина. При нашей первой встрече в офисе.

Просто... почувствовал.

Наверное, это ощущение называют зовом крови. Или как-то иначе, но по-любому так же пафосно. И конкретно.

А когда увидел их вместе, и она назвала мою Маргаритку мамой, прежде разных других чувств и мыслей — а их было много, — меня пронзило молнией надежды, что это наш с ней ребенок. Ребенок, который должен был стать нашим спасением. Который мог вернуть нам друг друга, возродить утраченную — по ошибке и дурости — любовь и примирить наши семьи.

Наш ребенок, от которого Марго, как я думал, отказалась...

А, оказалось, отказалась она от меня.

Эта мысль проходится танком, нет, целой дивизией Абрамсов с дополнительным обвесом, по моей эйфории.

И на улицу я выхожу сильно ужаленным.

Часть негатива сливаю на подъездную дверь — ее не жалко.

И к вышедшей вслед за мной после молчаливого приглашения Рите поворачиваюсь не сразу — хочу спустить еще немного "газов". Иначе меня взорвет, и ее изрешетит осколками.

Она встречает мой взгляд почти спокойно. Лишь порозовевшие щеки выдают ее волнение.

Или злость.

— Не то чтобы я не знаю ответ, но все равно спрошу: Ева — моя дочь? И сразу скажу, сказку про то, что она Димина, можешь больше не повторять. Иначе она не была бы Кирилловной и Сумишевской. Ты соврала мне тогда?

— Это Дима сказал. И он не лгал, он считает ее своей.

— Мне похрен, что он там считает, — взрываюсь все же. — Тогда — это шесть лет назад, Рита. Эффектная сцена с прокладками была инсценировкой? — она молчит, глаза рикошетят свет фонаря. — Еще раз: Ева — моя дочь?

— Нет! — срывается на крик. — Она — моя дочь. Только моя. Ты не имеешь к ней...

— Ты серьезно сейчас? За идиота меня держишь? Или за слепого?! Я видел родинку, Рита. Я знаю правду.

— Мало ли на свете родинок, — переходит на насмешливо-иронический. — У меня их тоже пара десятков, что это доказывает?

— Родинка, конечно, не тест ДНК и стопроцентной гарантии не дает. Тест ДНК, кстати, тоже. Но мне достаточно того, что я видел, — руки, сунутые в карманы худи, сжимаю в кулаки. — Достаточно для того, чтобы перестать верить чужим словам, а

потрудиться сверить факты. Которые, как известно, не лгут. Или ты и дату рождения Еве подкорректировала?

— Ничего я не корректировала, — бурчит, вновь меняя эмоцию.

Это уже четвертая за четыре сказанные фразы. Ее штормит так же, как меня, но меня только внутри.

— Значит, если она родилась в срок, то примерную дату подсчитать нетрудно. А когда то, что я уже и так знаю, подтвердится... — многозначительно замолкаю.

— И что тогда?.. Что ты будешь делать? — шепчет испуганно, потому что голос ей отказал.

Она выглядит такой беспомощной, такой уязвимой, я запрещаю себе реагировать на это. Не сейчас.

Это не ради меня, это ради Евы.

— Исправлять все, что ты натворила, моя дорогая.

— К-как? Как ты намерен исправлять?

Она пытается справиться с собой, и ей это удается. Я восхищаюсь ее выдержкой. Но почти ненавижу за ложь. За украденные у меня годы.

— Не люблю спойлеры. Придет время, и ты узнаешь. Но могу дать дружеский совет.

— Мы никогда не были друзьями, Потемкин.

— Никогда не поздно начать, Сумишевская, — в тон ей. — Короче, я даю тебе время и возможность самой рассказать Еве, кто ее настоящий отец. Без прикрас. Или, когда у меня на руках будут все бумаги, я скажу ей сам.

Долго глядя на меня, сканируя, будто проверяя, вдруг я шучу или блефую, но не найдя — с чего бы?! — Рита разворачивается и молча шагает к входу в подъезд.

— Я серьезно, Рита. Это ультиматум.

Глава 32. Торг или принятие?

Это, что, происходит на самом деле?..

Это все реальность, а не мой ночной кошмар, один из тех, что мучают меня с того самого дня, когда мы встретились с Кириллом на той злосчастной яхте?

Не могу поверить!

Какое счастье было просыпаться после таких ночей и знать, что это всего лишь плохой сон, убеждать себя, что он никогда не сбудется. И свято верить в это. Потому что иначе эту хроническую паранойю не пережить.

"Нет! Нет, этого просто не может быть!" в ужасе и ощущения тотальной безысходности скидываю руки и хватаюсь ими за голову.

Приглушенно застонав, падаю на постель поверх серебряного покрывала.

Без подстраховки. Плашмя.

Ультиматум!

Он. Выдвинул. Мне.

"Расскажи Еве, кто ее настоящий отец, или я скажу сам", звучит на повторе в голове категоричный голос Потемкина.

Безжалостный голос.

Я вскакиваю.

Да с чего он взял, что может мне что-то предъявлять? И, тем более, требовать? После того как он сам выбрал не быть с нами.

"Разве он выбирал?" включается в диалог мой критично настроенный внутренний голос.

"Лично я помню, что по его праву выбора ты цинично прошла упаковкой с прокладками".

"Только потому, что он цинично назвал нас с Евой проектом!" возмущенно возражаю сама себе. "Что я, должна была это проглотить? И, преданно улыбаясь, сообщить, что он скоро станет отцом? Осчастливить его, когда сама чувствовала себя обманутой и преданной?"

"Обманутым в тот день был только он".

"То есть, по-твоему, мне стоило делать вид, что ничего не случилось? Что я ничего не слышала?!"

"Ты и сделала вид, что ничего не случилось. А следовало честно сказать ему, что подслушала их с матерью, и потребовать объяснений. Но ты предпочла сбежать от проблемы вместо того, чтобы решать ее..."

— ...Опять!

— Как удобно свалить все на меня, — фыркаю, так увлекшись спором с самой собой, что начинаю проговаривать реплики вслух.

По ролям.

Слышал бы кто-нибудь меня со стороны, точняк, вызвали бы скорую. Хорошо, что Ева сладко спит, а Дима в отъезде.

Но я все равно решаю сломать эту порочную практику и иду в ванную.

Однако мой личный критик и адвокат Потемкина в одном "лице", не унимается и там, поэтому, и стоя под горячим душем, я продолжаю эту эмоциональную, но бессмысленную пикировку.

И в итоге я проигрываю это битву.

Внутреннему голосу аргумент за аргументом удастся внушить мне чувство вины перед Кириллом. Необъяснимо, но ко мне вдруг приходит осознание, как я была неправа, скрыв от него, что у него будет ребенок.

Пусть в тот день, в ту минуту это казалось правильным — единственно возможным — решением, но, если отбросить эмоции, становится ясно, что я была неправа. Очень неправа. Категорически.

Я не имела права брать на себя такую ответственность и решать за него, быть или не быть ему отцом.

И лишать моего собственного, тогда еще нерожденного ребенка, родного отца.

Решать и за нее тоже!

Тогда мне казалось, что это он решил, он сам все испортил. Но нет. Эгоисткой была я.

Наверное, впервые за все время я вижу ситуацию его глазами. И едва не складываюсь пополам от горечи, что ядом растекается в животе.

Как я могла?!

Я не должна была так поступать.

Разбитая и подавленная, выползаю из ванной и вновь падаю на кровать. Навзничь.

Тупо пялюсь в потолок.

"Поздравляю, Сумишевская. Стадии отрицания, гнева и депрессии позади. Что дальше — торг или принятие?"

Я и сама хотела бы знать, что дальше...

Утро мое начинается со звонка. Очень громкого и несвоевременного.

С трудом разлепив глаза, подношу телефон к уху.

— Доброе утро, Маргарита Александровна, — раздается в динамике женский голос с истеричными нотками. — Почему вы сказали в больнице, что Ева получила травму у нас?

— Где у вас? — не сразу понимаю я, так как голова еще окончательно не проснулась.

— В детском саду, — нетерпеливо. — Она ведь не жаловалась на боль в руке.

Только теперь я узнаю голос — наш подменный воспитатель Екатерина Дмитриевна. Или Митривна, как зовут ее дети.

— И вы, когда ее забирали...

Включаясь, перебиваю её, хоть грубить и не хочу, но не могу промолчать, когда слышу вопиющее искажение фактов:

— Как не жаловалась? Ева рассказывает, что упала на прогулке, заплакала и подошла к вам, сказала, что ручка болит. Но вы ничего не обнаружили, и она дальше побежала играть.

— В том-то и дело, что ничего не обнаружила. А я хорошо смотрела. И если бы там был перелом или ушиб, или царапина, я бы обязательно увидела. И Ева говорит, что после садика вы еще гуляли во дворе. Может, она упала там? — с надеждой.

— Нет, больше она не падала. Но я, честно говоря, не понимаю...

И воспитка долго и эмоционально втолковывает мне, какими неприятностями этот Евин перелом обернется для нее лично, для заведующей и всего сада, начиная от служебной проверки и расследования до наложения серьезных финансовых взысканий.

В общем, для них было бы лучше, если бы Ева упала в каком угодно другом месте, но мы уже заявили обратное.

Я горячо заверяю Митривну, что готова подписать любую бумагу и написать заявление, что не имею претензий ни к воспитателю, ни к садику, если это поможет. На этом мы

прощаемся.

И вовремя — ко мне в комнату вбегает проснувшаяся пострадавшая.

На скорости подлетает к кровати и, упав рядом, обнимает правой рукой.

— Мама! А уже утро?

— Утро, — улыбаюсь я. — Как твоя ручка — не болит?

— Нет, — приподняв голову, энергично мотает ей. — Доктор хорошо ее завязал. А Дима еще не вернулся?

— Нет, солнышко. Он завтра приедет.

— Давай пока не будем ему говорить, что у меня пе-ле-ром? Он будет переживать. А бабушке ты звонила?

— Еще нет. Давай позвоним вместе? Когда она увидит, что ты в порядке, будет меньше волноваться.

Мы звоним маме, и хоть мой план частично работает, мама все равно не успокаивается, пока не видит Еву "живьем". Быстро сворачивает разговор и приезжает к нам еще до того, как мы успеваем умыться. С игрушками и сладостями. Всё для любимой внучки.

Пока мама хлопочет у плиты, а Ева крутится рядом, пытаюсь помогать одной рукой, я смотрю на нее и думаю об ультиматуме Кирилла.

Как? Ну как я могу рассказать ей?

Как могу рассказать маме? А папе?.. А Димке?!

О, Боже!

Для них для всех эта новость станет такой же разрушительной, как падение метеорита.

Сотни метеоритов.

Но для Димки особенно. Родители как-нибудь переживут — Ева все равно останется их внучкой, хоть и выяснится, что в ней кровь Потемкина. А Дима...

Дима любит мою дочь как родную, и это одна из основных причин, почему я просто не могу признаться, кто ее настоящий отец. Он, как и все остальные, думает, что Еву я зачала из пробирки. Это официальная версия, и я ее придерживаюсь. Так намного проще.

И для меня, и для него. Проще любить и считать своим ребенка, отец которого безымянный "биологический материал", а не реальная личность.

Тем более это ведь и был мой первоначальный план — родить ребенка для себя. И лишь неожиданно обнаруженное в каталоге доноров фото бывшего любимого круто изменило мои планы. Но я не стала никого — кроме Лизки — в это посвящать, даже родителям не сказала. Мне и лгать им не пришлось. Они знали о моих намерениях и лишних вопросов не задавали.

И уж, конечно, я не рассказывала о своем "непристойном предложении" Димке, с которым мы познакомились уже после рождения Евы.

Что бы он обо мне подумал?.. Такими "подвигами" не хвастаются.

И вот теперь я перед сложным выбором.

Нерешаемым.

— А папа почему не с тобой? — спрашиваю маму за столом, когда мы втроем усаживаемся поглощать царский завтрак от бабушки.

Точнее, поглощаем мы с Евой, а мама ограничивается некрепким кофе. Любит его, но скачки давления не позволяют пить много и часто. Я же с удовольствием накидываюсь на сырники со свежими ягодами — бомба!

Вопрос у меня возник не зря — папа тоже души не чает в Еве, поэтому я искреннее удивлена, что он не примчался вместе с мамой.

По такому-то поводу!

— У него дела, — как-то неуверенно, я бы даже сказала уклончиво, отвечает мама.

— Дела? Какие у него могут быть дела в субботу?

— Не знаю я. Кому-то из друзей опять помогает, — отмахнувшись от меня, берет с тарелки панкейк и макает в сгущенку. — Ммм... вкусно! — подмигивает Еве, которая лопает уже пятый, и вся ее довольняющая моська в густых молочных потеках.

А я не могу отделаться от ощущения, что так мама делает специально, такой отвлекающий маневр, чтобы не продолжать тему про отца.

Это бред, конечно, и я сама кажусь себе параноиком, но в груди тревожно царапает.

Вот как вчера царапало на странное поведение Евы с рукой, но тогда я повелась на ее пояснения и не настояла на том, чтобы посетить врача, а ситуация ухудшилась. Может, обрати я внимание сразу и перелома бы не было?..

Но это явно не тот случай. У папы реально могут быть дела, объяснение мамы вполне логично и правдоподобно — так не раз бывало. Так чего мне мерещится?..

Или это я так переключаю внимание со своих проблем?

Глава 33. Не такие же

Выходные заканчиваются, и мне нужно придумать, куда пристроить Еву, в садик которую, конечно же, до снятия гипса не возьмут.

Не удивлюсь, если не возьмут и после — учитывая, сколько проблем они поимели из-за нее.

Да, я все еще испытываю неловкость за то, что так подставила воспитателя и заведующую, несмотря на Димкины и Лизкины — узнав про травму Евы, сестра тотчас прекратила дуться и прискакала затискать племянницу и залечить ее до смерти белым шоколадом — аргументы против.

Они у них, конечно, убойные, вплоть до страшилок о пристальном внимании ко мне органов опеки, если я соберусь изменить "показания" и скажу, что ребенок травмировался дома, но я все равно не собираюсь ни на кого перекладывать вину за гиперактивность своего ребенка.

Если кто и виноват в ее падении, так это я, раз не была слишком доходчива, объясняя ей об осторожности, и настойчива, когда обучала безопасному бегу.

Думая, с кем побудет Ева, пока я обустроиваю семейное гнездышко для Кирилла и его невестушки, я рассчитывала на помощь мамы. Ждала, что она сама предложит забрать Еву до выходных — мама не работает и прекрасно знает, как я занята на этом проклятом проекте, но она промолчала. А когда я спросила, она, виновато улыбаясь, неожиданно мне отказала.

— Прости, Ритуш, но в понедельник никак не получится. Мы с папой едем к Коптеловым, я давно обещала тете Любе помочь с кустами, и вот мы, наконец, договорились. Не хочу снова отменять, это будет уже неприлично. Но я постараюсь закончить побыстрее и вернуться в среду.

— В среду? — удивилась я. — А папе разве не надо на работу?

— Он взял несколько дней в счет отпуска. У них с Вовкой тоже намечается обширная "развлекательная" программа.

— Ясно. Ну повеселитесь там. И передавай им привет.

— Давай я позвоню своей маме, — Димка, в отличие от меня, ничуть не удивлен. — Я же сразу тебе предлагал. Ты знаешь, мои будут только рады помочь.

— Знаю, — наваливаюсь на него плечом. — Но неловко их напрягать.

— Почему? Они ей такие же бабушка и дед, как и твои.

— Ну, не такие же, — мягко возражаю, улыбаясь, чтобы сгладить жестокость своих слов, но промолчать не могу.

— Скоро будут такими же, — твердо. — Как только ты перестанешь тянуть и мы оформим официально и наши с тобой отношения, и мои с Евой. Все заявления у меня написаны. Тебе нужно всего лишь определиться с датой.

Определиться — это самое сложное...

Тем более теперь, когда Потемкин требует от меня совершенно другого. Противоположного!

Он ни за что не позволит Димке удочерить его ребенка.

А если мы поторопимся и оформим все до того, как он получит результаты ДНК, боюсь, будет только хуже. Кирилл развернет против нас полномасштабную военную операцию.

С танками и вертолетами.

Как, кстати, он собирается заполучить Евин образец ДНК — через суд, как все? Или прибегнет к читерскому выдергиванию ее волос при "случайной" встрече?

Он может...

— Так что, я звоню своим? — давит Дима.

— А, может, лучше к Лизке?.. — мямлю неуверенно — не хочу еще сильнее его обижать.

— Чем это лучше? — встает передо мной в демонстративном ожидании ответа, и я трусливо сдаюсь:

— К твоим так к твоим. Завтра до вечера.

— До среды, — отрезает он, набирая номер.

Глава 34. Ловушка

— Доехала?

— Почти. Полтора километра до поворота, — бросаю взгляд на дисплей навигатора. — Вот что ей опять понадобилось из-под меня, а? Утром же была, про люстру ее итальянскую в очередной раз выслушивала.

Тянет изобразить фейспалм, но я за рулем, поток сегодня какой-то бешеный, поэтому ограничиваюсь тем, что на секунду поднимаю глаза к потолку в машине. Типа закатываю.

— Сие неведомо, — философски изрекает Шагалов, вещающий по громкой связи. — Может, нашумевшая люстра уже доставлена? И боярыня торопится ее тебе живьем показать? Ржет.

— Чур меня! На сон грядущий такое смотреть вредно — кошмары замучают. Сто пятьдесят килограммов хрусталя и латуни! Трехметровая стеклянная... ёлка! "Как в Ла Скала", — голосом воспроизвожу томные интонации Кошкиной. — Блин!

Рома хмыкает — здесь однозначно напрашивается ругательство позабористей. Но такие эпитеты я позволяю себе только мысленно. Я же приличная девочка.

— Венецианский стиль, — и я живо представляю, как он при этом играет бровями. — Ну, хочет дамочка жить в театре, сделай ей театр.

— Театр начинается с вешалки, — бурчу, не желая соглашаться, хотя знаю, что он тысячу раз прав.

Желание клиента... Чтоб ее!

— А у нее с люстры. Имеет право.

— Конечно, вешалка-то у нас с тобой. От попыток хоть как-то поженить ее разностилье, чтобы это не выглядело полным трэшем.

— Кончай ты париться из-за отсутствия у нее вкуса, Ритк, — теряет Ромка терпение. — Так бывает. Не у всех он безупречный, да и не должен быть. Ну, она же не первая клиентка, кто...

— Не первая, но у других за вкус отвечали мы, а за это убожество я отвечать отказываюсь.

— Поздновато ты отказываешься, Сумишевская. Мы уже два месяца "творим добро" в этом КП и давай не сбиваться с курса. Лады?

Мне еще есть что возразить, но этот разговор у нас не далеко не первый, и бывали дни, когда за нитье и реплики "шеф, всё пропало" отвечал Шагалов, а я выступала голосом разума и островком адекватности, поэтому исход этой словесной дуэли нам обоим уже известен. Нет смысла продолжать.

— Уговорил, — соглашаюсь на выдохе.

Тем более я уже останавливаюсь у нового забора. Кирпичного и девственного белого, конечно же.

Несмотря на сильную специфичность вкуса Кошкиной я научилась предугадывать ее предпочтения. И когда показывала ей варианты ограждения ее "садов", заранее знала, который из них она выберет. И не промахнулась.

— Сейчас узнаю, чего ей вдруг приспичило. Она украла у меня вечер, между прочим. В отсутствие Евы у нас с Димкой намечалась date-night.

— Это она зря, конечно. Пипец теперь ее люстре, — ерничает зам, намекая на мою

мстительность.

— Иди ты! — с улыбкой обрываю вызов и иду к входу в дом.

На ходу отмечаю, что на участке непривычно тихо. В это время тут еще всю кипит работа, строительные бригады и декораторы трудятся обычно до темноты. Но сейчас никого не слышно и не видно.

Странно.

Нужно будет узнать у подрядчиков, что за несогласованные простои. Я считаю дни до конца проекта, а они отдыхают?! Я им устрою...

Слегка накрученная и злая, поворачиваю ручку на двери.

— Ольга, — зову свою рабовладелицу, иначе искать ее в этом огромном домине я буду до утра.

— Ольги нет, — раздается голос из гостиной, — Но, надеюсь, тебя это не расстроит.

Вздвигнув, поворачиваю голову на звук.

Кирилл выходит из-за угла и останавливается в геометричном арочном проеме.

Проем красивый — одно из немногих мест в доме, которым я полностью довольна и даже чуточку горжусь.

Кирилл тоже.

Не гордится, а тоже красив. У меня комок в горле от того, насколько он идеален. В любой одежде и обстановке — и в дорогом строгом костюме в своем офисе, и в простом расслабленном кэжуале, как сейчас.

Широкие плечи, рельефный торс, подчеркнутые тонким трикотажным лонгсливом. Кнопки на вороте расстегнуты, и мой взгляд задерживается на треугольнике видимой загорелой кожи. Раньше я любила зарываться в этот треугольник носом, согреваться теплом и вдыхать мужской аромат его тела.

Вдыхать я могу и сейчас, на расстоянии, а вот зарываться...

Покраснев от своих мыслей, скольжу взглядом дальше, на заниженный пояс возмутительно узких джинсов, плотно обтягивающих его ноги легкоатлета. Такие длинные, прямые и стройные, что им позавидует любая девушка.

И завидует. Я, например.

— Выкуришь со мной трубку мира? — спрашивает, жестом приглашая меня в гостиную.

— Ты не куришь, — напоминаю я, не двигаясь с места. — Как и я.

Тревожный колокольчик внутри трезвонит как оголтелый, призывая меня отказаться от предложения и, сделав ноги, быстренько укрыться от Кирилла-искусителя в своей машинке.

И уж конечно ничего из его рук не брать. И не надкусывать.

— Это образно. Пойдем, — протягивает ко мне руку.

Игнорирую ее, но приглашение все же принимаю и прохожу мимо него туда, куда он указал.

Что я делаю? Зачем? Где мои мозги?! Зря я злилась на Лизку, про Гудвина она была совершенно права...

Гостиная уже почти закончена, но мебель еще не привезли, поэтому просторный и светлый зал со вторым светом абсолютно пуст.

Был пуст еще утром.

Сейчас же ближе к стене — единственной, так как остальные три заменяет панорамное остекление в пол, — установлено что-то похожее на стол. Две короткие доски на ящике с инструментами — между рейками вижу торчащий молоток и рукоять от пилы. У стола

постелены два вязаных круглых детских коврика.

Мило...

— Пробуешь деревенский стиль? Это смена концепции или...? — вопрос я не заканчиваю.

— Это попытка поговорить в непринужденной обстановке.

— Ты заманил меня сюда обманом. Так себе попытка в непринужденность, — скрещиваю руки на груди.

— Готов искупить вину и разделить с тобой трапезу. Это подвиг для меня, ты знаешь.

Перевожу взгляд на импровизированный стол — на нем веерами разложены упаковки с разными видами и вариациями сушеной и вяленой рыбы. Полный ассортимент любой пивнушки. При одном взгляде на это изобилие я почувствовала дикое слюноотделение.

Хочу-хочу-хочу!

Я обожаю вяленую рыбу в любом виде, это одно из любимых моих лакомств с детства, и Кирилл, конечно, об этом знает. И хоть сам он относится к такой еде с брезгливостью, ему неприятен даже запах, ради меня он был готов потерпеть. Иногда.

Но чтобы пробовать самому... Это поступок.

Или подкуп.

Еще раз оглядываю стол — пара запотевших бутылок венчает натюрморт.

— Это что, пиво?

— Безалкогольное! — деланно возмущенно. — Так что, ты готова раскурить со мной воблу мира?

Глава 35. Вобла мира

Тревожный колокольчик во мне все еще истошно вопит. Точнее, колокольчиков этих во мне сейчас не меньше тысячи и все они звонят, надрываются, стараются предостеречь от неверного ответа.

Но стараются зря — я уже решила.

Да и какой из ответов неверный, не знаю даже я сама. Где уж там каким-то колокольчикам...

— Я готова, — говорю медленно, с паузами, и внимательно слежу за его реакцией. — Съесть воблу и поговорить о мире.

Его стальные глаза, на миг вспыхнув, тут же гаснут. Я не успеваю поймать и расшифровать их эмоцию.

Радость?

Удовлетворение?

Торжество, что попала в ловушку?..

Но дергаться уже поздно. Если попала, с крючка не соскочить.

"Даже если это ловушка, это нужно мне самой", убеждаю себя. "Это мой шанс убедить его отменить или хотя бы смягчить свой ультиматум. Мой шанс сохранить мир в моем мире... Я должна попытаться".

— Это все, о чем я прошу.

Кирилл опускается на один из ковриков, на морду добродушного льва, мне остается розовощекий медведь с бантиком и закрытыми глазками.

Любопытный выбор...

Но развить мысль мне не удастся — вздрагиваю от громкого хлопка. Это Кир, резко дергая в разные стороны, открывает запаянный пакет со стружкой кальмара, потом еще несколько, заполняя зал их соленым ароматом. Ставит упаковки передо мной и решительно вытаскивает одного желтого полосатика из пачки.

Не могу сдержать улыбку и тоже сую руку в пакет. Там чипсы из горбуши. Перченые и хрустящие — ммм...

— Ты, явно, очень хочешь заключить этот мир, — замечаю, жуя.

— Он важен для меня не менее чем Перемирие Кассибиле, — голос серьезный и взгляд такой... пронзающий насквозь, как рапирой.

Но он смягчает его улыбкой.

— Скорее уж, Версальский договор, — поддерживаю шуткой и демонстрирую, что из истории тоже кое-что помню.

— Почему Версальский?

Смотрю на него с недоумением, но он не притворяется, реально не улавливает связи. Что, Кошкина только нам толкает свои пространные речи о том, что у нее будет Дворец не хуже, чем у короля Солнце? Потемкина она от своих утопичных идей бережет? Не такая она и дура...

— Забей. Пусть будет Кассибиле.

Нет ничего более глупого и неловкого, чем объяснять незашедшую шутку.

Он пожимает плечами, типа "без проблем", и открывает бутылки.

— Сто лет я так не сидела, — признаюсь робко.

— Я тоже.

Какое-то время мы разговариваем ни о чем, увлеченно уничтожая нулевку и закуски. Не знаю как Кирилл, но я кайфую. И от угощения, и от того, что мы в кои-то веки не собачимся. Поэтому я не форсирую. Не спрашиваю ни о чем — хочу урвать эти пять минут покоя до того, как мы перейдем на серьезные темы и все испортим.

Что испортим, я не сомневаюсь — договориться нам будет трудно.

И оказываюсь не готова к этому, когда Кирилл, вытерев руки влажной салфеткой, придвигается ближе ко мне.

Торможу себя, чтобы не отшатнуться от него, как от чумного. И понимаю — режим прекращения огня закончился...

— Ева моя? — начинает сразу с главного.

Спрашивает тихо и с надеждой, приправленной уверенностью.

— Моя, — упрямо поджимаю губы и, отложив недоеденную соломку, все же сдвигаюсь чуть левее.

Я осознаю, да, что правда неизбежно настигнет меня и по-любому заставит рано или поздно признать ее вслух, но все равно отказываюсь делать это прямо сейчас. Оттягиваю момент.

Упрямо и глупо.

Но проблема в том, что это понимаю не только я.

— Зачем ты врешь, Рит? Я ведь все равно узнаю.

— Я уже знаю, — добавляет он, не дождавшись моего ответа.

И звучит так уверенно, так... нагло, что меня подбрасывает.

— Ничего ты не знаешь! — выпаливаю. — Надеешься, предполагаешь, фантазируешь что-то, но не знаешь. И я не...

— Знаю, — не дает договорить. — У нее родинка, как у меня, и дата рождения сходится. Это факты, которые ты не можешь опровергнуть.

— Может, она недоношенная родилась? Не думал, что твоя математика может сбоить?

— Я был в клинике, Рита, — улыбается снисходительно.

— В Новосибе?! — мои глаза едва не выпадают из орбит. — Ты летал в Новосибирск?

— Что тебя удивляет? Я бы и в Тимбукту полетел, если бы там была информация о моем ребенке.

— Если ты все уже знаешь, так чего ты хочешь от меня, Кирилл? — мой голос звенит.

Как те колокольчики во мне, которые давно сдулись.

— Чтобы ты признала правду.

— И что тебе даст, если я ее признаю?

— Не мне признаешь. Всем.

— Это невозможно! — срываюсь на крик. — Неужели ты не понимаешь?

— А ты понимаешь? — резко парирует. — Понимаешь меня?

— Если ты уверен, что ты отец, может, начнешь думать не только о себе?! Может, стоит для разнообразия подумать о Еве?

— А что с Евой? От правды ей будет только лучше.

— Лучше?! Ей будет лучше?! — вскакиваю на ноги, потому что сидеть больше не могу. Нависаю над ним: — Ты считаешь, что для пятилетней девочки узнать вдруг, что незнакомый дядя — ее настоящий папа, а тот, которого она считала отцом, ей, на самом

деле, никто — это так, пустяки? Думаешь, она не будет переживать? Думаешь, ее это не ранит?

Он тоже поднимается и теперь уже он смотрит на меня сверху вниз, а не наоборот. Но меня это не смущает. Я чувствую, что права, и продолжаю:

— Что ты скажешь, когда она спросит, почему тебя не было с нами все эти годы? Почему ты бросил ее? Почему не хотел ее? Почему не любил? И задаст еще тысячу вопросов. У тебя готовы ответы на них?

Я понимаю, что меня несет, и что этой своей речью я практически признаю, что он — отец Евы, хотя еще минуту назад делать этого не собиралась, но уже не могу остановиться. Вся накопленная обида, вся злость, все напряжение последних дней бурлят во мне вулканической лавой. Она рвется из меня, фонтаном бьет изнутри. И если я ее не выплесну, то меня разорвет от эмоций.

— У меня есть ответы на все ее вопросы. А если и нет, то появятся в процессе разговора. Мне нечего скрывать и незачем врать. Я ее не бросал, — Кирилл категоричен и спокоен.

Моя пламенная обвинительная речь ничуть не смутила его.

Хотела бы я быть такой же спокойной и сдержанной. Но где мне...

— То есть ты свалишь всю вину на меня? — фыркаю: это так нелепо, что даже смешно.

— Могу свалить на американцев, это сейчас в тренде. Или на енота, как в том фильме, или ты подкинь еще идей, кого назначить крайним, — он язвит и взглядом прожигает во мне дыру. — Мне пофиг, какой будет официальная версия.

— А не официальная? — догадываюсь, куда он клонит.

— А по факту это я спрашиваю у тебя, почему ты бросила меня. Почему ушла в тот день? Обманула. Устроила целое представление для единственного зрителя. Так почему ты решила, что мне не место в жизни твоей и нашего ребенка? Почему, Рита?!

Лучше бы он этого не делал...

Все события того дня вновь пронеслись у меня перед глазами. Все, от радости до боли за одну короткую секунду. И моя броня осыпается. На глаза выступают слезы-предатели. Но я не позволяю им смягчить себя.

— Все эти вопросы я рекомендую задать себе. Я ушла, потому что подслушала твой разговор с матерью. И узнала, что мы с Евой были для тебя лишь проектом. "Просто бизнес", — буквально выплевываю последние слова ему в лицо.

Выплываю образно, но он застывает с таким выражением в глазах, будто я действительно брызнула в них каким-то сильнодействующим парализующим газом.

— Я не знаю, в чем был твой план, мне фиолетово на твои мотивы, но я поняла тогда, что они точно расходятся с моими. И вместе нам не по пути, — заканчиваю уже не так решительно.

Когда я выговорила, на меня накатила страшная усталость. Казалось бы, я скинула с плеч, с души многолетний неподъемный груз, и должна почувствовать легкость. Но легче не стало.

Стало... пусто.

Потому что заменить этот груз нечем.

Потемкин так и стоит, неподвижный, как статуя Давида. И такой же красивый.

Но впервые меня это не трогает.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Обхожу коврик и, стуча каблуками, шагаю к арочному

проему. За ним выход.

Но уйти мне не дают пущенные в спину слова:

— И ты даже не выслушаешь мою версию?

Глава 36. Не простил

(POV Кирилл)

— У тебя еще есть, что мне сказать? — Марго удивлена и скептически.

Она выговорила, сбросила на меня свою бомбу и совсем не настроена меня слушать. Она хочет поскорее уйти, но я не позволю. Больше я не совершу этой ошибки.

Я уже отпускал ее, не заставив выслушать, как все было на самом деле. Оскорбленный ее недоверием, не попытался объяснить, доказать, что на той записи все совсем не так, как выглядит. А потом сам не дал ей возможности оправдаться в похожей ситуации, и мы потеряли друг друга.

Сейчас я этого не допущу.

На кону не только мы, но и наша дочь.

— Есть. Что именно ты тогда слышала?

— Ты не помнишь, что говорил? Конечно, ведь столько лет прошло. За это время ребенок почти вырос... А у меня каждое слово черной татушкой набито в голове. Я бы тоже хотела забыть... — горько.

От ее горечи неприятно жжет где-то в солнечном сплетении. Горячо и больно — жуть.

Представляю, как болит у Риты...

Сглатываю как невротик.

— Я помню. Помню смысл, но не фразы дословно, — она осуждающе усмехается, и я торопливо объясняю. Оправдываюсь: — Потому что я придумывал те слова на ходу. Про проект, про бизнес — все это не было правдой, я говорил не то, что думал и чувствовал. Это была ложь, которую я наспех придумал, чтобы успокоить маму. Она тогда только что выписалась после операции, проходила сложную реабилитацию, и ей было противопоказано любое волнение. Я должен был купировать его любой ценой. Быстро и убедительно.

— У тебя получилось. Меня ты точно убедил, Потемкин. И купировал. Поздравляю.

— Ты не должна была этого услышать.

— Чтобы не нарушить твоих планов?

Никогда не видел ее такой. Циничной и непробиваемой. Она как обвинитель на суде, безжалостно пуляет фактами, надеясь, что каждый следующий окажется для оппонента смертельным.

— наших планов. Мои не расходились с твоими.

— А ты знал мои планы? Уверен? — чуть красноватые и припухшие от контакта с солью губы кривятся в усмешке.

И я отвечаю честно, открываюсь перед ней, иначе до нее не достучаться.

— Я чувствовал. Кожей и, если хочешь, задницей ощущал, что мы на одной волне. Что хотим одного и того же. Что мы готовы забыть прошлые обиды и начать все сначала. Вопреки желаниям наших родных. По крайней мере, я хотел именно этого. Ты нет?

Отводит взгляд. Отворачивается и отходит к окну-хамелеону. За ним уже стемнело.

Вновь оборачивается на меня.

— И что же так взволновало твою маму? — меняет тему.

— То, что мы с тобой снова вместе.

— Ты сказал ей, что мы вместе?! — в искреннем возмущении она подается вперед. — Мы же просто...

Мягко обрываю ее наезд.

— Не говорил. Она заметила у меня женские вещи, спросила, чьи, а я, забывшись, ляпнул, что твои. Вырвалось. Она... среагировала.

— Чем же я так не угодила Надежде Ивановне? — вновь возвращает себе язвительный тон, но все с той же горечью в голосе.

Чем же...

Смотрю на нее молча, долго, не в силах произнести ни слова. Не потому что мне нечего сказать, а потому что о таком говорить очень и очень трудно. Это личное и болезненное — травмирующее. И слишком... мое.

Как признаться ей, произнести, глядя в глаза, что подыхал после нашего разрыва? Подыхал и бухал. Жестко, по-черному.

А пьяный и неадекватный строчил бесконечные смски ей.

Бывшей.

На старом телефоне без симки.

В них я и обвинял, и сливал обиду, и молил простить, и клялся в любви.

Вместо того чтобы встать и попытаться все исправить...

У меня до сих пор есть тот телефон. Сто семьдесят восемь неотправленных сообщений. В очереди на отправку.

Эпизодически приходя в сознание, я презирал себя тогда за эту слабость, за эту позорную зависимость. А теперь рассказать о ней вслух? Рассказать той, кто сделала это со мной?!

Мать тогда была рядом. Это происходило у нее на глазах. Она боялась за меня, она меня вытаскивала.

И пока я ненавидел себя, она возненавидела Риту.

Как тебе это рассказать, цветочек?..

— Она не простила тебе того, что ты... Что мы расстались, — смягчаю формулировку.

— Она не простила? — чуть ширит глаза, потом снова отворачивается к окну.

Задумчивая.

И родная до рези в глазах.

Смаргиваю это ощущение.

Рита долго смотрит в темноту и молчит. И я молчу.

Мне кажется, что она принимает какое-то решение, и не хочу ей помешать. Даже если решение не в мою пользу.

Я уже тоже все решил и не отступлю.

— Она не простила, — повторяет. — А ты?

— А я не простил себе.

Глава 37. Жестить

Как это случилось со мной?..

Как так вышло, что у меня есть дочь от любимой женщины, а я о ней не в курсе?

Где и в чем я так накосячил, что моя Маргаритка предпочла уехать в Сибирь и рожать там, чем поговорить со мной о том бреде, который услышала в тот день?

В день, в который узнала, что беременна...

Она не сказала этого прямо, но это очевидно. Иначе нахрена был тот спектакль с прокладками?

Простенько и красноречиво.

Изобретательно...

Почему, Рит? За что?

Неужели, правда, из-за тех слов, глупых и нелепых, которые я нес в страхе спровоцировать у матери еще один инфаркт? Она едва выкарабкалась после первого, тоже вызванного сильным эмоциональным перенапряжением, и я просто не мог стать причиной второго.

Когда я брякнул то самое имя, у мамы вся кровь отлила от лица. Даже губы побелели до цвета вареной куриной грудки, и волосы тоже резко потускнели, позеленели. И затряслись, как у алкаша. Она с трудом произнесла "Р-риты?". Я ужасно испугался тогда. Боялся, что у нее прямо сейчас случится новый кризис, и сходу сочинил то, что должно было ее успокоить. И это сработало. В тот момент это казалось важнее.

А Марго я собирался все объяснить позже.

И не думал обманывать ее, скрывать такую жесткую реакцию матери. Хотел, чтобы мы вместе придумали, как нам победить неприязнь родителей. Потому что ее предки меня тоже на дух не выносят.

И, к сожалению, есть за что.

Они все, включая гостей на юбилее семьи, своими глазами видели, как я "сосался" в приватной кабинке — кто придумал делать у них стеклянные стенки, хоть и тонированные?.. — с левой тёлкой. Так, выкупая долг братишки, я лишился любимой девушки. И расположения ее семьи.

— Ты соврал мне, ты соврал в лицо моему отцу, — обвиняла она меня, когда я, перевернув небо и землю, нашел ее в лагере, куда она уехала вожатой, чтобы смыться из города и от меня. — Даже если бы я простила тебя, они — никогда. Мне не нравятся дела, в которых мой парень ведет себя как валютная шлюха. И моим родителям такой зять не нужен!

Воспоминания наших последних разговоров сменяются в моей голове воображаемыми диалогами, которые я веду с ней о Еве. В которых и обвиняю, в бешенстве бросая резкие фразы, жестокие и разрушительные, сливая обиду. И уговариваю понять меня, побыть в моей шкуре и принять мои условия.

Ева и мой ребенок, черт возьми!

А-а-а-а-аа! Вбиваю затылок в стену своей спальни.

Как ты могла вытворить такое, Марго?!

Как можешь, вообще, считать себя правой в этой ситуации?

В ситуации, когда ты лишила меня дочери?! И ее лишила отца!

Как можешь обвинять в том, что я сам вас не хотел?

— Ты украла у меня шесть лет жизни моего ребенка.

— Ты не хотел быть в ее жизни. Это был твой выбор.

— Это кто тебе внушил?

— Я слышала это собственными ушами, Кирилл...

— В прошлый раз ты тоже видела собственными глазами, а потом приходила извиняться. Забыла уже?

Но, обвиняя, эту войну мне не выиграть.

Только договариваться.

Поэтому я пытался заключить перемирие, хотя хочется жестить. И мстить.

Но я себя торможу.

Да и просто не могу мстить той, с кем собираюсь вместе воспитывать ребенка.

— Какого ребенка? — мягкий голос сзади.

Оборачиваюсь и мои глаза встречаются с глазами вышедшей из ванной Ольги.

Я в ступоре от того, что, оказывается, говорил вслух. Как давно?

Она, улыбаясь, подходит ближе и обвивает меня руками.

— Ты хочешь, чтобы мы завели ребенка?

Обходит меня. Запрокинув голову, заглядывает в глаза и смотрит по-щенячьи радостно. Будто я сделал ей подарок.

Лучший в ее жизни.

Вот это палево!

Круто я встрял...

Чтобы не обидеть, зеркалю ее улыбку, а где-то в подсознании вновь ставится галочка, что даже после душа Кошкина умудряется выглядеть так, словно только что из салона. Это умение врожденное или ему где-то учат?..

Тяну с ответом, потому что не знаю, что сказать.

Конечно, правильно и честно сказать правду. Поделиться с ней своей радостью: я — отец! Но меня останавливает неуверенность, что ее эта новость обрадует так же, как меня.

Пытаюсь поставить себя на ее место — мм... не знаю, как бы отреагировал. Но точно не прыгал бы от счастья веселой козой.

А почему?

С одного ракурса кажется, что проблем не будет — это давняя история, случившаяся задолго до нашей с Кошкиной встречи, и причинять страдание или вызывать ревность не должна. А с другого всё уже не так однозначно.

У нас с Марго ребенок. Это не изменить. И Ольга — да любой на ее месте — почувствует угрозу для себя и нашего будущего.

И я не смогу найти слов, чтобы разубедить ее. Потому что...

Потому что я сам чувствую эту угрозу.

Сомневаюсь, что смогу жить, как раньше — ходить в офис, готовиться к свадьбе, строить дом и новую семью, когда хочу заниматься только тем, чтобы вернуть себе старую...

Но не могу сейчас ей этого сказать. Не тогда, когда она так смотрит.

— Мы же решили, что пару лет с этим подождем, — съезжая с темы, напоминаю хрипло, с трудом заставив себя говорить.

В горле сухо. Водички бы... Или посерьезнее чего. Насухую я этот разговор не вывезу.

— Да, я помню. Но тогда о чем ты говорил только что? — звучит озадаченно, но

продолжает улыбаться.

Мило и открыто.

Она всегда улыбается, человек-позитив. Девочка-праздник. Сколько мы знакомы, ни разу даже не ссорились.

Она гасит все мои вспышки, тушит все пожары и порывы.

У нас все ровно, спокойно, безмятежно. Идиллически.

И иногда это даже бесит.

Порой хочется эмоций и драйва. Чтобы искрило, бурлило и фонтанировало. Чтобы на разрыв.

Но потом вспоминаю, что именно так у меня было с Ритой, вспоминаю, чем этот фейерверк кончился, и... обнимаю милую, ласкающуюся, как кошка о ноги, Олю.

— О другом ребенке.

Уже сказав, пытаюсь отмотать назад и вспомнить, что конкретно я говорил, но, как обычно, я помню лишь смысл.

Это Рита могла бы воспроизвести всю мою мысленную речь с точностью до интонаций и пауз во всех местах. Но Риты здесь нет.

К счастью.

— О каком? Чьем? — настойчиво.

— Одной знакомой, — продолжаю уклоняться от ответа. — Ты не знаешь.

Ольга хмурится, но эмоцию выражает лишь взглядом — я научился считывать их, — ни одна мышца на лице не движется.

Это тоже одно из ее особенных — и загадочных для меня — умений.

Пока она молчит, во мне продолжается борьба желаний и долга.

Она не заслужила, чтобы я врал ей. Но еще больше не заслужила, чтобы вел себя как скотина.

— А что ты делал сегодня на стройке? — отлипнув от меня, меняет тему, и я облегченно выдыхаю.

— Смотрел, как там продвигается. Скоро сроки сдачи...

— Тебе понравилось?

— Сад красивый. Дизайнеры хорошо потрудились. В доме тоже...

— По дому они отстают от графика, — дует губы с легким намеком на каприз.

Тяжелых она себе обычно не позволяет. Но, думаю, если бы она узнала, что я сегодня распустил бригады задолго до конца дня, это мог бы быть первый раз.

— Я позвоню им, — обещаю.

"И не один раз", добавляю мысленно.

Мне претит ей врать, но правда ранит ее, и я не знаю, что хуже.

Где чертов выход из этой патовой ситуации?!

"Там же, где вход" не предлагать.

— А почему мы наняли именно эту фирму?

Я уже почти вошел в ванную, но резко останавливаюсь. Это вопрос с подвохом?

Оборачиваюсь на нее. Но Ольга смотрит так же открыто, как обычно. Не обнаруживаю во взгляде ни тени хитрости, ни ехидства.

— Мне ее рекомендовали, — натянув покер-фэйс, пожимаю плечами и закрываю за собой дверь.

Выдыхаю. Снова.

Кручу барашки кранов над раковиной — шум воды меня успокаивает.

И глушит прочие звуки.

Опустив крышку, сажусь на керамический трон.

Впечатываюсь головой в кафель. Как это все разрулить?

С чего начать? С признаний Ольге? Или Еве? А, может, первой стоит сказать маме? Она будет счастлива узнать о внучке и влюбится в нее с первого взгляда. Уверен!

Но то, что девочка от Риты и, вероятно, будет жить не со мной, может ее убить. А не скажу — не простит, если когда-нибудь узнает.

Пипец у меня выбор.

Ольга...

Ей нужно все рассказывать, без вариантов. С этим тянуть нельзя, это подло и мерзко. Зря я тормознул сегодня и съехал с темы. Такой был шанс. Задали вопрос — отвечай, Потемкин.

Поднимаюсь с трона — расскажу прямо сейчас.

Открываю дверь, свет из ванной длинным прямоугольником падает на кровать. Кошкина спит.

Зову по имени — не отзывается. Реально спит.

Тихо закрываю дверь.

Зависаю на несколько минут, потом достаю телефон.

Набираю номер.

Гудки.

"Аппарат абонента занят, оставьте сообщение после сигнала".

Противный писк в ухо.

— Привет. Я хочу встретиться с дочерью.

Глава 38. Прочерк

И утром рассказать все Ольге не получается.

Я просыпаюсь рано, поставив будильник специально, чтобы успеть поговорить, но ее дома уже нет.

Это странно.

Она далеко не жаворонок, и подъемы в такую рань обычно даются ей с трудом. Да и необходимости, вроде, нет. Что же ее так рано подняло?..

Одеваясь, набираю ей — абонент вне зоны.

Таращусь на дисплей — в смысле?

Мы почти два года вместе, и первый раз за это время у меня не получается дозвониться до нее. Ольга всегда на связи. Всегда в сети, никогда не забывает зарядить телефон и имеет сразу несколько пауэрбэнков — у нее пунктик на этой фигне. И тут вдруг вне зоны?!

Где в пределах области есть место, в котором еще нет сети?!

— Что за хрень? — дивлюсь вслух и набираю еще раз — может, глюк.

Но нет, результат тот же.

Проверяю мессенджер — ни одного сообщения от нее.

Хм. Ладно...

Сообщений от Риты, как и звонков, нет тоже. Хотя мое голосовое она уже должна была прослушать, но отвечать не спешит.

Они сговорились игнорировать меня сегодня?

Ничего не выйдет!

Мысленно решаю, что даю Марго время до вечера и буду звонить снова.

А не ответит, я позвоню в дверь.

И с Евой увижусь, и сразу решу вопрос с Гладких. Давно пора.

Если ему не хочет признаваться Рита, то его просвещу я.

В офисе меня ждет куча бумаг. Протоколы совещаний, решения Совета, которые нужно тщательно изучить и подписать. Но мысли мои блуждают далеко, и я ни хрена не могу вникнуть в текст. Строчки сливаются, буквы прыгают, смысл не доходит.

Промучившись больше часа, с раздражением швыряю лист, который тщетно читал. Отталкиваю от стола и отъезжаю на кресле к окну.

Бездействие меня ломает, крушит изнутри.

У меня есть цель — быть со своим ребенком. И я не хочу ждать.

Ни одного дня.

Смотрю на часы — до вечера еще очень далеко.

Перевожу взгляд на телефон, лежащий на стопке документов, и он вдруг оживает.

Срываюсь к нему в отчетливой надежде, что это Рита с положительным решением по моей просьбе. Но нет.

Это брат.

Резко тухну.

— Да, — нетерпеливо.

— Воу-воу, какой теплый прием! И я рад тебя слышать, большой брат.

— Привет, Фил. Прости... Просто я немного запаренный.

— Из-за чего? — живо интересуется братишка.

Тот самый, из-за которого я по-идиотски подставился перед Маргариткой и ее семьей. Его от больших проблем я тогда отмазал, а вот себе еще большие организовал. И они аукаются мне до сих пор.

Карма...

Но я не жалею, что помог ему. Я был должен.

— Бизнес трещит по швам? Или Кошкина что-то выкинула? — беззлобно глумится младший.

— Выкинула?.. — меня коробит формулировка.

— Ну, раскрыла свою настоящую суч... сущность, — хмыкает он.

— О чем ты? — суровеет мой голос.

— Да брось, брат! — примирительно. — Ты не можешь не знать моего отношения к твоей, как бы помягче сказать... невесте.

— Ты его не скрываешь, — холодно. — Но я всегда считал это проявлением ревности.

— Ревности? Брейк, брателло, ты не в моем вкусе!

— Не ко мне ревности, — закатываю глаза. — К моим не сложившимся отношениям с Ритой.

Фил чувствовал свою вину за наш разрыв, не раз пытался нас помирить, поэтому всегда был немного зациклен на том, что мы должны быть вместе. И когда появилась Ольга, он ее не принял.

— Не сложившимся моими молитвами?.. — усмехается. — Наверное, ты прав. Так что у тебя за траблы?

Собираюсь соскочить с ответа, но вдруг соображаю, что Филипп — тот, кто мне сейчас нужен.

Кто может меня выслушать. Без трагедий и осуждения. Просто выслушать и, возможно, дать совет. Не то чтобы он мне очень необходим — я знаю, чего хочу, — но вот как этого добиться?..

Фил умеет смотреть на вещи трезво, без лишних эмоций. Это то, чего мне сейчас не хватает.

— Ты не занят сейчас?

— Нет.

Договариваю уже на выходе из кабинета:

— Тогда через полчаса в "Бутчере".

Когда я подъезжаю к ресторану, брат меня уже ждет.

Выслушивает, ни разу не перебив, мой длинный безэмоциональный рассказ. От оценки, как я и ожидал и за что благодарен, тактично воздерживается. Лишь спрашивает с радостной улыбкой:

— Это у меня, что, есть племянница? Я — дядька?

— Да, только она о нас не знает.

— Узнает! — уверенно. — Что ты уже сделал для этого?

— Немного, — морщусь. — Достал копию свидетельства о рождении с прочерком в графе "отец".

— О, это облегчает дело, чувак! Не придется оспаривать отцовство другого мужика. Это, знаешь ли, тоже геморрно и не быстро, — Фил закончил юридический и хоть по профессии не работает, он в теме.

Киваю — мои юристы сказали мне то же самое.

Филипп поднимает стакан с "Колой".

— За "прочерк"!

— Нет. За то, чтобы заменить этот прочерк на мое имя, — чокаюсь с ним своей минералкой.

И запрокидываю ее в себя. Всю. До дна. Как водку.

— Теперь что — исковое на признание тебя отцом?

— Для начала хочу договориться на мировое. Суд — это долго и изматывающе. Плюс действовать с позиции силы и закона — такое себе. Надеюсь все же сохранить с ней нормальные отношения, а если развяжу тяжбу в суде, это будет трудно.

— Думаешь, получится миром? — с сомнением. — Зная Марго... Если она уже не согласилась, вряд ли передумает.

— Ну, я попробую. В конце концов, одно другому не мешает, — пожимаю плечами.

— Без согласия матери ДНК-тест ты провести не можешь, ты в курсе?

Снова киваю.

— Так-то можешь, — исправляется. — Но это будет чисто информационный тест, для галочки, в суде его не примут и отправят сдавать официальный.

— Для галочки он мне ни к чему. У меня нет сомнений в моем отцовстве.

— Как же это круто, Кир! — прорывает его опять на нечаянную радость. — Ты — папка! А мать знает?

— В этом и основная трабла, брат.

— Излагай. Я весь внимание, — сует он в рот тонкий сочный мясной слайс, окантованный аппетитной перцовой корочкой, и принимается активно жевать.

Я излагаю свои сомнения и опасения на ее счет.

Младший долго и напряженно молчит.

— Согласен с тобой, Кир. Говорить ей сейчас не стоит. Нужно сначала все разрулить с Марго. Когда ты приведешь к ней Еву, она все простит. Вам обоим. А если все пойдет по плохому сценарию, то... Короче, ей пока лучше не знать. Нафик. А вторая трабла — дай, угадаю: леди Кошкина?

По отсутствию моей реакции на его вопрос делает вывод, что догадка верна.

— И что именно тебя напрягает?

— Разве это не очевидно? — хмыкаю, не желая облекать в слова свои чувства.

Они неоднозначны.

— Нет.

Брат не собирается мне помогать.

— Не хочу делать ей больно. Она — ранимая девочка...

— Она такая же ранимая, как я. Или ты, — перебивает Фил зло. — Как ты не видишь, брат, что к тебе приклеилась меркантильная и беспринципная девица, которая спит и видит, как бы поскорее тебя захомутать?! Но признаю: она — просто богиня притворства, если ей удастся столько времени тебя дурачить. Разуи, наконец, глаза!

Он матерится, приглушив звук на ноль, но я считываю по губам. И сатанею — меня достали их разборки.

Филипп ненавидит Ольгу в открытую, она же недолюбливает его молча. Но заметно. И старательно избегает его общества.

— Даже если так. Считаешь, это дает мне право поступать с ней по-скотски?

— Да! Считаю, — давяще. — Что ее гнилая сущность полностью развязывает тебе руки.

Подожди... — вдруг резко меняется выражение его лица и тон. — А о каком "скотском" поступке идет речь? Что такого ранимого для нее ты собираешься сделать? Может, я чего-то не знаю?

Вопрос прямо в яблочко. Ты не знаешь, брат.

— Рассказать о дочери, — мое лицо непроницаемо.

— И в чем, осмелюсь спросить, скотство? Чем твоей будущей жене помешает уже взрослый ребенок? Ты же не думаешь требовать единоличную опеку? Не собираешься забрать ее себе, заменив девочке мать на мачеху?

— Конечно, нет!

— А что тог... — он осекается и через секунду припечатывает меня взглядом: — Ты хочешь вернуть себе не только Еву, но и Риту?

— Хочу, — на выдохе.

Я не планировал говорить ему это, хотел, чтобы первой узнала Ольга. Это единственное, что я мог сделать правильно.

Но на прямой вопрос не могу дать иного ответа.

В своем желании я тверд и менять решение или скрывать его не собираюсь.

Мне не стыдно.

— Тогда понятно. С этим не помогу.

— Мне и не нужна помощь.

— А, кстати, ты говорил, она неожиданно рано встала сегодня? А я тебе скажу почему, — добавляет уверенно после кивка. — Оля твоя, стопудово, жопой почувствовала, что пахнет жареным и смылась. Зуб даю, Кошкина сейчас будет бегать от тебя как можно дольше, не давая возможности поговорить с ней и поставить точку в отношениях. Знает, стерлядь, что по телефону ты ее не бросишь. Ты же порядочный...

— Я — порядочная сволочь, так будет точнее.

— Ооо... самокритичность полезла. Давай, поупражняйся в самобичевании, глядишь, и передумаешь расставаться с Кошкиной. Нечестно же...

— Не передумаю. Я знаю, чего хочу.

— Даже если Рита тебя не примет и выйдет замуж за своего Димку? — чуть суживает глаза.

— Даже если, — меня передергивает от "замуж".

— Никакого запасного аэродрома?

— Нет, — отрезаю. — Но без боя не сдамся.

— Ну, удачи тебе, брат. Я с тобой, — он протягивает мне пятерню.

Я захватываю ее своей.

Поборемся.

Глава 39. Третий лишний

(POV Рита)

Чувствую себя бабочкой, пойманной и грубо пригвожденной к пробковой доске.

Уже понимаю, что все, мне конец, но все еще трепыхаю крылышками в отчаянной надежде на спасение.

Иначе чем объяснить, что я продолжаю бегать от Кирилла, сопротивляться его желанию и — надо признать — праву быть отцом Еве?

Только надеждой, что этот костер, который я сама по неосторожности разожгла, каким-то чудесным образом потухнет, и не спалит меня вместе с дочкой.

Телефон на рабочем столе звонит, и мне приходится открыть глаза и поднять голову с подголовника — пятиминутка размышлений и самокопаний грубо прервана. Интересно кем...

Взгляд на экран и я вновь зажимаюсь.

Он. Мой кошмар.

Отвечаю — отмораживаться и дальше бессмысленно.

И опасно.

Пока я не рассказала всё Диме и Еве — Боже, даже думать об этом больно! — я уязвима. И несвободна в своих решениях.

— Да.

— Это ответ на мою просьбу? — уверенный бархатный голос ласкает мне ухо.

До легкой ряби по телу. Ежусь.

— Это невозможно, Кирилл.

— Почему? Я пока не прошу ничего сверхъестественного, лишь увидеться с ней. Просто побыть с дочерью. С моей дочерью, — в мягкости бархата пробиваются стальные нити, придающие ему шершавость наждачки.

Я чувствую ее физически, через динамик. Как если бы он касался моего уха своим дыханием. Тру плечо и шею, чтобы стереть это ощущение.

— В качестве кого? — не сдержавшись, фыркаю.

— Друга и "дяди-сыщика" хотя бы. Мы успели подружиться с ней, ты знаешь?

Знаю. К сожалению.

Ева иногда спрашивает о нем. Чаще, чем мне бы хотелось. и хорошо, что не при Димке. Но я каждый раз боюсь, что моя девочка проговорится. И я буду хлопать глазами и ртом, не зная, как объяснить эту "дружбу" своему мужчине.

Так нельзя. Нужно что-то решать... И решаться.

А пока выиграть время.

— Допустим, я соглашусь. Что ты будешь с ней делать — возьмешь в офис?

— Да мало ли развлечений, — воодушевляется Потемкин моим отказом. — Свожу ее в цирк, в зоопарк, на аттракционы или мультики.

— Отработанная схема соблазнения... Да, Кирилл? — усмехаюсь.

Меня он тоже водил на аттракционы и в зоопарк. И в кино мы часто ходили...

— У меня свой подход к девочкам Сумишевским, — голос вновь теплеет.

Я слышу, как он улыбается.

— Даже не буду с этим спорить.

— Рита, это "да"?

Я шумно выдыхаю ответ.

Ева скачет вокруг меня, пока я выбираю в стопке ее поделки и рисунки за неделю, в одних носочках.

— Надевай обувь, пожалуйста, Эффи — пол грязный.

— Я хочу, чтобы ты надела, — не капризно, но требовательно.

— Когда я не занята, я помогаю тебе, но сейчас, видишь, я занимаюсь другим делом. Ты же сама хочешь показать вечером Диме свои шедевры. Надо их все забрать.

— Хочу! Но и чтобы ты надела мне туфельки, хочу тоже, — забравшись с ногами на скамью — на ней же негрязно, — подпрыгивает на месте. — Так что я подожду.

Я понимаю, что мне придется подчиниться. Заставить Еву поменять мнение или изменить своему желанию можно либо угрозами, а это слезы, либо шантажом, до которого я стараюсь не опускаться. Только в крайних случаях.

И тем более это неуместно сейчас, когда я под внимательным взглядом ее отца. Пусть и рядом его нет, но я чувствую его присутствие.

Отца... Как необычно это произносить в адрес Кирилла. Даже мысленно.

— Слезай с лавки, — подхожу к ней с туфлями из шкафчика.

Дочь быстро спрыгивает, звонко шлепается попой на сиденье и сует ножки в белые ажурные сандалики.

Я так радуюсь, что она у меня такая девочка-девочка и, как и я, любой одежде предпочитает платья. И туфельки. И косы. Самые разные. Мне даже пришлось научиться их плести. Все, от косы из жгутов до голландской и рыбьего хвоста.

Я расписываюсь в журнале, что забрала ее, и мы выходим из группы.

— На улице тебя ждет сюрприз, — говорю ей с тяжелым сердцем, пока мы спускаемся по лестнице.

Не хочу отпускать ее с ним.

— Кто? — с энтузиазмом, от которого в груди щемит еще сильнее.

— Увидишь, — стараюсь улыбаться. — Он хочет с тобой погулять. Без мамы. Если ты согласна...

— Почему без мамы? — недовольно сводит светлые бровки к переносице.

— Потому что это приключение только для двоих. Привет, Кирилловна.

— Кирилл! — загорается радостной улыбкой дочь.

Он подхватывает ее на руки.

Так легко и естественно, будто всю жизнь это делал.

Ева обнимает его за шею и тоже чувствует себя при этом прекрасно.

Я действительно третья лишняя.

Моя миссия — забрать из сада и сдать лично в руки — выполнена. Я могу уходить. Никто и не заметит.

Обида рвется изнутри.

— Скажем маме "пока"? — останавливает меня голос Кира.

Я замираю рядом.

— Пока, мамочка, — тянется ко мне и целует Ева.

— Пока, любимая, — отрываюсь я и с тоской смотрю, как они идут к калитке.

Кирилл и Кирилловна.

Глава 40. Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной

(POV Кирилл)

Я за рулем.

Ева рядом в новейшем, только что собственноручно распакованном и установленном, автокресле.

Она сидит важная, как английская принцесса на троне. Ну а какая еще? И тачка, и ее кресло — оба английского производства.

Я кайфую от того, что она рядом. И мне даже не нужно поворачивать голову, чтобы видеть ее. От одного факта, что мы вместе, одни, в моей груди закручивается в адски мощное торнадо и рвется на выход новое, незнакомое, но очень сильное чувство.

Чтобы смести с моего пути всех и каждого.

— Это твоя машина? — с интересом разглядывает салон.

— Моя. Нравится?

— Да, — задумавшись ненадолго. — Я знаю, это "Рэндж Ровер", — слегка спотыкается на "ж".

— Точно, — я удивлен — девочка же. — Ты знаешь только "Рэндж Ровер" или другие марки тоже?

— Все знаю. Это "Инфинити", оранжевая — "Субару", а вон там "Мерседес Гелик", — называет не без гордости.

— Ты любишь машины?

— Да! Дедушка меня научил. Он работает в автосервисе. Говорит, я способная.

Ничего себе! Что, гены и вот так работают?! Передавая потомкам кроме внешности и предрасположенности к болячкам еще и увлечения типа любви к тачкам? А что еще — вкусовые предпочтения?

— Ты рыбу сушеную любишь? — решаю сразу проверить.

— Бе! — кривится комично, но убедительно.

Этим тоже в меня, а не в Риту.

— А суши?

— Бе-е!

Три из трех. Фигассе. Это что, реально по ДНК передается?!

Моя девочка!

— Дай пять! — выставляю ладонь, она с силой бьет по ней своей пятерней. — Я тоже люблю машинки и у меня есть большая коллекция моделек. Как-нибудь покажу.

— Сейчас покажи! — требовательно и категорично.

А это у нее, однозначно, от матери.

— Сейчас не получится. У нас же приключения — забыла?

Снова задумывается, потом кивает.

Узнав, что мы едем на квест, Ева наотрез отказывается от того, чтобы сначала заехать поест. Я меняю маршрут.

В квест-центре из солидного списка доступных для ее возраста игр — я, на всякий, забронировал их все — она, без колебаний, выбирает "Изумрудный город".

Администратор предлагает нам сопровождение в виде аниматора Гудвина.

— Нет! Он — обманщик. Пусть летит в свой Канзас, — беспардонно припечатывает дядьку в костюме Ева.

Извинительно пожимаю плечами.

— Пойдем, Кирилл, — тянет меня нахмуренная Ева, и мы оказываемся в первой сказочной комнате.

Но едва попав в нее, Кнопка враз переключается.

Широко распахнув свои огромные — как у мамы — глазищи и даже приоткрыв рот, созерцает волшебные декорации, завороченно следит за разноцветной подсветкой. Да я и сам залипаю!

Разгадав первую загадку от Элли, вступаем на дорожку из желтого кирпича, идем по атмосферному подземелью, Ева берет меня за руку, я ее трепетно сжимаю. Из второй комнаты мы выезжаем на магической вагонетке. В темноту. Дух захватывает даже у меня, а моя Кнопка буквально захлебывается от восторга.

Ладонь мою не выпускает, и я таю от ее доверия.

С задачками и ребусами от Дровосека в его катакомбах, Страшилы в его деревне, Льва в его логове и — опять — Гудвина в своем зеленом замке моя девочка справляется сама, собрав все артефакты. Мне почти не приходится подсказывать. Не робеет она и в пещере ведьмы, разгадав ее хитрость.

В конце нам вручают заветный изумруд и мы, счастливые и заряженные, вынириваем в нашей реальности.

— Это было крутечки! — восклицает восторженно и обнимает меня за бедра: — Спасибо!

Лицом утыкается мне в живот, я замираю, боясь шевельнуться и спугнуть ее. Испортить этот исторический момент.

Так мы стоим около минуты — я считаю удары учащенно колотящегося сердца.

И так же резко, как только что застыла, она вдруг включается.

Где-то у нее точно есть кнопка...

Теперь мне понятно происхождение этого прозвища.

— Куда мы пойдём есть? — задирает голову. — Я голь-до-ная. Неть. Голь-од-ная.

— Я понял, — смеюсь. — А куда ты хочешь?

— В пиццу!

Мы, естественно, едем есть пиццу. Но не в пиццерию, а в ресторан. Настоящий, итальянский — уж если и есть пиццу, то у итальянцев.

Выбираю лучший из мне известных — моя дочь заслуживает самого-самого.

Она, конечно, заказывает пиццу — себе не изменяет — и большое пирожное, я — брускетту с лососем и спагетти нери с осьминогом.

В ожидании заказа, потягивая через трубочки каждый свой напиток, делимся впечатлениями от квеста. Смотрим фотки и видео, неудачные удаляем, удачные отправляем маме. Чтобы было удобнее смотреть, Ева забирается ко мне на колени. Мы смеемся, заново проживая эти офигенные эмоции.

Пока за нашими спинами не раздаётся шокированное:

— Кирилл?!

Застываю с прямой спиной.

Оборачиваться не спешу — шестое чувство подсказывает приближение скандала...

— Потемкин? — не унимается голос. — Почему ты здесь с моей дочерью? Где Марго?

Он не спрашивает, он обвиняет.

— Не знаю. Дома, наверное, — повернув голову, отвечаю только на второй вопрос.

Ответить на первый гораздо сложнее.

И еще сложнее не вломить тебе за "твоей".

Он обходит нас дугой, вставая напротив.

— Дима! — вспыхивает радостью Ева, не позволяя ему задать следующий вопрос. — Ты за мной? Тебе мама сказала, что мы с Кириллом гуляем?

Кнопка сама засыпает его вопросами.

— Нет, единорожка, — губами он улыбается, а глазами стреляет в меня. — Мама мне не говорила. А почему вы гуляете?

Пять баллов, Дима!

Получить честный и откровенный ответ от ребенка, конечно, проще и быстрее.

Что это читерство гнилое, мы опустим...

— Мы с Кириллом друзья. Да? — поворачивается ко мне.

— Да, — киваю, с трудом выдавливая из себя корявенькую улыбку.

Это такое палево... Пипец просто!

Подстава подстав!

Первое же, выстраданное и выпрошенное, свидание с дочерью оборачивается полнейшей катастрофой.

Вовсе не это я обещал Марго.

Технически подставы никакой нет, конкретно "не попасть на глаза Гладких" я ей не гарантировал, но клялся, что все будет хорошо. А эта ситуация точно не вписывается в "хорошо". Это ни хрена не хорошо. Это не натянуть даже на "нормально".

Как?!

Ну как в огромном многомиллионном городе мы оказываемся одновременно в одном и том же месте?!

Мы работаем в одном бизнес-центре, ездим на одних лифтах, паркуемся на одном этаже паркинга, и ни разу не встретились! А тут... В не самом известном ресторане, не близко ни от Сити, ни от его дома на Патриках... Вот как?!

По виду Гладких очевидно, что его совершенно не парит как, он жаждет знать почему.

Напряжённый взгляд, распушенные ноздри, сжатые челюсти. Он требует объяснений и немедленно, но я не знаю, что сказать! Я не готовился к случайной встрече с конкурентом на право быть отцом. А-а-аа!

Я не боюсь Гладких, меня не пугает, что он узнает правду, но я не хочу подставлять под удар Риту.

Не хочу оставлять ее один на один с его гневом.

— Когда Ева потерялась в офисе, она вышла на моем этаже. Мы познакомились и подружились. Да? — теперь я заглядываю ей в лицо.

— Да! — энергично кивает.

— Ева терялась?

Черт! Рита ему не сказала... Логично, конечно — я бы тоже не сказал. Но что теперь с этим делать?!

Прости, Маргаритка, придётся мне доиграть эту карту. Другие ещё палевней.

— Ты не знал? — удивленно приподнимаю бровь и усмехаюсь, пытаюсь сместить акцент с Риты. — Тебе следует провести беседу с сотрудниками, если они не докладывают

тебе о таких косяках.

— Проведу, — сухо. — А сейчас я могу забрать своего ребенка? Ева, пойдём домой?

— Нет, — так же энергично, как только что соглашалась со мной, она возражает

Гладких. — Я не уйду без своей пиццы и...

Снова оглядывается на меня с вопросом в глазах.

— Мильфей, — подсказываю название заказанного ей пирожного.

— Вот его.

— А мы попросим упаковать его с собой. И для мамы закажем.

— И пиццу с собой?

— Конечно.

— Ладно, — она прыгивает с меня и перебегает к нему.

Усмехаюсь: Хороший ход, Гладких. А ты умеешь в тактику...

Он отвечает полуулыбкой победителя.

Ну или мне она мерещится — я же в курсе, что мы конкуренты, а он пока нет.

В этот момент официант тащит пиццу и мое основное. Дима озвучивает ему желание упаковать еду на вынос, тот быстро убегает исполнять. Проходит меньше пяти минут, когда они, расплатившись, покидают ресторан.

— Счастливо, — с улыбкой бросает мне.

Борзый. Когда к сотрудничеству склонял, не так лыбился...

— Пока, Кирилл! — машет ручкой Ева.

— Пока, — отзываюсь эхом.

Остаюсь сидеть один. Тупо таращусь на тарелку перед собой — желание есть пропало, ушло вместе с Евой.

Заметив это, улыбчивая хостесс интересуется, все ли в порядке с блюдом.

— Да, — оживаю. — Просто аппетита нет. Счет принесите, пожалуйста.

Оставляю щедрые чаевые и сваливаю из ресторана.

Подходя к машине, набираю Марго. Почему, блин, я не сделала этого сразу?!

— Вы возвращаетесь? — спрашивает вместо приветствия.

Не знает еще...

Глубоко вдыхаю, настраиваясь.

— Еву забрал Гладких. Мы случайно встретились в ресторане. Прости...

Я слышу, как она ахает, но ничего не говорит. Просто скидывает вызов.

Заслужил, че...

Глава 41. Полнейшая катастрофа

(POV Рита)

Завершив разговор с Кириллом, я зависаю.

Сижу, застыв в одном положении и слепо пялюсь в воздух перед собой. В голове приглушенный шум, будто в соседней комнате включили фен.

И Апатия. И безысходность.

Но страха нет. Глупо бояться того, что уже случилось.

И раздражения на то, что все так неожиданно, так невовремя открылось, нет тоже.

Потому что "время" для моего признания Диме не наступит никогда.

Не в смысле, никогда не признаюсь, нет, но и подходящего момента буду ждать долго. Его не будет. И, скорее всего, не будет и признания.

Поэтому, может, так и к лучшему.

По крайней мере, больше не придется его обманывать.

"А я считаю, что ты просто ищешь оправдания своему Кириллу", вмешивается язвительный внутренний голос. "Типа он снова ни в чем не виноват. Подставил тебя и слился одну разгрести это д... добро".

Я не спорю с собой — это же тоже глупо.

Я готовлюсь к разговору с Димой. Не придумываю, как оправдаться перед ним, не сочиняю жалостливые небылицы, не собираюсь всю вину сваливать на Потемкина.

Ведь не Кир ему врал. И меня никто не заставлял. Я сама...

И сейчас я сама должна посмотреть в глаза своему мужчине и честно сказать... Что?

Все то, что побудило меня скрыть от него правду? И про то, что сама хотела забыть, кто настоящий отец Евы, и что не хотела, чтобы Дима чувствовал себя уязвимым перед реальным отцом, и что просто струсила.

Я столько раз проговаривала все свои причины про себя, что без труда смогу повторить их вслух.

Без труда ли?

Мышцы ног пронзает сильная боль — от длительного сидения на коленях они затекли. Поднимаюсь и только тогда замечаю, что уже изрядно стемнело, а значит, прошел не один час.

Где же Дима с Евой?

Меня затопляет волной тревожности, но тут же в дверь звонят, и, выдохнув, я лечу открывать.

— Мама? — моему удивлению нет предела, когда, распахнув дверь, вижу ее на пороге.

— Не ожидала? — сухо спрашивает она, и хмурое выражение лица — второй повод мне удивляться.

Ни радостной улыбки, ни приветливости. Она смотрит на меня так, как в детстве, когда уличала меня во вранье. Нет, даже хуже...

При взгляде на нее в памяти всплывает тот единственный раз, когда я видела ее вот такой: осуждающей, разочарованной и даже уязвленной. Обиженной, что я не оправдала надежд.

Это было, когда мне было девять, я без спросу надела ее украшения и вышла в них во двор. Я хвасталась подругам и даже давала примерить всем желающим, пока нас не застукал

папа...

Он вежливо поздоровался со всеми, а потом взглядом велел мне идти за ним, и дома они вдвоем устроили мне порку молчанием. Продолжительную и болезненную. Оставляющую глубокие следы.

Зато я отлично усвоила тот урок, запомнила на всю жизнь — и помню до сих пор! — и больше никогда не взяла ничего чужого.

Я благодарна родителям за то показательное наказание. Но сейчас...

Что я сделала? Какой дала повод?..

— Что случилось, мама?

— Это я у тебя хочу спросить, дочь, — поджимает губы в явном недовольстве мной.

Я начинаю злиться. И волноваться.

— Ты можешь без загадок? — срываюсь на повышенный.

— А ты? — резко парирует, и, прежде чем она говорит следующую фразу, я захлебываюсь от внезапной догадки — она знает. — Ты не могла обойтись без того, чтобы обманывать нас с отцом? Скрывать столько лет, что Ева — дочь этого проклятущего Кирилла?!

— Как ты узнала? — вырывается у меня, и я тут же замолкаю, быстро осознав, что это неверный ответ на ее вопрос.

— Значит, ты не отрицаешь, что отец — он? — ее недавняя ярость словно сдувается.

Секунду назад мама пышела праведным гневом и сыпала обвинениями — справедливыми, нельзя не признать, — а сейчас выглядит опустошенной и потерянной. Как ребенок. Или одинокая старушка, но моя мама еще совсем не старая!

Это моя правда дается ей с трудом.

Прости, мамочка!

— Не отрицаю, — признаюсь, опуская глаза в пол.

Нет сил смотреть на нее такую.

Мама опускается на кожаный пуф у двери, почти падает на него, будто у нее тоже нет сил. Вдруг закончились.

Я понимаю, как ранила ее эта новость. И что лишь ярость поддерживала ее, придала силы, чтобы прийти ко мне и прочитать ответ в моих глазах. Она надеялась, что он будет отрицательным.

Что я опровергну нелепую, невозможную ложь, которую ей донесли... Кстати, кто?

Опускаюсь на корточки перед ней, кладу руки ей на колени. Поднимаю голову:

— Кто тебе сказал, мам?

— Я сказал.

Толкнув незапертую дверь ногой, в прихожую входит Дима. На руках вносит безмятежно спящую Еву.

— Т...

"Ты?" хочу спросить я, но запинаюсь.

Спотыкаюсь о его затыкающий взгляд.

Он, не останавливаясь и не снимая обувь, уносит Еву в детскую.

Потом возвращается, скидывает обувь.

— Проходите, Татьяна Сергеевна. Что вы как не родная? Вам ведь есть о чем поговорить с дочерью?

— Нет, Дима, я домой, — произносит мама устало и убито. — На сегодня мне

достаточно разговоров. Позвони мне завтра, Марго.

Киваю поспешно, давясь слезами.

Никогда не хотела, чтобы она и папа страдали. Именно поэтому я скрывала...

Но для них это, конечно, не аргумент.

Я почти отняла у них внучку. Родив ее от их врага.

Опозорившись сам и опозорив их перед гостями в такой важный для родителей день, Потемкин стал для них врагом.

И это мое предательство им еще нужно пережить.

Выйдя босиком в подъезд, смотрю, как мама медленно идет к лифтам. Как безучастно бьет рукой по кнопке вызова и стоит, ждет. Сутулая и безжизненная.

И в этом виновата только я!

"Мама!" криком заходится сердце, но она не хочет меня слушать. Ей нужно время.

И мне оно нужно.

Когда лифт уезжает, я возвращаюсь в квартиру.

Такая же заторможенная, как она.

Дима сидит на диване в гостиной. Мне хочется пройти мимо, но это только усугубит ситуацию. А ее надо решать. Попытайся хотя бы...

Я сажусь на другой его конец, лицом к нему, поджав под себя правую ногу.

— Зачем? — спрашиваю я, потому что он давяще, выжидательно молчит.

Ждет откровений и признаний? Но ведь он уже знает, к чему повторяться?

Или ему важно услышать всё от меня?

Наверное...

— Зачем ты пошел с этим к родителям, а не ко мне?

— У меня были причины, — холодно.

— Какие?

— Думал, что они были в курсе и участвовали в обмане вместе с тобой.

— Но это, в любом случае, только наше с тобой дело, — я пытаюсь понять его странный ход, но пока не получается. — Зачем их впутывать? Знали они или нет, это...

— Я сказал, — перебивает нетерпеливо. — У меня были причины. Мне было важно знать, они твои соучастники или такие же жертвы... — под конец фразы его голос надламывается, и он обрывает фразу.

— Прости меня, — подрываюсь к нему и порываюсь обнять, но он отстраняет. — Дима... — обреченно.

— Что Дима? — переспрашивает укоризненно и с плохо скрываемой обидой. — Тебе есть что сказать? Есть что-то, что может это исправить? Я думал, она моя. Я хотел ее официально удочерить. Я любил ее!

Теперь голос срывается на крик. Подавленный, но все равно оглушительный. От него у меня звенит в ушах.

Вскочив, он нависает надо мной мрачной глыбой.

Подняв голову, я читаю список обвинений в его холодных светло-серых глазах и подписываюсь под каждым пунктом.

Возражать даже не пытаюсь. Подступившие слезы застилают глаза, и очертания "глыбы" плывут.

Я пытаюсь сдержать их, потому что разреветься сейчас — не лучшая идея. Слезами проблему не решить. И жалкой выглядеть не хочу.

А когда первая слеза все же стекает из уголка глаза, Дима взглядом провожает ее, пока она не срывается со скулы и не шмякается на ковер, и, развернувшись, уходит.

Не из комнаты — вообще.

Вот теперь можно и порыдать. И я себя больше не сдерживаю.

Глава 42. Тринадцать

Наверное, впервые в жизни я так радуюсь звонку будильника. Он спасает меня, оповещая о том, что бесконечная ночь, наконец, закончилась, и можно больше не пытаться уснуть.

У меня это так и не получилось.

Хотя где-то в три часа ночи я даже выпила снотворное. Но оно не подействовало. Не взяло меня, как не "берет" крепкий алкоголь людей, переживших сильнейший стресс.

Я видела такое.

Мой папа однажды вернулся домой с работы — их автосервис тогда был еще не в салоне, а в одном из боксов гаражного комплекса — очень странным. непохожим на себя — молчаливым, очень напряженным, дерганым. С двумя бутылками водки в одной руке. Я тогда очень испугалась и притихла тоже — мой папа никогда не пил...

А в тот день он выпил обе бутылки практически залпом, у меня на глазах, но несколько не опьянел. А вечером рассказывал маме, как едва не умер от отравления угарными газами. Кто-то из коллег оставил заведенную ремонтируемую машину и запер гараж снаружи, не зная, что отец находится внутри. Он уже отключился, когда его вытащили оттуда.

Мое сегодняшнее состояние, видимо, похоже на отравление, потому что мой организм отказывается травиться чем-то еще.

Но и плюсы есть — я больше не плачу.

Выключив звук, тяжело поднимаюсь.

Умываюсь, не глядя на себя в зеркало — легко представляю масштабы бедствия.

Наверняка все последствия бессонной ночи налицо, в смысле, на лице. Но это последнее, что меня в данный момент волнует.

Волосы сушу тоже вслепую — кошмаров наяву мне на сегодня хватило. Утюжок для выпрямления моих волнистых от природы локонов игнорирую — ими общую картину не исправить, так стоит ли возиться? Да и желания нет.

По этой же причине отменяю макияж и, нацепив улыбку, иду будить Еву.

— Мама, ты какая-то другая сегодня, — осторожно спрашивает моя девочка, когда я ставлю перед ней традиционный утренний стакан с молоком.

Без перекуса из молока с печеньем она в садик ехать категорически отказывается. Каша ведь может быть невкусной, а значит, она останется голодной. Этот аргумент парировать трудно, поэтому мы с Димой внимательно следим, чтобы наутро у нас непременно был этот обязательный набор.

С Димой...

Дима больше не хочет ни за чем следить со мной.

Сглатываю подступивший к горлу комок.

— Проспала просто, — вру дочери, потому что сказать ей правду сейчас просто не могу!

Ну как я скажу ей все?

А сказать не все не получится.

Если рассказать про Диму, что я его обидела и он ушел от нас, она, конечно же, спросит почему. И придется рассказать про Кирилла, или соврать. Но если все равно врать, то почему не сразу?

Это проще. И главное — безболезненно.

Для нас обеих.

— Доедай печенье.

— В машине доем, — берет из пачки еще одну, запасную.

Улыбаюсь — хорошо хоть она у меня не меняется.

В коридоре, застегивая сандалии, она вдруг застывает. Хмурится.

— А Дима где?

— Он уехал в офис пораньше, — сочиняю на ходу, отвернувшись — лгать в глаза тяжело.

— Ммм...

Из подъезда Ева выскакивает первая. Я ловлю почти закрывшуюся за ней дверь, когда слышу ее радостное:

— Привет! А ты почему не в офисе?

Дима?

Сердце замирает на миг и тут же, наоборот, разгоняется с небывалой скоростью. Он вернулся?..

Странно, но радости я не чувствую, и вместо того, чтобы ускориться, застываю за приоткрытой дверью.

Застываю, потому что не знаю, стоит ли мне торопиться. Не знаю, зачем он пришёл.

Потому что простил или потому что желает продолжить вчерашний разговор? Только бы не при Еве!

Не знаю, чего от него ждать. Вчера он ни говорить со мной, ни слушать меня не хотел.

Что изменилось за одну ночь?..

"А, может, он вообще за вещами приехал?" ввинчивает свои ядовитые пять копеек мой внутренний критик. "Соберет манатки и адьос, подруга? Не боишься?"

Не боюсь.

На этот раз я на эти самопровокации не ведусь. Данная мысль, по меньшей мере, нелогична, ведь эта квартира Димины, а не моя. И если он и приехал за вещами, то моими...

— Соскучился по вам с мамой, — отвечает ей голос, услышав который, я резко толкаю от себя подъездную дверь.

— Кирилл?

— А вот и мама... Привет, Марго, — роняет как ни в чем не бывало, выпуская ладошку радостной Евы из своей руки, и, ощутив мое лицо взглядом, добавляет с обезоруживающей искренностью: — Отлично выглядишь.

Я хоть и не видела себя, помню, как провела эту ночь, а потому знаю, что должна выглядеть чуть страшнее пугала, но его словам и, особенно, этому его прямому, откровенному взгляду, верю.

— Спасибо, — бормочу, смутившись, и, обращаясь к дочери, тараторю сбивчиво: — Ева, садись, пожалуйста, в машину. Я поговорю с Кириллом минутку, и мы поедем. Ты зачем приехал на самом деле?

— Узнать, как все прошло с Димой. Волновался за тебя.

И тут я вдруг отражаю, что он в том же костюме, в котором был вчера, и выглядит этот костюм прилично помятым и... не свежим, в общем.

— Ты что, просидел здесь всю ночь?!

— Ну почему сидел?.. Когда Гладких приехал, а потом очень быстро свалил, я даже поспал. Почти с комфортом, — на этих словах он разминает наверняка затекшую от такого

"комфорта" шею.

— И зачем ты тут дежурил? — задав вопрос, сразу жалею об этом и в попытке защититься от его честного — или напротив — ответа скрещиваю руки на груди.

— Чтобы утром ты спросила меня об этом.

— Я спрашиваю, — нервно сглотнув, все же произношу, хотя еще секунду назад жалела, что ступила на эту хрупкую почву.

Кирилл улыбается одним уголком губ.

— В минутку я не уложусь. Если не возражаешь, я провожу вас до садика. Выпьешь со мной кофе после?

— Ты разве не торопишься на работу? — зачем-то спрашиваю, отводя глаза, хотя уже знаю, что соглашусь на кофе.

Я уже согласна.

— Работа подождет.

Ловит мой взгляд, требуя ответа. Я киваю.

— Мама! — повелительно зовет уставшая ждать Ева. — Ну сколько можно ждать?!

— Мама идет, — Кирилл распахивает передо мной водительскую дверцу.

— Ну сколько можно тебя ждать?! — повторяет Ева.

Заведенный мотор глушит звуки, но мне кажется, что я слышу, как Кирилл говорит:

— Тринадцать лет...

Глава 43. Эспрессо возле фонтана

(POV Кирилл)

— Ты по-прежнему предпочитаешь чай? — интересуюсь, усаживаясь перед ней за небольшим столиком на веранде кофейни в центре.

— По-прежнему, — кивает сдержанно и напряженно. — Но сегодня я буду кофе. Эспрессо. Двойной.

Ммм? Я не скрываю удивления — Рита всегда терпеть не могла крепкий кофе. Максимум — американо, и тот водой разбавляла. Или я что-то пропустил, и кофе тоже причислили к продуктам, вкус к которым приобретаешь с возрастом? Типа оливок, мидий и сыра с плесенью. Горький шоколад тоже, вроде, в этом списке.

— Тоже была тяжелая ночь?

— Уверена, это заметно, — отвечает после вынужденной паузы на появление официанта.

— Ты кокетничаешь со мной? Я уже говорил и повторю еще раз: ты офигенно выглядишь. Без косметики ты такая юная и незащищенная. Настоящая. И больше похожа на ту Марго, которую я встретил много лет назад и влюбился без задних ног.

— Без памяти? — ее губы растягиваются в робкой улыбке.

Наконец-то. Сработало!

— И без памяти тоже.

— Кирилл, — Рита вновь серьезнеет. — Давай договоримся не бросаться словами и признаниями, которые... За которые ты не можешь ответить.

— Почему не могу? Я отвечаю за каждое свое слово. Иногда мне за них бывает стыдно, — реагирую на ее скептическую усмешку. — Некоторые слова, признаю, говорить не стоило, но я отвечаю за них все.

— Ладно, — торопится закрыть тему. — В любом случае, как ты заметил, это было много лет назад и давно уже не имеет значения. Это все в прошлом.

Я собираюсь решительно возразить, но она затыкает меня на первом звуке, возвращая к прерванному ранее разговору:

— Так почему ты остался в нашем дворе? Почему не поехал домой, к Ольге? Как ты объяснил ей...

— Никак, — моя очередь прервать поток ее вопросов. — Ольги не было дома. Она уехала к родителям. И я провел ночь там, где захотел.

— И все равно тебе не стоило этого делать. Тебя мог увидеть Дима и...

— И..? — с нажимом спрашиваю.

— Это бы усугубило и так очень непростую ситуацию. Не доставляй мне еще больших проблем, Кирилл. Пожалуйста. И себе.

— Каких проблем? — против воли суровеет мой голос.

— С твоей невестой. У тебя скоро свадьба. Ты не забыл? — холодно.

И сама она тоже как будто дрожит. На ней тоненькая, почти прозрачная, блузка, но день сегодня невозможно жаркий... Возможно, причина в близости фонтана. Может, до нее долетают его колющие брызги?

Поднявшись, накидываю ей на плечи свой пиджак. Она тонет в нем, заливаясь румянцем, а взглядом говоря "спасибо".

— Не забыл, — сажусь на свое место. — Никакой свадьбы не будет. Ее и не может быть теперь, когда у меня есть дочь и...

"Ты" глохнет в ее возмущенном встречном вопросе:

— Ты, что, бросишь ее? Перед свадьбой?!

— Не брошу, — я выкручиваю спокойствие на максимум, хотя это не просто. — А объясню все.

— Что ты ей объяснишь? Как, вообще, можно объяснить такое?!

— Словами. Расскажу, что у меня есть дочь от любимой женщины, поэтому я не могу жениться ни на ком, кроме нее.

На этих словах ее негодование захлебывается. Она долго тупо смотрит на меня, ее губы чуть приоткрыты.

— Это ты сейчас о ком? — она сглатывает.

— Это я о тебе.

— Не поняла сейчас... — пробиваются нотки иронии.

Но я знаю, что это защитная реакция. Она боится мне поверить.

Поэтому я должен быть предельно прямолинеен сейчас.

Это мой единственный шанс вернуть себе мою женщину.

— Я могу объяснить еще раз. Я люблю тебя и хочу, чтобы мы стали семьей, настоящей. Какой и должны быть с самого начала. Хочу исправить это недоразумение и...

— Какое недоразумение? — вновь рвет ее на эмоции. — Кого ты называешь недоразумением? Свою Ольгу или, может быть, моего Диму?

— Если тебе нужны персоналии, то да. Ни Димы, ни Оли не случилось бы в нашей жизни, если бы мы оба не совершили самую большую глупость и ошибку.

— И какую же ошибку совершила я? Поимела наглость подслушать, как ты делишься со своей матерью бизнес-планами на меня и моего ребенка?

Рита едва сохраняет самообладание и нормальную громкость голоса. Она пылает яростью и жалит словами, как разъяренная фурия кнутом.

Я тоже на грани того, что с моего выкрученного спокойствия сорвет вентиль.

— Твоя ошибка в том, что ты не предъявила мне все, что услышала тогда. Не разрядила в меня всю обойму мыслей, которые отравляли в тот период твое сознание. Лучше бы ты ворвалась в квартиру, налетела с обвинениями и кулаками, и моя мать узнала, что я лжец, чем... Чем вот это вот все.

Она как-то резко выдохлась. Стихла. Опустила глаза в чашку с так и не тронутым кофе.

Ресницы беспокойно подрагивают.

У меня внутри все замедляется — дыхание, сердцебиение, ток крови по венам. Все замирает. Как перед прыжком.

— Посмотри на меня, Рита, — зову я, а когда она медленно поднимает глаза и встречается со мной взглядом, прошу: — Дай нам еще один шанс.

Рита встает и уходит. Молча. Не сказав ни да, ни нет.

Вообще ничего не сказав.

В точности как я, когда она просила меня стать "естественным донором" для нашего ребенка.

А я тогда был в полном шоке.

И от ее предложения, конечно — как такое можно придумать?! Но еще больше меня шокировал факт, что я был согласен. Я заранее был готов на все, что она предложит. Я так

задолбался за годы без нее, что ничто не было бы для меня too much. Я был готов, и все же она меня удивила.

Контузила неслабо.

Но уже тогда я знал, что не хочу быть просто донором, я хотел быть с ней. Навсегда.

И ушел, чтобы дать себе время подумать, как все это разрулить. Чтобы вписаться в ее безумный план на своих условиях. И у меня почти получилось...

Может, сейчас она тоже просто берет паузу?

Бросив купюру на стол — просить счет времени нет, — бегу за ней. Я буду рядом, когда она сформулирует ответ.

Догоняю у фонтана, подстраиваюсь под ее шаг. Мы идем вместе.

Она меня не гонит, уже хорошо.

Возле своей припаркованной неподалеку машины она не останавливается, и я выдыхаю.

Мы проходим пару кварталов, не меньше, пока она вдруг не встает как вкопанная. Я затормозить не успеваю. Приходится возвращаться.

— Рита?

— Ты просишь еще один шанс, но разве ты свободен? Ты ведь не говорил с невестой?

— Я буду свободен.

— А почему ты не освободился до сих пор? Нет, я не предъявляю, я просто хочу понять. Если ты решил, что не женишься, и хочешь быть с нами, то почему все еще не поставил точку с Ольгой? Мы с Евой — твой запасной аэродром?

— Это нелогичный вывод. При таком раскладе запасной аэродром — Ольга. Но нет, — отрезаю категорично, обрывая ее нетерпеливое и раздражительное "все равно". — Мне не нужен аэродром. Мне нужны только вы. Моя дочь и женщина, которую я люблю.

— Без задних ног, — улыбается она, но тут же стирает улыбку, я даже не успеваю ее отзеркалить. — И все же ты не должен говорить мне о любви, пока ты еще связан обещанием с ней. Это нечестно.

— Я знаю. Я... — замолкаю, потому что понимаю, как тупо прозвучит, что я до сих пор не расстался с Олей из-за того, что не могу, блин, никак с ней встретиться.

Вот почему вдруг она вчера сорвалась к родителям? Что за срочность? И именно сейчас!..

Я начинаю склоняться к тому, что Фил прав, когда говорит, что она бежит от меня специально. Но зачем?

Даже если она что-то узнала или услышала, если догадывается, что я хочу порвать с ней, на что надеется? Что если будет избегать меня достаточно долго, я, что, передумаю? Или забуду?..

В чем ее стратегия?

Ладно, сегодня я в любом случае с ней увижусь. Даже если она уедет еще к кому-нибудь, я поеду за ней туда. Это уже реально не смешно.

— Я поговорю с ней сегодня вечером. Обещаю.

— Вот тогда и поговорим о втором шансе, — отвернувшись от меня, Рита идет в обратную сторону.

К машине.

Обогнав ее, перерезаю путь, вынуждая остановиться.

— А Дима?

— Что Дима?

— Ты порвешь с ним? Или он тоже аэродром? — сразу жалею, что не сдержался, но поздно.

— Он уже сам порвал со мной. Вряд ли об этом стоит беспокоиться, — на удивление спокойно парирует Марго.

— Я беспокоюсь о том, что вы все еще живете в его доме. Это же его квартира? Кивает.

— Давай, ты соберешь вещи, и я перевезу вас...

— Куда? В Версаль?! — восклицает, округлив глаза.

— Что? — не понимаю, но уже второй раз слышу про Версаль.

Что это за шутки для посвященных?

— Дом, который ты строишь, а я делаю в нем дизайн.

— Почему Версаль? Не похоже ведь... — все равно не догоняю.

— Это долгая история, — отмахивается. — Неважно. В любом случае, в этот дом я не поеду. И по другим квартирам и отелям таскаться с Евой не буду. Ей ни к чему лишние стрессы, она только руку залечила и... вообще. Короче, никуда не поеду, пока ты все не решишь.

Обойдя меня, решительно подходит к машине и садится.

Стучу в стекло, она его опускает.

— Это месть? — спрашиваю.

— Нет. Это мотивация.

Глава 44. Я неполноценная

(POV Рита)

Уезжаю от Кирилла, но недалеко.

Сердце колотится, ноги трясутся, я с трудом жму на педали. Хорошо, что у меня автомат! На механике я заглохла бы, не проехав и десяти метров.

Повернув на ближайшем перекрестке, заезжаю в подземный паркинг Торгового центра.

Откидываю голову на подголовник и чуть отклоняю кресло. Закрываю глаза.

Только бы не уснуть...

Меня уже давно ждут на работе, сегодня у нас день Икс — день установки проклятущей люстры, которая тоже унаследовала звание "бесячей", заочно, — но мне нужна пауза. Отдышаться и подумать.

Боже! О чем тут думать?!

Я, что, всерьез готова вернуться к Кириллу?

После всего, что..?

А что? Вот "что", на самом деле, было?

То, как я не захотела выслушать его в первый раз? Да, я была обижена. Я думала, что он изменил мне. Опозорил перед родителями и родными. Перед Лизкой...

Но ведь все было совсем не так. Филипп крупно попался тогда, я даже не знаю на чем — этого мне так и не сказали. Его угрожали убить, если Кирилл не достанет компромат на жену одного воротилы. Он должен был сыграть роль ее любовника. Ему дали четкие инструкции и их снимали. Он выполнил все, что был должен, но Филя ему вернули полуживым...

И вместо того, чтобы выслушать его, поддержать, я сбежала. А когда все узнала — , не от него, а от человека, не желавшего, чтобы мы помирились, поэтому ему я поверила сразу, — уже Кир не захотел меня слушать. Не простил, что я поверила не ему, а его врагу Фролову. Ну и еще развязные танцы и пьяные неоднозначные тисканья меня с Фроловым, которые он постил в мой акк в соцсетях.

Конечно, он делал это намеренно.

И у него получилось задеть Кира. Я помогла...

Что это, как не предательство? Мое предательство.

По-настоящему Кирилл ничем меня не обидел. Только тем, что сразу не сказал правду. Но сказала бы я на его месте? Не факт...

"А потом?" включается в диалог моя язвительная "я".

А потом я пришла к нему со своим предложением. И он не отказал мне. Он сыграл в моей команде, хотя я этого не заслужила. И я снова его предала.

Снова поторопилась с выводами, вместо того чтобы поговорить с ним.

Я боялась, что он меня обманет. Но пока обманывала только я...

И это я своими тупыми решениями отняла у нас тринадцать лет! И возможность быть семьей. И отца у Евы...

Чувствую, как из-под век на щеки начинают скатываться слезы. Я не пытаюсь их остановить. Пусть.

Но уже в следующую секунду моя дверь распахивается, и меня достаточно грубо вытаскивают из машины.

Открываю глаза и одновременно рот, чтобы возмутиться и закричать, если потребуется, но его запечатывают поцелуем.

А еще раньше я чувствую его мужской запах.

Кирилл!

Мы встречаемся глазами.

Его губы буквально впиваются в мои. Ласкают и терзают. Нежно и требовательно. Ненасытно.

Его руки, такие знакомые и нежные, обвивают мою талию. Секунда — и я распята на боковине собственной машины.

Ловлю себя на том, что жадно отвечаю ему. Сопротивляться мне и в голову не приходит.

Да и как этому можно сопротивляться?!

Напору, натиску и сметающей с ног мужской энергии.

Я тону в его запахе, а его горячая ладонь крепко удерживает мою голову, не позволяя отстраниться. Телом он впечатался в меня, поэтому и выскользнуть я тоже не могу. Да и не хочу.

Хочу просто насладиться тем, как его язык танцует в паре с моим. Старый знакомый танец. Но такие новые ощущения.

Вскинув руки, зарываюсь пальцами в его волосы.

Ммм...

Я окончательно уплываю. И едва не хнычу вслух, когда он отрывается от меня. Тяжело дышит.

— Что это было? — выдыхаю я.

— Мотивация. Моя версия, — усмехается он мне в губы и вновь пленяет нижнюю.

Посасывает и покусывает. Заигрывает.

— И на что ты меня таким образом мотивируешь? — отчаянно пытаюсь сохранить твердость голоса и ясность рассудка, вцепившись ноготками в его плечи.

— На правильный ответ. Ты мне его еще не дала.

— Разве? Мне казалось...

— Не помнишь, на капоте тачки у нас уже было? — спустившись губами ниже, мурлычет мне в шею.

Оставляет влажную дорожку на ключице, скользит еще ниже к груди...

А-ах...

Взгляд мутнеет от этих ощущений. Дыхание вновь учащается, а колени подкашиваются.

Я оседаю в его руках, но Потемкин не позволяет мне упасть, легко возвращая на прежнее место.

— Не помню, — бормочу еле слышно.

Я сейчас и имя свое не вспомню и, вообще, с трудом отображаю действительность. Я словно во сне. В лучшем из тех, что снились мне за годы без него.

Но о чем это он? До меня начинает доходить, где мы и что мы делаем.

— Что? — отталкиваю его. — На капоте?

Он ловит мои руки и вновь вжимается в меня, смеясь.

— Тише, тигрица. Я просто проверял, насколько ты не в себе.

— Я в себе! — чувствую, что густо краснею, и радуюсь полумраку паркинга.

— Я тоже хочу быть в тебе, — касаясь губами моего виска, шепчет тихо-тихо, посылая

новую лавину мурашек по моему телу.

Ежась, упираюсь ладонями ему в грудь.

— Отпусти, пожалуйста. Кирилл... — придаю суровости голосу.

Заглянув мне в глаза, медлит, все же выпускает. Я торопливо отлипаю от полированной стойки и отшагиваю от него.

Но оказавшись вне окружения, вдруг ощущаю холод. И неловкость. Не знаю, куда себя деть, словно без контакта с ним я неполноценная.

Я не я.

— Мне пора, — делаю шаг к дверце.

— Увидимся вечером?

— Если Оля от тебя съедет, — обещаю я.

Телефон на магнитном холдере на приборной панели загорается входящим вызовом.

Шагалов!

Сажусь и отвечаю на звонок.

— Мать, ну ты где? Нам уже пора ехать.

— Я скоро.

Глава 45. Драма

— Маргарита Александровна, — у ворот встречает меня и подъехавшего на своей машине Шагалова взведенный субподрядчик, высокий мужчина в костюме и строительной каске. — Если вы эту мать драконов не уймете, то мы сворачиваем свою деятельность на этом объекте. И это не пустая угроза.

— Что опять случилось? — скрыть досаду у меня не получается, Рома рядом тоже закатывает глаза.

Такие заявления то я, то он выслушиваем едва ли не каждый раз, когда приезжаем в КП. К счастью, со мной в последнее время это происходит все реже. Мои сотрудники справляются без меня.

— Эта зараз... заказчица, — исправляется он, но посыл я понимаю — точнее не скажешь, заразчица и есть. — Достала всю бригаду. Двое уже отказались работать на данном проекте вплоть до угрозы увольнения. А у неё все новые доё... придирки. Разбирайтесь с ее закидонами сами. Мы либо работаем, либо нет.

— Что на этот раз её не устроило? — вздыхаю обреченно.

Мне тоже хочется — и давно — послать все и всех на фиг, но приходится засовывать свои желания в известное место и продолжать крутиться в этом чертовом колесе.

— Сначала она заставила нас приделать все до единой — а их, смею напомнить, больше тысячи штук — висюльки эти дебилные на каркас люстры. Я говорил, что с висюльками она станет неподъемной, и ее установка на потолок сильно усложнится. Но разве она слушает? Такую морду сделала... — он отчетливо скрежещет зубами, проглатывая ругательство. — Мне пришлось снять рабочих с других работ и еще вызвать дополнительных. Потому что люстра эта весит больше трехсот килограммов, а высота тут...

— Как триста? Было же сто пятьдесят, — влезает Шагалов.

— Это без висюлек, видимо, взвешивали, — разводит тот руками. — Короче, мы подняли люстру, подвесили ее на крюк, но еще окончательно не закрепили. Инструмента одного не хватает — мои обормоты его забыли. Трогать ее сейчас нельзя, а она требует поправить свои хренульки, которые, видите ли, при установке зацепились друг за дружку и не болтаются, как должны.

Прораб издевательски искажает слова Кошкиной. Но я хорошо представляю, какой интонацией и с каким выражением лица она говорила ему их.

— А вы что?

— А мы отказываемся, конечно. Там люстра на соплях! Ну какой крюк выдержит триста кэгэ?! — ищет он у нас поддержки.

— Никакой, — соглашается Рома.

— Ну и не трогайте, — одобряю я.

— Да как не трогать? — он по-бабски встряхивает руками. — Она топает ногами. Она грозит. Обещает, что не заплатит ни копейки, если мы немедленно... — крикнув с досадой, машет рукой типа "гори оно все". — Короче, сами с ней няньчитесь. Но мы за бесплатно работать не будем. Не заплатит, я люстру эту лично сниму к херам.

— Я разберусь, — обещаю. — Работайте спокойно.

Шагалов успокаивающе похлопывает мужика по плечу, и мы входим в дом.

Ромка уверенно, я — с осторожностью.

С ужасом жду встречи с Кошкиной. Я только что, меньше часа назад, целовалась с её женихом. Как после этого смотреть ей в глаза?!

Более того — я поставила Кириллу условие, чтобы он выгнал её из дома, а сама на голубом глазу — правда, у меня он серо-зелёный, — работаю с ней над его завершением. Какое лицемерие!

Хотя в чем лицемерие? Лично ей я абсолютно ничего не должна. Мы не подруги, и даже не симпатизирующие друг другу люди, никаких отношений, кроме рабочих — и то навязанных мне против воли, — у меня с ней нет, и я никак её не предаю.

Единственный, кому я должна хранить верность и перед кем отчитываться, это Дима, но он, очевидно, уже не считает меня своей. Не хочет иметь со мной никаких дел, вычеркнул меня из жизни. Стёр из памяти. Иначе бы он не ушёл.

Не оставил меня на растерзание Кириллу.

Или я опять тороплюсь с выводами? Не учит меня жизнь...

— Марго? — раздаётся сзади радостный голосок.

Весёлое щебетание.

— Да? — оборачиваюсь, и застываю мраморным изваянием, потому что на меня налетает с объятиями Кошкина.

Буквально подбегает и, подпрыгнув, повисает на мне. Я с трудом удерживаю равновесие.

— Марго, я так рада тебя видеть! У меня такие потрясающие новости!

— Какие новости? — опешиваю я и наверняка сейчас поразительно похожа на рыбу.

Не морскую, а ту, что на прилавке в супермаркете — замороженную и с незакрывающимся ртом.

— Потрясающие! Я — беременна! Я узнала только сегодня. Жду не дождусь, когда расскажу эту новость Кириллу. Он будет просто в восторге от счастья. Он так хочет ребенка. Мы обсуждали с ним на днях. И я подумала...

Я слушаю ее восторженную речь, но с каждым словом слышу ее все хуже — голос заглушается шумом в моей голове.

Громким, набирающим обороты, оглушающим.

Как рев мощного многоцилиндрового мотора.

Как у любимых Кириллом гоночных авто.

Ощущение такое, будто меня ударили. Врезали по башке чем-то тяжелым — битой или бетонной плитой. Или этой круглой штукой, которой разрушают дома.

Подходит. Ее слова меня сейчас тоже разрушают. До основания.

С улыбкой.

— Поздравляю, — словно в тумане слышу свой убитый голос, а Ольга продолжает щебетать.

— Срок уже большой, почти два месяца. Я думала, что у меня задержка из-за стресса, ну ты знаешь, а оказалось... Как же хорошо, что свадьба уже скоро, иначе в свое платье от Веры Вонг я не влезу, — хихикает она. — А ведь все знают, что это не платье Веры подгоняют под фигуру, а фигуру под платье.

— Да, все знают, — эхом повторяю.

— В общем, к чему я это все. Скажи, ты же успеешь закончить наш дом к сроку? Хочу, чтобы наша первая брачная ночь прошла именно здесь, а не в каком-нибудь отеле. Успеешь же?

— Конечно, успею, — выдавливаю из себя улыбку.

Глава 46. Считалочка

Ольга давно упорхнула от меня, а я так и стою, оглушенная и парализованная, но на губах по-прежнему, как приклеенная, та идиотская улыбочка, которой я изображала вынужденную радость от услышанной новости. Рядом никого, и притворяться уже не надо, но мышцы словно заклинило, и я не могу их расслабить. Надеюсь, что со стороны я выгляжу если и идиоткой, то по понятной причине.

Нет, не надеюсь. Мне пофиг.

Время идет, а я стою. Ко мне подходят, что-то спрашивают, я что-то отвечаю, даю какие-то указания, но едва ли отражаю кто и что.

Все происходит словно во сне. Мир на паузе.

Как в замедленной съемке, смотрю, как довольная Кошкина лезет сама поправлять висюльки на своей помпезной люстре. Как, расцепив первую пару штук, внушает продолжающим предостерегать ее рабочим, что это просто и безопасно.

Наблюдаю, как она пытается дотянуться до следующего узла из висюлек, встает на носочки, но вдруг оступается на каблуке и, пошатнувшись, нечаянно касается люстры.

Несильно, лишь легонечко подталкивает её, но этого оказывается достаточно.

Массивным маятником качнувшись туда-сюда, все её хрустальное величие срывается с крюка — или вместе с ним, я не следила — и неумолимо летит вниз.

Медленно падает сверкающей и переливающейся на солнце кристаллической глыбой и с приятным, посылающим мурашки по телу, хрустом рассыпается, разлетается на осколки стеклянным крошевом.

Красиво!..

И неожиданно больно. Несколько мелких осколков долетают и до меня, втыкаются острыми краями в одежду и кожу.

Брезгливо отряхиваюсь и, развернувшись, иду к выходу. По пути с наслаждением наступаю на обломки "версальского" символа, похрустывающими у меня под ногами.

Достойная точка для эпопеи с люстрой.

Стоя на светофоре, звоню Кириллу.

— Нам нужно встретиться. Сейчас. Ты можешь? — произношу скрипучим голосом.

Горло дерет от сухости, и заставить себя говорить сложно.

Всю дорогу я думала, думала, думала... Металась от одного решения к другому. И надумала вот...

— Конечно. Что-то случилось? — он встревожен.

— Случилось. Но это не телефонный разговор. Я буду в "Афимолле" на фудкорте минут через пятнадцать. Ты...

— Я буду.

Мы, вроде, все сказали друг другу, но он не отключается, и у меня не поднимается рука нажать отбой.

Кир так и сопровождает меня, пока я еду, а я слышу все, что он делает — его шаги, приглушенные голоса, сигнал лифта, опять голоса, снова шаги...

Ему, наверное, тоже слышны звуки, которые окружают меня — шум мотора, улиц, гудки клаксонов и вой мигалок.

Я прихожу раньше него и успеваю занять столик, чуть отдаленный от других. Я выбрала

это место не случайно — тут всегда толпа, никому нет дела до других и легко затеряться.

Ничего не беру. Мне сейчас кусок в горло не ползет.

Подняв голову, вижу, как Кирилл поднимается на эскалаторе, и, сойдя с него, безошибочно поворачивает в нужную сторону.

Будто его высокочувствительный радар настроен на меня.

Он не крутит головой, выискивая цель, не мечется взглядом, а сразу находит мои глаза.

Будто точно знает, где я нахожусь.

Я киваю ему, приглашая присоединиться.

Удивительно, но сейчас я чувствую абсолютное спокойствие. Внутри не бурлит кипятком, и холод не расплзается по телу, я просто жду.

Подойдя, он наклоняется, чтобы поцеловать меня, но я останавливаю его, отворачиваясь и отстраняясь.

Зависает в согнутом положении и смотрит с вопросом в прищуренных глазах.

— Не надо, — прошу сдавленно. — Я тебя не за этим звала.

— А зачем? — ему явно не нравится моя реакция, но он не спрашивает.

Садится напротив.

Я замечаю, что на нем другой костюм, не тот, что был вчера и сегодня утром. Он явно успел переодеться. Интересно где — домой заезжал?

Может, все же...?

— Хотела узнать, ты уже говорил с Олей?

Пока я ехала в город, в голове крутилось много разных мыслей, и одна из них была особенно назойлива. Я поняла, что сегодня Ольга вела себя крайне странно. Это ее неестественное щебетание, это внезапное расположение ко мне, эта необъяснимая доверительность, посвящение в ее беременность... Она вела себя так, будто мы сестры или подруги. С чего бы?

Раньше она мне только хамила, и вдруг такие перемены. Это... странно. И подозрительно.

Мне подумалось, что, возможно, Кирилл уже поговорил с ней, что она знает про меня и Еву, и поэтому разыграла тот спектакль.

И сейчас я жду от него положительного ответа.

Кажется, я даже не дышу.

— Нет еще. Я обещал поговорить с ней вечером, и я сделаю это.

Мне кажется, я даже слышу звук, с которым рухнули мои надежды.

Звук, очень похожий на тот, что я слышала в доме Кошкиной.

— Не надо, — вновь произношу, с трудом узнавая свой голос, тихий и убитый.

Но это точно я.

— Не надо с ней говорить, — пытаюсь вернуть себе владение собой и связками.

— Почему? — непонимающе и недовольно сводит он брови. — Мы же договорились. Я...

— Ты просто не все знаешь, — тянет улыбнуться, но выходит криво и искусственно. — Твоя Оля беременна. Сегодня вечером не ты ей, а она расскажет тебе новость. Извини, если испортила сюрприз...

— Ч-то?! Какой сюрприз? — он вроде кричит, но получается глухо, будто его держат за горло, душат.

Прокашливаясь, дергает себя за воротник-стойку, верхняя пуговица отлетает.

— Что за бред?

— Это не бред. У тебя будет ребенок. Может быть, сын.

— Какой сын? Кто это придумал? Ничего у меня не будет! — он вскакивает, челюсти сжаты, как и кулаки.

С кем он собрался драться — с Кошкиной?..

— Будет, Кирилл. Сядь, — устало. — Ольга говорит, срок уже два месяца. Ты же не станешь просить ее сделать аборт? — я снова спокойна.

Знаю, это признак скрытой истерики, но я дам себе вволю проораться потом, сейчас я должна все закончить тут.

Ребенок — это не невеста, его не бросишь, потому что разлюбил. Или не любил...

Потемкин тяжело опускается обратно на стул.

— Я думаю, ты понимаешь, что это конец.

— Кому — мне? — усмехается он жестко.

— Для нас с тобой. Мы попытались, снова, но у нас опять не получилось.

— Нет! Рита, — он накрывает мою руку своей и не позволяет выдернуть.

Рывком придвигается ближе. Хватает мою голову и притягивает к себе. Утыкается губами в висок.

— Не делай снова поспешных выводов, пожалуйста, — жарко шепчет мне в волосы. — Не ставь на нас крест. Я поговорю с ней, я разберусь.

— С чем ты разберешься? Ты говорил, что всегда отвечаешь за слова, отвечай и за действия тоже. Быть отцом для Евы тебе не позволила я, так будь отцом для этого ребенка. У тебя все шансы, Потемкин. Не проси их.

Высвободившись из его хватки, я встаю.

— Прощай, Кирилл.

Я уйду, но очень хочу, чтобы он меня остановил. Чтобы сказал, что главное, это мы, мы втроем, а все остальное решаемо.

Мысленно считаю шаги, неотвратимо удаляясь от него, но продолжаю надеяться, что вот сейчас я услышу его голос.

Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

Или приближающиеся шаги.

Восемнадцать. Девятнадцать.

Он догонит меня, не отпустит.

Двадцать три. Двадцать четыре.

Никогда больше.

Тридцать шесть. Тридцать семь.

Но надеюсь я напрасно.

Пятьдесят один. Пятьдесят два.

Я в лифте...

Глава 47. Супергероиня

И в эту ночь уснуть у меня не выходит. Усталость берет свое, и периодически я проваливаюсь в сон, но он недолгий, неглубокий и беспокойный. Отдохнуть не получается.

Мысли обо всем и всех сразу терзают, и даже когда я отключаюсь, мне снится, что я в школе у доски, решаю сложную задачку.

Нерешаемую.

Это слишком запутанный ребус. Как уравнение со звездочкой — много неизвестных и дано на китайском.

Странно и неправильно оставаться в доме Димы, когда мы уже не вместе, но еще неправильнее втягивать в наши проблему Еву. Зачем ей лишние стрессы?

Мы, конечно, съедем, но сначала нужно ее подготовить. И я подбираю слова.

До будильника еще час, я постоянно смотрю на часы, подгоняю время. И вдруг слышу шаги.

В спальню вбегает Ева.

— Мама, — сонная, она забирается ко мне под одеяло. — Уже утро?

— Еще нет. Спи, — шепчу в ответ, обнимая ее и целуя в макушку.

Мое сокровище!

Сердце щемит, оно переполнено любовью к ней и невыразимой нежностью и приправлено — или отравлено — чувством вины за то, что я однажды уже лишила ее отца и делаю это снова.

Два дня назад у нее их было два, а сегодня ни одного.

И на этот раз в этом виновата только я.

Хотя и в прошлый раз тоже я...

— Ты тоже спи, — так же шепотом отвечает она. — Я же с тобой. Тебе не должно быть страшно.

— Мне не страшно.

Прижимаю ее еще крепче к себе, меня захлестывает благодарностью.

Моя защитница... Супергероиня.

Она засыпает, а я лежу, согреваясь ее теплом, вдыхая запах ее шампуня "без слез" и давясь при этом слезами.

За пять минут до звонка выключаю будильник и иду в ванную.

В сад мы приезжаем, как всегда, среди последних. Быстро раздеваю ее, помогаю сложить вещи в шкафчик.

— Не скучай! — поцеловав меня, Ева убегает в группу, а я иду к машине, когда звонит мама.

— Привет, мамуль, — улыбаюсь я.

Но улыбка сползает у меня с лица, когда слышу ее напряженный голос. Поздороваться со мной она забывает.

— Рита, ты не могла бы приехать к нам с папой?

— Да, конечно. Вечером я за...

— Если это возможно, мы бы хотели поговорить с тобой прямо сейчас.

— Что-то случилось? — в груди замирает.

Я тут же вспоминаю все моменты, в которые они вели себя не так, как обычно. И мне

становится нехорошо, я чувствую сильную тревогу. Сердце стучит небольшим молоточком где-то ниже пупка.

— Я все тебе расскажу. Приезжай, пожалуйста, поскорее.

— Да, я сейчас буду.

Предупредив Рому, диктую навигатору адрес родителей.

Разумеется, я знаю дорогу к ним, но в утренние часы приходится учитывать пробки, чтобы добраться в пункт назначения в кратчайший срок.

*

— Почему вы не сказали мне сразу?! — вспыхиваю я яростным негодованием, когда родители рассказывают мне, что произошло. — Почему скрывали? Почему обратились за помощью к Диме, а не ко мне?

От обилия "почему" взрывается мозг. И вообще все взрывается.

Какая-то дикая история. Абсурдная.

— Как вы могли? Чем вы думали?! Как такое... — у меня заканчиваются слова.

— Мы не хотели тебя беспокоить. У тебя этот сложный проект, — оправдывается мама. — Да и чем бы ты помогла? Только зря бы переживала. А Дима сразу согласился и...

— И Дима просил не рассказывать тебе ничего, — перебивает ее папа. — Это было его условие.

— Условие? — меня подкидывает.

— Да, он помогает нам, а мы сохраняем все в тайне. От всех, включая тебя.

Качаю головой, как испорченный китайский болванчик — не вверх-вниз, а из стороны в сторону, — не веря в то, что слышу. В моем мозгу не укладывается этот абсурд. Никак. Он отторгает услышанное.

— Сколько вы должны?

— Много, очень много, Маргош, — опускает отец голову.

— Сколько это в цифрах, пап? — психую.

Тяжело вздохнув, он называет сумму, и я тоже резко чувствую недостаток кислорода. О.фи.геть!..

Разве одна машина, пусть и премиум-класса, может столько стоить?.. Да на эти деньги целый автопарк можно купить!

Наверное...

И кто хозяин той тачки, что исповедует такие бандитские методы устрашения и возврата долгов? Сломать ногу! Это же... преступление!

Ну вот я и ответила на свой вопрос. Ответ на него заложен в самом вопросе...

Бандитские методы в ходу у бандитов и преступников.

Но как папа мог так попасть?!

Перевожу взгляд на его ногу в ортезе. Теперь понятно, почему он так старательно избегал встречи со мной — тогда пришлось бы все объяснять.

Шумно выдыхаю.

— И Дима заплатил за тебя?

— Да. Он сказал не беспокоиться ни о чем и все уладил. Сам. Мне больше никто не звонил. Дима просил забыть эту историю, как страшный сон. А теперь...

— Что теперь? — замираю я, понимая вдруг, что это не конец истории.

Что весь ужас, который я только что услышала — про "убитую" машину клиента, про угрозы и показательный перелом ноги, про разборки, — было лишь прологом, прелюдией к

истинной причине нашей встречи. Иначе зачем им вдруг рассказывать мне то, что так тщательно скрывали?!

— А теперь он просит нас вернуть ему долг, — покаянно произносит мама. — Сказал, если ты решила его бросить, то он не обязан нам помогать. И разбрасываться деньгами...

— Бросить? Это же он... — замолкаю, понимая, как неуместны мои претензии здесь и сейчас.

Не при родителях выяснять, кто прав, кто виноват. Тем более, в отсутствие второй стороны конфликта.

Просит вернуть долг?! Это он так мстит мне?..

Но за что?!

"Что не сказала правду про Еву. Что позволила полюбить ее как свою, а потом узнать, что у нее есть другой отец. Что врала и о своих чувствах и намерениях на его счет. Продолжать?.."

"Не надо", сцепив зубы, мысленно гаркаю на внутренний голос.

Хоть бы раз поддержал...

— Я поговорю с Димой, — встаю я с дивана.

— Ты помиришься с ним? — с надеждой спрашивает мама, а папа пристыженно отводит глаза.

— Я с ним не ссорилась. Это... долгая история. Я потом вам расскажу.

— Привози Еву вечером, — мама добавляет торопливо и виновато. — Мы соскучились по нашей звездочке.

— Конечно, — улыбаюсь я и, сделав пару шагов к выходу, останавливаюсь в дверях. — Она поживет у вас некоторое время? Мне нужно решить пару вопросов.

Глава 48. Переговоры

Диму я приглашаю к себе на фирму, отпустив пораньше всех сотрудников.

Никто, кроме Шагалова, особенно и не сопротивлялся. Ему же пришлось объяснять, что у меня встреча, которую я бы хотела провести в приватной обстановке, без лишних ушей и свидетелей. И без него, в том числе.

Рома проявил понимание и удалился. Я остаюсь в офисе одна.

Дима опаздывает, и я начинаю нервничать. В смысле, дергаться еще сильнее, потому что нервничать я, с тех пор как ушла от родителей, и не переставала.

Еще бы!

Отношения у нас и так непростые, встречаться с ним сложно, смотреть в глаза еще сложнее, а во вновь вскрывшихся условиях это становится и вовсе невыносимым.

От волнения ощущаю тремор в руках и пытаюсь успокоиться, применяя техники дыхательной гимнастики. Не то чтобы я спец в этом, но немного практиковала. Баловалась.

Реагируя на звук приближающихся шагов, я встаю и замираю лицом к дверям.

Наплевав на все гимнастики и приемы, сердце разгоняется до космических скоростей. Еще немного, и мы взлетим.

Дима входит.

Внешне расслабленный и уверенный. Походка бодрая, пружинистая. Лицо нейтрально-непроницаемое. Чего не скажешь обо мне.

Простым разговор не будет...

— Здравствуй, Дима, — начинаю.

— Привет. Хорошо выглядишь.

— Это не правда, но спасибо, — отвечаю дежурной вежливостью на дежурный комплимент. — Где ты живешь?

— Не переживай за меня. Это не единственная моя квартира. И в офисе у меня есть комната отдыха. Неделю спокойно перекантуюсь.

— Не надо неделю. Я освобожу твою квартиру уже завтра. Сегодня перевезу Еву к родителям и...

— Я тебя не гоню, — перебивает он мягко.

— Я знаю. Просто... Жить там без тебя...

Он резко вскидывает голову. Его глаза блестят, Дима явно хочет что-то сказать, но я, вдруг испугавшись неведомо чего, быстро продолжаю, не давая ему открыть рот:

— Я хотела поговорить с тобой о папе. Я... Я хочу вернуть тебе его долг.

Его взгляд так же резко тухнет, а губы сжимаются в тонкую жесткую линию. Из доброго милого Димы он превращается в бизнесмена. Расчетливого и безжалостного.

— Не можешь. У тебя нет таких денег.

Даже его поза меняется. А у меня по спине бежит холодок. Противное ощущение страха.

— Я продам фирму.

— Твоя фирма столько не стоит, Рита, не обольщайся. Но если ты действительно заинтересована в том, чтобы погасить долг родителей, я могу помочь. Пойти навстречу.

Он деловит и собран. Словно не разговаривает со своей девушкой, пусть и бывшей, а ведет переговоры. О поглощении обанкротившейся фирмы.

Жаль, я не умею в бизнес...

— Чего ты хочешь? — спрашиваю с осторожностью.

— Я хочу вернуть себе свою семью. Хочу, чтобы все было, как раньше. Чтобы ты вышла за меня замуж, и я удочерил Еву.

Он заканчивает фразу, и я осознаю, что это именно то, чего я боялась услышать.

Нервно облизываю высохшие губы.

— У Евы есть отец, он не согласится на твое усыновление.

— Мы будем судиться с ним. Бороться за нас. Я узнавал — шансы у нас высокие. Закон на стороне матери. Если у нас семья, и Ева считает отцом меня, то все возможно. То, что он биологический отец, не делает его отцом по факту.

С каждым словом он звучит все увереннее, все убедительнее, все жарче.

Дима верит в то, что говорит, и, очевидно, очень хочет, чтобы все было именно так. Он искреннен в своем желании. По крайней мере, в этом я могу быть уверена.

Но я также уверена и в том, что Кирилл никогда не позволит этому случиться.

— Это если отец не претендует на отцовство, но Кири...

— Выбирай, Рита, — голос Димы как сухой лед, он обжигает меня до волдырей. — Что тебе важнее — твои родители и человек, который любит тебя и твоего ребенка, или желания бывшего, который бросил тебя беременную?

Дима не знает, как мы с Потемкиным расстались. Скорее всего, он делает очевидный вывод.

Неверный вывод.

Я колеблюсь. Это сложный выбор.

Сложный по многим причинам.

Я знаю, что никогда не буду с Кириллом, с этим я почти смирилась — никогда не стану соперничать с его и Кошкиной ребенком за место в его сердце, это заведомо проигрышный поединок. Тем более, если у нее будет сын.

Но и быть с Димой не смогу.

Не теперь, когда я знаю — я всегда это знала, но долгое время обманывала себя и других, — что по-прежнему люблю Кирилла. И только его одного. У нас было три попытки, все они кончились ничем, кроме боли, но на меньшее я теперь не согласна.

Мне было хорошо с Димой, я думала, что люблю его, но...

Нет.

Видимо, я из малочисленной расы однолюбов. Не повезло...

Нам обоим: и мне, и Диме.

А Кирилл — отец Евы, и главное: он хочет быть ей отцом. Настоящим. Хочет наверстать все то, чего я его лишила. Пусть не в качестве моего мужа, но разве имею я право вновь отбирать это право у него?

Нет.

Тысячу раз нет.

— И если ты выбираешь второе, Марго, — видя мои колебания, вновь включается в переговоры Дима. — За долг твоих родителей я потребую у Потемкина половину его фирмы. Как думаешь, вы с Евой стоите половины?..

Глава 49. Трагикомедия

(POV Кирилл)

Я в аду.

В персональном трехкомнатном чистилище. В которое несколько дней назад превратился мой собственный пентхаус.

И выхода из него не предусмотрено.

Это золотая клетка, и в ней я и сдохну.

— Кирюша, высвободи, пожалуйста, вторник через две недели, — ласково мурлычет Ольга, а у меня чесотка от ее нежного голоса. — Мне назначили первое узи. Ты же пойдешь со мной? Мы услышим сердцебиение нашего ребеночка. Представляешь?

— Представляю.

Получается равнодушно, и я смягчаю свою холодность улыбкой. Натянутой и фальшивой, но уж какая есть.

Я бешусь, да. От злости на ситуацию, которую не могу изменить, и ненависти на себя за то, что срываю свою злость на Ольге.

Она не при чем, ей просто не повезло оказаться не в то время не с тем человеком.

И мне не повезло.

Это не то место, где я хочу быть. Не то, где должен. Но там, где хочу, меня тоже не ждут.

И я болтаюсь, как фекалия в проруби.

И внутренне вою от бессилия.

А хочется выть вслух. А еще биться башкой о стену. И крушить, и ломать, и...

Но Ольга поводов не дает. Она — образец терпения и понимания, и земное воплощение женской мудрости — несмотря на токсикоз и гормоны, со мной она мила и самоотверженна. А я бездушная сволочь, но она это мое частное мнение не разделяет.

Поэтому башкой я бьюсь, когда меня никто не видит.

Пытаюсь поговорить с Ритой, но она не отвечает на звонки. Не читает мои сообщения. Даже после работы подкараулить ее не удастся — она ускользает у меня меж пальцев.

А я караулю, да. Знаю, что веду себя как мудака, как истеричный подросток, но не могу просто отколоться от нее. Не могу ее отпустить. Я без нее подыхаю.

Опять.

— Так ты пойдешь со мной?

— Я посмотрю свое расписание, — уклоняюсь от ответа и встаю из-за стола.

К ужину, который, как всегда, нам доставили из ресторана на первом этаже дома — ни я, ни Ольга говорить не умеем, — я не притронулся, а вот бокал опустошил.

— Куда ты? — удивляется лишь интонационно Ольга, идеально контролирую свою мимику.

— Встречусь с Филом.

— Зачем? — в голосе все же проскальзывает обида, которую она обычно старается не показывать.

— Он просил, — заученно вру я. — Какие-то проблемы. Я недолго.

Опять вру. Я долго. Я вернусь только, когда она уснет. Не вхожу в дом, не убедившись в этом по погасшему свету в окнах и ее "оффлайн" в сети.

Осознаю, что это тупо, что я просто бегаю от реальности, но иначе я это не выведу.

Не могу находиться с ней рядом. Знаю, что дело не в ней, но не могу. Я задыхаюсь.

И вновь бегаю или плаваю по утрам, а вечерами засиживаюсь на работе или пропадаю в качалке. Домой меня не тянет.

Да и больше не чувствую, что это мой дом.

Ощущаю себя погано, но исправить ничего не могу.

Тот случай, когда и исправлять нечего.

Я сам все просрал. Все сделал через жопу.

Прибился к Ольге от безысходности и тоски по Рите. Точнее, это она ко мне прибилась, а я позволил, не оттолкнул. Просто плыл по течению, как отломанная ветка, бесцельно и безучастно, и причалил к ее берегу. Вот и вся лавстори.

Пять лет я фестивалил и отжигал как мог и даже сверх того, а когда устал от всего и всех, рядом оказалась она.

Как в дурацкой игре с пустым стулом. Я бежал, бежал, вдруг музыка закончилась, и ее стул оказался единственным свободным. Я его и занял. Мне было все равно, чей это стул. Я потерял надежду когда-нибудь быть с Ритой, а если не она, то уже без разницы кто. А если без разницы, то почему не Ольга?

Все, как у Ларошфуко — она меня любила, а я ей это позволял.

Допозволялся...

— Привет, бро, — встречает меня Фил за столиком на антресоли ночного клуба.

Шумно здесь — пипец, я уже забыл, какая акустика в таких местах. Хотя раньше зависал в них регулярно. Давно...

Поэтому сейчас немного шокирован. И оглушен.

Отвечаю на его рукопожатие.

— Ты в порядке? — смеется брат. — Выглядишь контуженным. Падай и расслабься!

Послушно падаю на широкий кожаный диван. Но расслаблением и не пахнет.

Зря я повелся на его приглашение. Хотя, по большому счету, мне все равно, где время убивать. В качалку сегодня не вариант — мышцам тоже нужен отдых. Они и так в постоянном напряжении.

Музыка долбит в уши, басы нещадно колыхают грудную клетку. Я вибрирую как колонка на низких частотах.

Съезжаю ниже, откидываю голову на спинку дивана и закрываю глаза. Позволяю технодэнсу просачиваться в меня и вытеснить все левые мысли. И у меня даже получается.

Ненадолго.

— Что с тобой происходит, бро? — подсев ближе, кричит в ухо Фил.

— Да херня... — отмахиваюсь, не желая выныривать из этого состояния.

Не орать же на весь клуб о своих траблах. Чтобы завтра прочесть о них на первых страницах желтой прессы? Ну наф...

Но Фил не покупается.

— Пойдем-ка "покурим", — тычет меня кулаком в бедро.

Я нехотя встаю, и он ведет нас мимо цивильной комнаты для курения к аварийному выходу.

Кивает охраннику, и тот открывает нам железную дверь. За ней небольшое металлическое крыльцо и узкие крутые ступеньки — точь-в-точь как в американских фильмах.

Усмехаюсь, оглядываясь.

— Коламбия Пикчерз не представляет, — угадывая мои мысли, гнусавит младший на манер озвучки из девяностых. — Ну, рассказывай, чего она не представляет.

Я лишь качаю головой.

— Давай, колись, — толкает плечом в плечо. — По фэйсу твоему кислому вижу, что хреновы наши дела. С Ритой не договорился?

— Договорился. Пипец пришел откуда не ждали...

— Мужик ейный?

— Если бы...

— Тогда остается только мадам Кошкина, — он не сомневается.

— Да не совсем, — пинаю железную стойку носком кроссовка. — В смысле, не она одна. Короче, ребенок у нас будет.

— С Кошкиной?! — охреневает брат. — Ну ты...

Он длинно и смачно матерится. С душой.

— Ну камон! Ты че, про предохранение не слышал? Тебе как маленькому, мля, объяснять?

— Не добивай, а... И так тошно, — огрызаюсь.

— Тошно тебе... Да ты!.. — Филипп сплевывает и начинает с ехидцей: — Ты, конечно, решил играть в благородство и все же жениться на этой пронице?

— Я и раньше собирался...

— Неа. Ты думал, что собирался. А я, например, не сомневался, что до свадьбы дело не дойдет. Знал, что ты по-любому все отменишь. В последний момент или даже раньше прозреешь. И не я один. Мама, кстати, тоже. Она на день твоей свадьбы билеты взяла, к тетке в Пермь уезжает. Она тоже свято верит в твою адекватность. Ты же не такой идиот, чтобы связаться с Олей на всю жизнь.

— Видимо, такой, — бормочу больше для себя.

— Да даже на пару лет, — продолжает Фил, не слыша. — Не стоит она таких жертв. Да и сама так долго не продержится в роли Крошечки-Хаврошечки. Не ее это.

Я не отвечаю — смысл сейчас это обсуждать? История не знает сослагательного наклонения, и мы уже не узнаем, как бы было, если бы...

— Так что, ты решил играть в тупое благородство или ты все-таки умнее?

— Я не знаю... — признаюсь честно, вновь проверяя кроссы на убиваемость.

Я реально не знаю. Думаю об этом постоянно. Каждую минуту думаю, как все это разрулить.

С минимальными потерями и максимальным результатом.

Я в ступоре. Что мне делать — поступать как правильно или как хочу?

И что, нахрен, в моей ситуации правильно?

Жениться на Ольге и быть "воскресным папой" для Евы или быть с Евой и Ритой, а ребенку Ольги остаться отцом "на удаленке"? Например, брать к себе на выходные.

А если Рита будет возражать?.. Не каждая жена согласится принимать у себя чужого ребенка.

Фак! Какой дерьмовый это выбор!

Я не хочу ошибиться.

С Евой я уже конкретно накосячил. Похерил столько лет, что приходится притворяться ее другом, а отцом она считает чужого мужика. А ребенок Ольги может быть полностью

моим. Еще до своего рождения.

Все, что нужно — это смириться с тем, что у него другая мать...

Но как же трудно с этим смириться!

— Чего тут знать, бро? Вопрос простой — с кем ты хочешь быть по жизни: с Кошкиной или с Ритой?

— Это неверный вопрос, Фил.

— Может быть. Но ты знаешь ответ на него?

— Знаю. Но если бы все было так просто...

— А нахрена усложнять? — пылит он.

— В этом уравнении больше одной переменной, брат. И правильных ответов не один.

— Но ты найдешь решение? — разворачивает меня к себе и требует ответа.

— Я пытаюсь!

Глава 50. Нравится моей маме

Попрощавшись с Филом и выйдя из клуба, отправляю Ольге сообщение о том, что не приеду сегодня домой.

Сажусь в тачку и, не заводя мотор, не включая фар, какое-то время просто пялюсь в темноту перед собой. Будто в ней есть ответы на мои вопросы.

Вряд ли.

Да у меня и вопросов-то особых нет. В смысле, нет тех, ответы на которых я не знаю. Есть лишь такие, где ответы мне не очень нравятся. В них я конченный, неблагодарный, подлый, жалкий и далее по списку. Список длинный — у Ольги богатый словарный запас...

Но я все эти эпитеты переживу. Во-первых, заслужил, во-вторых, это адекватная цена за освобождение из ада.

Тыча в кнопку зажигания, оживляю верный "Ваниш" и еду к маме. В единственный дом, который у меня остался. Все остальные...

Опустим.

Уже поздно, очень, и я постараюсь ее не разбудить. Но даже если и разбужу, мама все равно будет мне рада.

Открываю своим ключом и, сняв заранее обувь, вхожу, стараясь максимально бесшумно закрыть дверь.

— Кирилл? — раздаётся из спальни.

Голос немного удивленный, но не взволнованный.

Усмехаюсь — попался. Мама всегда спала чутко и палила любой наш с Филом загул в неположенное время.

Ничего не изменилось.

— Да, мам, — отзываюсь негромко.

Выходит из комнаты. На ней старый халат, хотя я купил уже десяток новых, но она упорно носит тот, которому уже лет десять. Сшитый бабушкой. И я понимаю ее привязанность.

Я бы тоже уперся.

— Ты почему в такое время? Что-то случилось?

Случилось, мам. Но давай не так сразу.

Улыбаюсь.

— Кофе угостишь?

— Много кофе вредно, — наставительно. — Тем более ночью. И крепкого, смотрю, тебе сегодня уже хватит. Компот есть.

— Из сухофруктов? — загораюсь.

— Конечно. Тебе согреть?

— Две кружки.

Мама, скрытно улыбаясь, проходит на кухню. Я за ней. Через ванную, где мою руки с жидким мылом — привычка, записанная на подкорке.

Устало падаю на стул между холодильником и обеденным столом — любимое место с детства, — и хватаю из вазочки сушку-малышку. Лениво похрустываю ей.

И даже не замечаю, когда передо мной появляется чашка — тоже любимая, исключительно моя — с дымящимся компотом. И разогретая на сковороде шаньга.

Ммм... С наслаждением вдыхаю запахи. Так пахнет дома.

— Мам, ты... — не договариваю.

По мне и так все понятно.

Она садится рядом. Молча, с полуулыбкой на губах, смотрит на то, как я ем и пью, ничего не говорит, меня не подталкивает. Ждет.

Но, налив мне вторую кружку компота, тишину нарушает, считая, что терпела достаточно.

— Давай, исповедуйся, сын мой старший.

— Может, сначала о твоём здоровье поговорим? — тяну я.

— Обязательно поговорим. И о погоде. И о том, что в мире происходит. И о решении ОПЕК о сокращении добычи нефти.

Не могу сдержаться от улыбки — мама всегда была в теме.

— И на любую другую тему, но только после того, как ты расскажешь, зачем явила на порог отчего дома во втором часу ночи.

Резко выдыхаю.

— Расскажу. За этим и пришел. Но я прошу тебя не нервничать. Что бы я ни сказал...

— Это неприятный разговор?

— Нет, наоборот, — уверяю я.

Не сомневаюсь, что новость о внучке ее обрадует. А вот о ее матери... Не уверен.

— Тогда и переживать не о чем. От приятных новостей не умирают. Слушаю тебя. И давай без этих твоих длинных вступлений. Ладно?

— Я постараюсь. Но ты точно в порядке, и...

— Ближе к делу, сын, если не хочешь опять вызывать мне скорую, — сурово обрывает она.

Мы хоть и рано потеряли отца, но мама воспитывала нас твердой, почти мужской, рукой. Так что мы почти не чувствовали потери.

— Тогда поздравляю тебя. Ты — бабушка.

— В смысле бабушка? Твоя Кошкина... — округлив глаза, мама приподнимается со стула.

— И она тоже, — кладу руку на плечо и давлю вниз, вынуждая ее опуститься на место. — Но речь не о ней сейчас, мам. Ты уже бабушка. Не в будущем, а в настоящем. У тебя есть внучка. Ей пять лет. Зовут Ева. И она потрясающий ребенок.

— Ева? Как наша Ева Макаровна? — загораются счастьем мамины глаза.

— Как наша, — киваю.

— Ева, — повторяет она. — Но... Почему? — все ее вопросы легко читаются в глазах. Ей не нужно задавать их.

— Это длинная история, — пытаюсь отложить откровения до утра.

Здесь, дома, рядом с мамой и — главное — после того, как рассказал ей, меня отпускает. Мне хорошо и спокойно, и хочется спать. Эти дни я мучился бессонницей, но сегодня буду спать как младенец.

В комнате, которую мы много лет делили с братом. И пусть там уже нет наших кроватей и давно сделан ремонт, но стены-то те же. И они помогают. Проверено.

— У меня есть время, — мама безжалостна.

— Я не знал о ней до недавнего времени. Так вышло... — сейчас будет самое трудное. — Помнишь, шесть лет назад я забрал тебя из больницы после операции? И привез

сначала к себе. Ты тогда...

— Я помню тот день. И тот разговор. Я его часто вспоминаю. Ева — дочь Риты? — мама удивляет своей безошибочной логикой, освобождая меня от тяжелого признания.

Все делая за меня.

— Да, — подтверждаю осторожно, следя за ее реакцией, попутно пытаюсь вспомнить, где обычно лежат ее лекарства.

И понимаю, что значит выражение "гора с плеч", когда она снова улыбается. Буквально расцветает, раскрывается, как цветочный бутон. Я уже очень давно не видел ее такой счастливой.

— Как же я рада за тебя, Кирюша! За вас обоих рада. Ева Кирилловна! Господи, у меня внучка. Я — бабушка, — тараторит она возбужденно. — Мне надо позвонить Соньке и тете Маше. А, черт, два часа ночи... Ладно, позвоню утром. Вот как теперь дотерпеть до утра, а? Нет чтобы раньше сказать. Обалдуй!

— Я думал, ты не примешь... — мямлю я, едва ворочая языком.

Вместе с "горой" меня покинули и остатки сил. Их как будто слили. Выкрутили вентиль и адбос. Меня реально выключает. Доползти бы до постели...

— Кого? Собственную внучку? Родную кровиночку? Дочь моего первенца?

— Риту... — объясняю одним словом, держась из последних сил, чтобы не вырубиться прямо на этом стуле.

— Рита ужасно поступила с тобой. Я долго злилась на нее, да, не могла простить. Но еще дольше я смотрела на то, как ты несчастен. Как ты страдаешь без нее, разрушаешь себя изнутри. Как мечешься, не можешь найти себя, перебираешь одну девушку за другой. А когда спутался с этой Ольгой, я сама была готова идти искать твою Риту. Чтобы она вылечила тебя и... Да ты спишь!

— Сплю.

— Ну-ка быстро в кровать! — командует и первой топает в детскую с решимостью ледокола.

Приваливаюсь к стене, пока мама застилает диван. И, наверное, засыпаю, потому что вздрагиваю, когда он резко спрашивает:

— Что ты имел в виду, сказав "и Кошкина тоже"?

— Ольга беременна.

— Вот стервь!.. — всплескивает мама руками, в которых держит пустой пододеяльник. — Подобрала все же к тебе ключик, проныра. До свадьбы не дотерпела, значит...

— Ты, кстати, вроде не собиралась на нашу свадьбу? — я силюсь открыть глаза.

— Фил проболтался? Вот язык без костей.

— Он с хорошими намерениями, — защищаю брата.

— Еще бы с плохими... Да, сын, хочешь обижайся... Но я на эту свадьбу ни ногой. Горишь желанием сломать себе жизнь — вперед. Но без меня! — отрезает категорично.

— Ты никогда не говорила, что тебе не нравится Ольга.

— Потому что я к тому времени уже поняла, что вмешиваться в твою жизнь не хочу. Я чересчур много себе позволяла, была слишком резка в реакциях и высказываниях, хотя мое дело — принимать и поддерживать.

— Поздновато ты это поняла, мам...

— Лучше поздно, чем никогда, — философски изрекает она, выходя из спальни.

Я падаю на кровать и, наконец, отключаюсь.
И мне снятся Рита и Ева.
Девочки мои...

Глава 51. Не любовь, а триллер

(POV Рита)

Телефон на беззвучном. Он теперь все время на беззвучном, потому что Кирилл звонит практически постоянно.

И звонит, и атакует меня в мессенджере. Даже смски шлет!

Мне их пишут только банки, Мегафон и он.

Что дальше — голубиная почта?..

Но я лукавлю. На самом деле, мне нравится, что он звонит. Я жду этих звонков, я питаюсь ими. Когда телефон вибрирует в кармане или сумочке, я сую туда руку и сжимаю его — как приветствие. Если он лежит на столе и экран загорается, я накрываю его ладонью, будто касаюсь Кирилла. Если же держу его в руке, то украдкой прижимаю к губам, словно целую.

Это единственный контакт, который я могу себе сейчас позволить.

Поэтому я не сбрасываю его звонки и тоскую, если он долго не звонит.

И я очень, очень-очень-очень хочу ему ответить. Нет, не ответить, просто снять трубку, чтобы услышать его голос. Но не позволяю себе этого.

Потому что молчать глупо, а говорить... Ну о чем нам говорить?!

Поздравить его с ожидающимся пополнением? Сказать, что рада за него? Я не настолько лицемерна. И я не рада. Совсем.

Никогда вслух в этом не признаюсь — это мелочно, — но перед собой кривить душой не хочу.

Если же Кир спросит, как у меня дела, боюсь, не смогу быть настолько убедительной и позитивной лгуньей, чтобы он ничего не заподозрил.

А если он вовсе не меня вызванивает, не я ему нужна, а просто он хочет увидеться с Евой?

Этого я тоже, боюсь, не выдержу...

И также не могу пойти к нему со своими проблемами. Не могу всерьез просить его расплатиться за меня.

Половину фирмы?! Это дело его жизни! Какое я имею право отобрать его у него? Тем более теперь...

"Ты просто трусишь, потому что не уверена, что он пожертвует ради себя своим бизнесом. Ты до смерти боишься в очередной раз узнать, что есть кто-то и что-то, что важнее для него, чем ты. Это ты носишься с ним как с единственным мужчиной на свете, но даже сама не веришь в то, что и ты — единственная для него".

Возразить на это нечего.

Да и зачем?

Утренняя летучка закончилась, и я возвращаюсь в кабинет. Скинув туфли под столом, с ногами забираюсь в кресло. Надо бы подумать над новыми заказами, от которых я отказывалась все время работы над домом Кирилла, но нахапала за эти дни в надежде заработать сумму, нужную для погашения родительского долга. Но сосредоточиться не получается.

Мысли зациклены на заднице, в которой я оказалась...

У Димы я больше не живу. Перевезя Еву к маме, сама переехала в свою старую

квартиру. С нее удачно месяц назад съехали квартиранты, а новых я пока не нашла. Пришлось ее поотмывать, конечно, зато было чем занять себя в выходные.

В офисе тоже появляюсь редко и набегам. Редчайший случай, что я участвую в летучке. Но новые проекты требуют обсуждения и участия всех. У нас снова аврал и снова моими молитвами... Повезло, что у меня такие понимающие и так же, как я, влюбленные в свою работу сотрудники.

Экран телефона вновь загорается, слегка подпрыгнув на столе. Улыбаюсь, уверенная, что это Кирилл, но на дисплее светится имя Лизкиной мамы.

— Теть Света? Что-то...

Договорить я не пытаюсь, меня останавливают ее визгливо-истеричный голос:

— Риточка, приезжай, скорее. Лизоньке плохо. У нее кровотечение. Я не знаю...

— Кровотечение? У Лизы? Откуда? — не могу поверить я и, отторгая инфу, сыплю вопросами: — Что произошло?!

— Не знаю. Говорят, угроза выкидыша. Приезжай, пожалуйста. Я не знаю, что делать, — тетя срывается в рыдания.

Выкидыша? Лиза, что, была беременна и ничего мне не сказала?!

— Куда ехать? — спрашиваю я, вскакивая и суетливо запихивая ноги в туфли, и двигаю на выход из кабинета. — Где вы?

— Мы в больнице.

— В какой больнице? — мне хочется заорать, но я себя торможу — не одна я на панике, тетя Света тревожится не меньше.

Она называет медцентр, и, скинув вызов, я перехожу на бег.

Название кажется мне знакомым, но что это за место, я понимаю только приехав туда. Это же та самая клиника, где я собиралась делать себе искусственное оплодотворение. И тетя Света назвала отделение репродуктологии. Лиза, что, тоже...?

Отмахнувшись от этих мыслей, залетаю в клинику, проношусь по коридору, останавливаясь только у стойки администратора, чтобы спросить, в какой палате Лизавета Баженова. И вновь срываюсь на галоп.

В голове пульсирует гнетущая, давящая мысль, что я была так занята собой и своими проблемами, а еще обидами на сестру, что даже не знала, что она планировала беременность и уже даже провела процедуру! Как я могла не заметить, что Лизка ждет ребенка?!

Сейчас я тоже не в последнюю очередь обижаюсь на нее за то, что она скрыла это от меня. Как можно было не поделиться со мной такой новостью?! Я ведь не только ее кузина, я еще и подруга. Проверенная временем, как мне нравилось думать, однако...

— Рита! — подрывается Лизкина мать, увидев меня, и порывисто прижимает к груди.

— Как она? — обнимаю ее, беспокойно поглядывая на дверь.

Черт! Почему не стеклянная? Ничего невозможно увидеть!

— Говорят, сейчас все нормально. Но не пускают еще.

— А что было-то? Что стало причиной кровотечения?

Претензии за то, что все знали, а я одна нет, оставляю при себе. Выскажу из самой Лизке, когда ей станет лучше. Ее маме сейчас точно не до моих обидок.

— Я не запомнила, — виновато всхлипывает тетя Света. — Эти все медицинские термины... Нет чтобы по-человечески объяснить. Я выхватила главное — что угроза миновала, а остальные подробности мне ни к чему. Я все равно в этом ничего не понимаю.

— Я тоже, — ободряюще тру ее по спине и отвожу к кушетке. — А сказали, когда к ней

можно зайти?

— Сказали, как проснется. Жду вот.

— А дядя Андрей?

— Еще не знает. Он на работе. Мне из скорой позвонили... Сообщу ему, когда Лиза проснется. Твоим тоже еще не говорила. Рано.

— Правильно, — одобряю я и предлагаю: Может, кофе принести? Ты бледная.

— Да, Риточка, пожалуйста. У меня, наверное, давление упало.

Больничным кафетерий я нахожу быстро. Беру тетке американо с сахаром, а себе горячий шоколад — от переживаний и шокирующих новостей меня знобит и хочется согреться. Возвращаюсь с двумя дымящимися картонными стаканчиками в руках и, куда-то не туда свернув, умудряюсь заблудиться. Вместо лифта выхожу к лестнице между отделениями. Хочу повернуть обратно, но меня опережает каталка с лежащей на ней женщиной, а медсестра, которая ее катит, еще и держит в руке пакет с раствором, содержимое которого поступает капельно в вену ее подопечной. Им лифт нужнее, и я все же выбираю лестницу.

Поднимаясь, делаю вывод, что лестницей мало кто пользуется, но через два пролета вдруг слышу еще на этаж надо мной негромкий голос. Он кажется мне знакомым, поэтому я инстинктивно замираю и прислушиваюсь.

— Какого хрена тут происходит? Почему мне говорят, что я должна ждать? У меня нет времени ждать! Я заплатила вам тонну, даже две тонны денег за то, чтобы мне не нужно было ждать. И что я слышу? — шипит женщина с очень узнаваемыми повелительными нотками, я слышала их слишком часто, чтобы сомневаться, что это она. — Да какое мне дело до того, что там у вас случилось! Все, что от вас требуется — это раздобыть нужный мне образец донорской спермы и провести процедуру оплодотворения. Через две недели у меня плановое УЗИ, а я до сих пор не беременна!

Замолкает на время, видимо, слушая своего оппонента, а я каменею, и подошвы моих туфель прилипли к мраморному полу, будто вросли в него.

Это Ольга? Мне не послышалось? И она не беременна?..

Потом голос Кошкиной продолжает раздраженно вещать:

— Конечно, я могу забеременеть от кого-то другого, но если у Кирилла возникнут вопросы, то тест ДНК должен стопроцентно доказать, что отец он и никто другой. И этс должен быть не поддельный тест ДНК. Чтобы обезопасить себя на всю жизнь, я должна родить его ребенка!

Я едва не вскрикиваю и затыкаю себе рот рукой.

Кирилл? Ребенок?!

Боже! О чем они?!

— Ты учить меня будешь? Если бы я могла забеременеть от него естественным путем, я бы так и сделала. Но пока не получается к нему подобраться, а время идет. И я просто вынуждена прибегнуть к плану "Б".

Заставляю себя отлипнуть от пола, сделать пару торопливых шагов вверх, чтобы посмотреть на нее. Вижу ее профиль, в бешенстве искривленные губы, злой румянец на щеке, и в ужасе отшатываюсь обратно.

Это точно она, хотя я и не сомневалась в этом.

Мне невыносимо трудно поверить в то, что слышу, но знаю, что мне не привиделось.

— Скажи своей докторше, — голос повышается, как и градус ее напряжения, а меня

расплющивает по стене, ноги становятся как желе, я едва могу стоять. — Пусть выполняет, что обещала и за что взяла с меня огромные деньги, или я ее закопаю. ... Да плевать на сроки. Что я, не придумаю, что сказать? И дети семимесячные рождаются, и доктора тупые сроки путают, и цикл у меня длинный. Пфф...

Голова кружится и будто не желает воспринимать происходящее. Мне плохо, меня тошнит, я съезжаю по стене и ставлю стаканы рядом — как до сих пор их не уронила? Загадка...

— Главное, что ребенок будет стопроцентно его, а с остальным я как-нибудь разберусь. ... Я точно знаю, что его образец там есть. Я же дала вам фото. Что еще нужно?! ... Отговорки оставь себе. Да, и к УЗИ пусть как следует подготовится. Кирилл вряд ли пойдет но вдруг... Надо, чтобы все было по-настоящему.

Шаги, щелчок закрывающейся двери, а я словно в водовороте. Все вокруг движется и кружится. Только бы не грохнуться в обморок. Прижимаюсь лбом к холодной стене, приводя себя в чувство.

Что это было? Неужели это, и правда, была Ольга?

Ну а какие могут быть сомнения? Я ее слышала, видела, ощущала запах ее приторных духов. Это она, невеста Кирилла. И она обманывает его!

Она выдумала свою беременность! Все, что она говорила мне, неправда. Но она хочет пойти дальше и собирается обмануть его самым изощренным способом...

Это же идеальная схема. Кирилл никогда не докажет, что этот ребенок — ложь и подлог. Какой ужас...

Боги, какое коварство!

В голове не укладывается... Я отказываюсь в это верить!

И не знаю, что мне делать с этим знанием...

Глава 52. Все сложно

— Прости, сестренка, что не сказала, — виновато смотрит в глаза Лизка. — Ты же знаешь, что я мнительная. Когда делюсь планами и мечтами, они никогда не исполняются. Вот и молчала. Хотела рассказать, когда уже будет срок побольше. Ну знаешь, когда уже меньше рисков и угроз.

— Но родителям-то сказала. Я же тоже не чужая, — не могу сдержать дурацкую обиду.

— Мама узнала пару недель назад, когда я простыла, а она пыталась меня лечить то антибиотиками, то водкой. Я отказывалась от лекарств, ну и она заподозрила, что я беременна. Чтобы она не разнесла эту новость по всем своим чатикам, пришлось рассказать остальное.

У меня на языке крутятся еще несколько обиженков и вопросов на целый допрос с пристрастием, но я их проглатываю — это, как минимум, неэтично. И несвоевременно — сестре сейчас нужна поддержка, а не пустые выяснения.

Сколько раз ей нужно передо мной извиниться, чтобы я простила ее? А если прощать не собираюсь, то что я, вообще, здесь делаю?

Вали и лелей свою обиду дома.

Ну не маленькая же уже...

— Ты-то как? — меняет Лизка тему и тянет меня за руку, вынуждая присесть с ней рядом на койку-трансформер. — Поговорили с Кириллом?

Тетя Света вышла позвонить мужу, и мы в палате одни.

Последний раз, когда мы виделись, Кирилл как раз узнал, что Ева, на самом деле, его дочь, и требовал рассказать ей об этом. Сразу после перелома.

Сидя у Димки на кухне, я поделилась с Лизкой всеми своими мыслями и сомнениями, и тревогами по этому поводу. Она вдруг изменила свое мнение, и за свежесваренным пуэром с баварскими пивчиками[1] горячо убеждала меня, что так даже лучше. Что мой секрет давно нужно было открыть, что у него не было шансов остаться нераскрытым. А если так, то чем раньше, тем лучше.

— Вспомни, как ты дергалась. Даже собиралась бежать из города. А теперь? Кир уже знает, он для тебя больше не опасен. А если Дима твой не дурак, то он тебя поймет и примет твои аргументы. И вы раз и навсегда закроете эту тему. Ну а если дурак, то чего жалеть?..

С тех пор много чего изменилось...

— Поговорила. Все... — отвечаю уклончиво. — Сложно.

Она еще не пришла в себя, а я уже решила, что не буду ничего ей рассказывать. Пока. Ей сейчас о себе позаботиться нужно, о малыше своем, а не о проблемной старшей сестрице.

Возьму на вооружение ее же тактику — расскажу, когда все разрешится, и уже не нужно будет переживать.

Хотя как оно может разрешиться? О чем я?

Да, теперь я совершенно уверена, я знаю точно, что то поведение Ольги было спектаклем для единственного благодарного зрителя — для меня. Все еще не понимаю почему — в смысле, представление имеет смысл, только если Кошкина знала про нас с Кириллом и про нашу дочь. При этом я уверена, что он ей не рассказывал — он так сказал, а у меня нет причин ставить под сомнение его слова. Значит, она как-то узнала сама. Как и от кого, скорее всего, я не выясню — уж она точно не станет делиться со мной источниками, —

да это и не важно.

Главное — она все узнала — и все в данном случае абсолютно все, включая и то, что Кир когда-то сдавал биоматериал в банк, — и решила нас разлучить. Помешать нам быть вместе. Любой ценой.

Что ей двигало — искреннее чувство к Киру или желание не упустить выгодную партию?

Это тоже наверняка останется для меня тайной.

Но надо отдать ей должное — она все верно рассчитала. И со своей фальшивой беременностью пошла не к Кириллу, а сразу ко мне. Догадывалась, что я поверю ей быстрее. Кирилла бы еще пришлось убеждать, доказывать наличие диагноза. Я же поверила ей сразу, без анализов. И сама сделала все за нее — оттолкнула Кирилла, порвала с ним.

Перечеркнула наши возрождающиеся чувства. Нашу надежду на счастье...

Надо же, какой тонкий и умный расчет! Какая беспроегрышная тактика!

А я-то все это время считала ее недалекой. Да она настоящая профессиональная аферистка! Так нас развести!

И если бы я сегодня все не услышала... Ее план бы стопроцентно удался.

Сейчас же я попробую ей помешать. Пока не знаю как, но попробую.

Просто так ей Кирилла я не отдам!

Всего этого Лизе я, конечно, не говорю, ограничившись неопределенным "все сложно".

— А Дима?

— Дима в порядке, — вновь ухожу от ответа.

И ведь даже не вру: Дима в полном порядке, ведь ему скоро вернутся все потраченные на моих родителей деньги. Ну не то чтобы скоро, сумма огромная, но я сделаю все, чтобы поскорее расплатиться с ним. Я уже выставила квартиру на продажу и подала заявку на кредит. Родители тоже пытаются помочь. Короче, я работаю над этим.

Сижусь с Лизкой еще около часа и ухожу только, когда она вновь засыпает. Я больше не волнуюсь — уже завтра ее должны отпустить домой.

Выйдя из клиники, я достаю телефон и, загрузив список контактов, листаю его до далекой буквы "Ф".

Рука устает скроллить, но нужный номер я все же нахожу и, мысленно скрестив пальцы, чтобы он его не сменил, жму дозвон.

Когда мне отвечают, я, глубоко вдохнув, говорю:

— Привет!

[1] пивчики — это свиные сырокопченые тонкие колбаски со специями, рецепт разработан специально как мясная закуска к пиву

Глава 53. Королева Марго

— Привет, Королева Марго, — отвечает Фил с усмешкой, тролля меня королевой, как делал это раньше.

В прошлой жизни.

Но теперь это прозвище не кажется мне обидным, наоборот, на душе так тепло-тепло... Это я старею?

— Рад тебя слышать. Но, признаюсь, удивлен. Какими судьбами?

— Я по делу, — не позволяя себе растечься сахарной лавой, говорю серьезно и быстро: — Поэтому политесы опустим. Ты знаком с невестой брата?

— С мадам Кошкиной? Имел неприятность, было дело, а что?

Присказка "имел неприятность" обнадеживает и вызывает улыбку.

— Я кое-что о ней узнала, очень важное, но не знаю, как сказать об этом Кириллу. Боюсь, что... — не договариваю — я так много всего боюсь, в смысле, не уверена, что замучаешься перечислять.

— Ну, я тебе скажу, что ты по адресу. Однако не факт, что меня Кир послушает. Мое отношение к его стерве я не скрываю, и он может счесть мое вмешательство, как минимум, неуместным.

— А как максимум..?

— Расценит, как подачу фактов под выгодным мне углом.

— То, что я тебе скажу, легко проверить. Рисков никаких.

— Так почему не скажешь сама?

— Не хочу светиться в его периметре. И не хочу быть плохим гонцом.

— Понял, — тянет задумчиво. — Ну я участвую по-любому. Мадам Кошкина у меня уже в печенках. Где встречаемся или ты меня по телефону проинструктируешь?

— Давай вечером во дворе недалеко от моих родителей. Помнишь, где это? Я буду гулять там с Евой.

— С Евой? Ты познакомишь меня с племянницей? — удивленно.

— Не как с племянницей, но могу представить вас друг другу, — обозначаю рамки.

— Принимается, — усмехается Фил. — Шесть-семь-восемь?

— Семь.

Ева гоняет по дорожке, окружающей детскую площадку, на квадрике. Куклы перестали ее интересовать лет с трех, и дочь заказала на день рождения электромобиль. Мой папа ни в чем не мог отказать любимой внучке, так у нее появился первый мотоцикл, на котором она ездила по квартире. Потом Дед Мороз подарил двухместный Мерседес с магнитолой и кондером, на который папа установил бумажные номера с ее именем, и Ева рассекала по двору, вызывая зависть сверстников и их родителей.

Но уже скоро ей стало не хватать скорости детского мобиля, и Дима купил ей крутой квадроцикл. Вопреки моим страхам. Первое время они всегда ездили вместе, теперь она рассекает одна.

— Привет, — раздается над ухом, и я вздрагиваю.

Оборачиваюсь:

— Привет.

— Гонщица? — Фил кивает на Еву, за которой я наблюдала.

— Да, — улыбаюсь.

— Вся в дядю, — уверенно роняет он.

Я смеюсь.

— Так что ты узнала? — переходит он к делу.

— Ты в курсе, что Ольга беременна?

— В курсе, — выдыхает раздраженно и даже зло. — Это такой тупой залет, что я...

Он закатывает глаза и качает головой.

— Это ложь, — не даю ему договорить.

— Что?!

— Фэйк. Обман. Намеренное введение в заблуждение, — перечисляю я зачем-то, хотя знаю, что его вопрос не относился к значению слова "ложь". — Ольга соврала. Но она собирается сделать это правдой. У нее есть план.

— Сомневаюсь, что Кир спит с ней. В смысле, сейчас, — добавляет, видя мой молчаливый протест.

Но даже в такой формулировке эта тема звучит болезненно, поэтому я ее не продолжаю.

— Не дооценивай ее. Ее план гораздо более продуман.

Я рассказываю все, что слышала в клинике, вскользь упоминая и то, почему оказалась там — чтобы у него была полная картина. Ну и чтобы самой не выглядеть подающей факты под выгодным мне углом.

Он выслушивает, не перебивая, но с каждым моим словом его лицо меняется. От неверия до шока и полного восторга. Когда я заканчиваю, Фил подхватывает меня и, приподняв от земли, радостно кружит.

— Ритка! Ты нас спасла!

— Вас? — смеюсь я, болтая ногами и умоляя вернуть меня на место.

Почувствовав почву под ногами, чувствую легкое головокружение.

Фил — сумасшедший. Еще увидит кто-нибудь...

— Нас. Я, признаться, вынашивал коварный план по организации мадам выкидыша. Если бы у меня получилось, Кир был бы свободен, а вот я бы загремел в места отдаленные. Теперь мы свободны оба.

— Надо торопиться, Фил. Если они найдут образец, будет уже поздно.

— Почему? — с претензией — Мы же знаем, как она это сделала.

— Но ребенок не перестанет быть Потемкиным. А это что-то значит.

— Ты права.

В этот момент рядом с прокруткой колес останавливается квадрик.

Возбужденная гонщица спрыгивает с четырехколесного монстра.

— Мама, дай попить. Артем пока покатается на квадрик?

Дочь жадно припадает к фитнес-бутылке, которую я всегда беру с собой на прогулку. Фил с интересом наблюдает за ней.

— Зачем ты спрашиваешь? Он же твой. Сама решай.

— Я уже решила. Он покатается. А это кто? — переводит взгляд на Потемкина-младшего.

— Это дядя...

— Я не дядя, я — Фил, — он выставляет ей раскрытую ладонь, Ева без колебаний с размахом ударяет по ней и сразу пристает с допросом:

— А ты какой Фил: плохой или хороший?

— Хороший, конечно. А ты знаешь плохих Филов? — если он и разыгрывает интерес, то очень натурально.

— Знаю. У меня в садике есть Филя, он со всеми дерется, отбирает игрушки и ломает еще. Хотел забрать у меня машинки, но я его толкнула, и он улетел в стену. Бдыщ, — она хлопает рукой об руку, и вода из незакрытой бутылки выплескивается ей на руки.

Достаю салфетки.

— Красава! — одобряет Фил, а я взглядом прошу его заткнуться — ноль реакции. — А он че?

— Он зарыдал как девчонка! — мстительно прищуривается, гордая собой.

— Правильно сделала. Дай пять! — Ева вновь со всей силы лупит по его ладони. — Еще полезет, бей сразу по почкам. Умеешь?

— Нет. Покажи!

— Ева! — одергиваю я ее и призываю к порядку Филя, накрывая его кулак и убирая ему за спину. — Нельзя драться с мальчиками.

— Еще как можно, — уверенно заявляет Фил. — Твоя мама путает, это с девочками нельзя, и то если ты сам пацан. А ты девочка, и у тебя карт-бланш. Можешь навалить любому, кто тебя достает. Никогда никому не позволяй себя обижать. Поняла? А если будут, скажи, у тебя теперь есть крыша.

— Крыша? — переводит недоуменный взгляд на меня. — Как у домика?

— Не, — теряется Фил, осознав, насколько неуместны жаргонные словечки в разговоре с ребенком.

С ехидной улыбкой смотрю, как он будет выкручиваться.

— Не как домик. Это... Это вроде нимба у ангела. Над головой такой. Видела? Вот онс теперь тебя защищает.

Ева пытается увидеть у себя нимб.

— Он невидимый, — тут же исправляется брат Кирилла.

Ева смотрит на него с восхищением. Контакт установлен. А Фил молодец. Не знала, что он так ладит с детьми. Может, у него уже несколько своих?

Спрашиваю его, когда Ева вновь уезжает, отпросившись съездить за холм.

— Своих нет. И с чужими особо не общался. Это все харизма, — бахвалится он.

— Ну-ну... — ухмыляюсь, но враз серьезно, заметив на его скуле тонкий, едва различимый шрам. — Ты как после... ну, того случая?

— Нашла, что вспомнить, — усмехается он. — Это когда было...

— Мы с тобой после этого не виделись, поэтому у меня воспоминания еще свежи...

— Вряд ли они свежи из-за меня, но мне льстит твоя забота, — дурачится Фил, но я вижу — ему, действительно, приятно, что я помню и интересуюсь. — Ничего, залатали меня довольно быстро. Оказалось, что заживает на мне, как на собаке...

— Но повреждения ведь были серьезные. Про разрывы органов слышала и...

— Все нормально со мной, — перебивая меня, он немного грубит, явно пытаюсь уйти от непростой темы. — Сказал бы, что твоя память даже слишком хорошая, если б не одно "но" — ты не помнишь, что мы с тобой встречались после моей выписки. Я приезжал к тебе за прощением для...

— И я тебя выставила, — я тоже его перебиваю, потому что об этом вспоминать не хочется уже мне. — Вряд ли это можно назвать встречей.

— Тогда ты о моем здоровье не пеклась.

— Я должна извиниться?

— Забей, — гримасничает.

— Я была не права, Фил. Очень. Но осознала это слишком поздно.

— Кир тоже был не прав, когда не принял тебя и твои аргументы. Вы тогда сработали как Лиса с Журавлем. Сейчас не повторяйте ошибок.

— С каких пор ты стал таким умным, мелкий? — улыбаюсь.

— Учителя хорошие были, — грустная усмешка.

Поддавшись порыву, обнимаю его. Он стискивает меня в крепких медвежьих объятиях. Я едва могу дышать.

"Эй, полегче", хочу сказать, но меня опережают.

— Вижу, ты нашла способ решить наш вопрос по-другому?

Раздается за спиной голос Димы. — И как я за два года не разглядел в тебе ярко выраженных шлюханских замашек?

Внутренне сжавшись от ужаса, отталкиваю Филиппа и разворачиваюсь всем телом. С губ уже почти слетает грубый ответ, но встретившись с его ледяным презрением, я давлюсь словами.

Никогда раньше я не видела Диму таким... Он изменился даже внешне.

Осунувшийся, потемневший. Кожа как будто смуглее, черты лица резче, складки вокруг рта отчетливее. Он стал похож на злого мага — ведьмака — из диснеевских фильмов. Хотя не помню, были ли там такие персонажи.

Но главное — выражение на его лице. Его взгляд. Злые, пренебрежительные, жестокие.

Я забыла, что собиралась сказать и, вообще, потеряла дар речи. Я растеряна.

— За шлюханские можно и ответить, — грубо отвечает за меня Фил, нарываясь на скандал.

— Не надо, Фил, — пытаюсь его остановить.

— Шел бы ты отсюда, мальчик, пока я добрый, — поддакивает мне Гладких. — У нас с Маргаритой Александровной свои разборки. Семейные.

— Ты ничего не попутал, "дядя"? Какие могут быть разборки с женщиной? Со мной разбирайся. Я — ее семья.

— Ты, что, на полном серьезе собрался впрячься за нее, щегол? И давно вы спелись? — последний вопрос он адресует мне, но Фил вновь не дает мне и рта открыть.

— Кому щегол, а кому Филипп Владимирович.

— Филипп! — встречаю все же, умоляя его не нарываться. — Пожалуйста.

— Вот именно. Надень на своего щенка намордник, Марго, а то он на людей бросается.

— Набрасываешься здесь только ты. Зачем ты пришел, Дима? — не выдерживаю я его хамства.

Спустить на тормозах не получается.

— Ты же не идешь ко мне сама. С квартиры съехала, не звонишь... Долг возвращать, по всей видимости, не собираешься?

— Я все верну, — вспыхиваю. — Я же сказала. Просто это большая сумма и мне нужно немало...

— Мне надоело ждать, — обрывает раздраженно. — Если у тебя нет таких денег, я пойду за ними к Потемкину.

— Я не...

— Считай, ты уже пришел, дерьмо. Я тоже Потемкин.

Фил встает между мной и Димой, твердой рукой убирая меня себе за спину. Я молюсь только о том, чтобы они не подрались, и чтобы Ева не вернулась с камнями в самое неподходящее время.

Она может неверно все понять и кинуться защищать Диму. Она же еще не знакома с его новой версией. И я, если честно, боюсь за нее. Не знаю, как он поведет себя с ней. Это во-первых. А во-вторых, не хочу, чтобы она видела его таким. Пусть лучше сохранит в сердце того Диму, каким он был всегда.

Хотя, возможно, я все придумываю, и новый он только для меня. Эксклюзивно.

Брови Гладких взлетают вверх.

— Не понял...

— Тебе и не надо. Все, что от тебя требуется — назвать сумму, которую Рита тебе "должна".

— Ты не много на себя берешь...

— Я сказал быстрее, или поставлю на тебя на обратный счетчик. Когда с каждой секундой причитающаяся тебе сумма уменьшается. Проверим, насколько твое желание брызгать ядом сильнее твоей жадности?

— Фил, не...

— Иди домой, Рита, — не оборачиваясь. — Это мужской разговор. Иди, — обернувшись, давит взглядом, и я пячусь от него.

Они вновь лицом друг к другу. Оба источают неприязнь к сопернику и желание ударить побольнее.

Только отойдя достаточно далеко от них, нахожу в себе силы отвернуться и уйти. Не домой, конечно, а в сторону гряды из огромных булыжников, насыпанной за холмом в родительском парке, которую дети прозвали "каменный ручей". Возвращаться мы с Евой будем другой дорогой.

Я уже почти на вершине холма, еще шаг, и я скроюсь на другом склоне, но, услышав резкое: — Здесь даже больше. За моральный, — оборачиваюсь и успеваю увидеть, как в лицо Димке прилетает пластиковая карта.

Глава 54. Я свободен

(POV Кирилл)

Жду Ольгу в квартире.

Свет не включаю, он мне не нужен.

Я просто жду, чтобы сказать ей, что уйду. Не из своей квартиры, но из наших отношений.

На самом деле, я все решил уже давно.

Как только увидел Риту на той яхте. Как только поверил — допустил возможность, — что снова могу быть с ней.

Все остальное в жизни сразу потеряло смысл и яркость, обесцветилось. И обесценилось.

А Ольга...

По-настоящему ценной она не была никогда. Я потому и не замечал всего того, что сразу увидели в ней Фил и мама — я просто не приглядывался к ней. Как не приглядываются к мебели или чему-то такому же привычному и малоинтересному.

Она просто была, она не напрягала, и я позволял ей оставаться.

До нового — третьего — появления в моей жизни Риты я был эмоциональным кастратом, никто и ничто, кроме работы, меня не волновало, не задевало моих чувств.

И жениться на Кошкиной я согласился ради работы — у солидных бизнесменов всегда рядом жена. Это был чисто коммерческий интерес. Тот самый бизнес-проект, которым я по-дурацки назвал Риту, вернулся ко мне бумерангом. Только на этот раз проект не фэйковый.

Полюбить я все равно уже никого не мог, а если нет любви, остается голый расчет.

В схему брака по расчету Ольга вписывалась идеально.

Но до тех пор, пока на моем горизонте вновь не замаячила Рита...

Вспыхнула как звезда, возникла на моем пути, коснулась взглядом и всколыхнула все то, что, казалось, давно умерло во мне. Сгнило, стухло и распалось на атомы.

Я вновь почувствовал себя живым. Но, к сожалению, не свободным.

И хоть для меня не было проблемой освободиться, но, казалось, я был не нужен самой Рите.

Это задевало, разрушало, уничтожало меня, и я уничтожал в ответ.

Новость о беременности Ольги никак не повлияла на мое решение. Чуть притормозила, да, но лишь потому, что меня стопнула Рита.

Выражение лица, с которым она говорила "ты же не бросишь ее теперь?", сработало как знак "стоп". Меня коротнуло и заглохло. Я не хотел выглядеть дерьмом в ее глазах.

Снова...

Но это было очередной моей ошибкой.

Я знал, что это ничего не меняет для меня, но не сказал ей этого сразу. А потом она не захотела меня слушать. Покинула чат.

И прежде чем вернуть ее, я должен был порешать с мамой и поставить точку в отношениях с Ольгой.

Первое сделано, осталось второе.

Ключ в замке поворачивается, и я поднимаю голову. Наконец-то!

Войдя в неосвещенную квартиру, Ольга щелкает выключателем и удивленно ширит глаза, увидев меня на диване.

— Привет, милый. Ты почему в темноте? — улыбается своей безморщинистой улыбкой и подходит ближе, собираясь, видимо, меня поцеловать.

Уклонившись от ее накрашенных губ, встаю.

— Я ждал тебя.

— Без света? — купированное удивление.

— Я долго ждал. Когда стало темно, лень было включать.

Она беззаботно пожимает плечами.

— Ты посмотрел расписание? Освободишь девятнадцатое число? — спрашивая, она входит в гардеробную и, не закрывая дверь, начинает расстегивать молнию на юбке.

Я отворачиваюсь.

— Не посмотрел, но пойти с тобой к врачу не смогу.

— Почему?

Отвечать не спешу, по шорохам за спиной пытаюсь определить, переделалась она или еще нет. Шелест завязывающегося шелкового пояса на халате дает понять, что уже, и я оборачиваюсь.

Не хочу говорить это, не глядя в глаза.

— Потому что я расстаюсь с тобой, Оля.

— Расстаешься? — с сомнением повторяет. — В смысле расстаешься? Это юмор такой?

Ты прикалываешься, да?

Она делает попытку засмеяться, свести все к шутке, но ей не смешно.

Мне тоже.

Попытка провалена.

— Это не шутка, Оля. Я не люблю тебя и, думаю, ты это знаешь. Продолжать наши отношения просто не имеет смысла.

— Смысла... — повторяет растерянно. — Ты б... бросаешь меня? — ее руки опускаются, и вешалка, которую она сняла, чтобы повесить на нее блузку, с металлическим звоном падает на пол.

Провожая ее равнодушным взглядом и вновь смотрю в глаза Ольге.

— Если такая формулировка тебе больше нравится.

Несмотря на всю решимость и уверенность в правильности того, что делаю, разговор дается мне нелегко. Слова не застревают в горле, я не испытываю сложностей с речью, но, зная, как больно слышать, что ты не нужен — испытал это на себе, и мне пипец как не понравилось, — я чувствую себя паршиво.

Хочется побыстрее покончить с этим.

— А как же свадьба? Гости... Я заказала приглашения...

Я удивлен, что она больше беспокоится о свадьбе, чем о ребенке, но не цепляюсь за слова. Понятно же, что она в шоке.

— Свадьбы не будет, Оля, — говорю максимально мягко.

Будто такое можно смягчить. Это как убить нежно. Вонзать в плоть клинки, приговаривая при этом "простите".

— Не будет, повторяю и добавляю мысленно: "У нас с тобой".

— Как не будет? А... — она с трудом находит слова. — Наш ребенок?

Жестом, миллион раз виденным мною в фильмах и сериалах, кладет руку себе на живот.

— Я сделаю все, чтобы на нем наше расставание не отразилось. Если ты позволишь, — исправляюсь, заметив, как исказились в циничной усмешке ее губы. — Я не брошу его и не

оставлю тебя без поддержки. Финансовой в том числе. Если захочешь, дам ему свою фамилию и все, что нужно. Буду участвовать в его жизни, давать деньги на содержание. У него будет все — няньки, если надо, лучшие школы, секции и все, что захочет.

— Он захочет своего отца! — выкрикивает Ольга, а глаза заполняются злыми слезами.

Это уже не та Оля, какой я привык ее знать и видеть. В эту минуту она ненавидит меня и не скрывает этого. И пусть.

Ненависть притупляет боль.

Правда, я так все равно не смог. Хоть и пытался.

— Отец у него будет. Я не удаляюсь из его жизни. Только из твоей.

Еще один клинок. Я — беспощадная скотина, но это, хотя бы, честно.

— Ему нужен нормальный отец, а не тот, для которого он не на первом месте! — она даже не пытается сохранить нормальную громкость голоса, от ласкового щебетания не осталось и следа. — Не надо нам твоих подачек. Обойдемся! — она снова закрывают живот руками, будто я угрожаю ребенку.

Бред!

Я тоже начинаю злиться. Но сдерживаюсь — не мне строить из себя жертву.

— В тебе сейчас говорит обида. Я понимаю и не буду на это реагировать. Ты успокойся, и мы поговорим позже. Обсудим, как...

— И что теперь? — вскидывается она, перебивая. — Мне собрать вещи и убраться из твоей жизни прямо сейчас? Или ты милостиво дашь мне пару дней на сборы?

— Ты можешь оставаться здесь, пока я не найду тебе другое жилье. Сам поживу в отеле.

С этими словами выхожу и, забрав с банкетки в прихожей заранее приготовленный, но странным образом незамеченный Ольгой, чемодан с документами и парой нужных мне вещей — остальное куплю, — я выхожу из квартиры.

С чувством собственной гнусности, но одновременно и мощнейшего облегчения.

Я свободен.

На телефоне, к которому я не подходил пару часов или больше, двенадцать пропущенных от Фила.

Хмурясь, набираю ему — только бы не что-то с мамой!

— Ты где пропал? Дуй срочно ко мне. Я в рестике на Тверской. Есть охеренные новости.

Глава 55. Лиса и журавль

(POV Рита)

— Ром, ну не хочу я туда ехать. Ну закончили же мы этот лжеВерсаль. Я в тот резервуар для мега богатых больше ни ногой. Ты зам или не зам? У тебя официальное право подписи. Так что подпишешь акт приема без меня.

— Я-то подпишу, но обычно ты сама желаешь участвовать в процессе. Тем более должна желать этого сейчас, когда на кону твоя фирма. Не боишься доверить мне такое серьезное дело?

— Не боюсь. Я тебе доверяю.

— Нашим юристам ты тоже доверяла и, смею напомнить, оказалась в заднице, — подсказывает он без улыбки.

Глубоко вдохнув, резко выдыхаю — туше. Качаю головой.

— Не понимаю. У тебя какие-то личные причины не ехать туда? — пытается Ромка.

— Да, — киваю нехотя, выбрав не врать.

И мне начинает это нравиться. Правда дарит свободу. Это приятное чувство.

— Расскажешь или не спрашивать?

— Расскажу. Когда-нибудь. Сейчас просто закончи все формальности, чтобы никаких рисков по договору и забудем это проект как кошмарный сон.

— Кошмарный длинный сериал, — поправляет. — Хуже у нас еще не было.

— И надеюсь, никогда больше не будет, — делаю я большие глаза.

Он, кивнув, уходит, но через несколько минут возвращается, смущенный.

— Что? — чуть раздражаюсь, уверенная, что уже отмахалась от этой неприятной обязанности.

— Все же без тебя никак, — виновато разводит он руками. — В договоре есть условие на твое личное присутствие при сдаче. Прости...

— Черт! — не выдерживаю я. — Рррр... Потемкин, чтоб тебя...

Схватив сумочку, быстро догоняю и опережаю Шагалова.

Я просто взбешена этим "пунктом"!

Все внутри меня противится, восстает против этого визита в дом мечты аферистки Кошкиной, но я успокаиваю себя тем, что это в последний раз.

И тем, что ее там, скорее всего, не будет.

Я не знаю этого наверняка, ни с Филом, ни с Кириллом я больше не виделась и не в курсе того, как они распорядились моей агентурной информацией.

Но точно знаю, что старший Потемкин не из тех, кто прощает обман и после удара исподтишка подставляет вторую щеку — я выяснила это на собственной шкуре. Моя попытка мелко отомстить ему за мнимую измену кончилась плохо. Для меня. Поэтому в том, что Кошкиной не светит женить его на себе, я не сомневаюсь.

Почти...

Меня беспокоит, точнее, я удивлена, что после моей встречи с Филом и ее эффектного финала, Кирилл, вместо того, чтобы бежать к нам с Евой с распростертыми объятиями, пропал с радаров. Даже звонить мне перестал. Как раз когда я решила, наконец, ему ответить.

Действительно, лиса и журавль...

Да дураки просто!

Оба два...

До поселка мы с Шагаловым едем в напряженной тишине. Он не балагурит, как обычно, я тоже не рвусь к диалогу.

Но когда мы подъезжаем к дому и под навесом для гостевых машин, где Рома паркует свой кроссовер, я вижу тачку Кошкиной, все же высказываюсь по ситуации коротким матерным словом.

Я вновь поторопилась с выводами. Когда уже я поумнею?..

Зам косится с недоумением, но молчит. И правильно. Я сейчас не в настроении, может и ему прилететь.

Значит, все же она выиграла...

Кирилл не прогнал ее с позором.

Но почему? Как?!

Не поверил Филу? Или не поверил мне?..

Внутри у меня все обрывается, в животе образуется вакуум, а ноги отказываются идти.

— Ты чего? — останавливается Ромка. — Тебе плохо?

— Мне хорошо, — улыбаюсь истерично. — Очень хорошо. И будет только лучше. Когда на глазах рушится мир и вера в людей, это не всегда конец. Иногда это только начало. Начало нового и чистого. Он хочет меня унижить? Поиздеваться надо мной при ней? Показать ей и всем, как мало я значу? И как мало значит мое слово против слова любимой Кошкиной?.. Мог бы не утруждаться. Я понятливая. Если не с первого раза, то со второго точно. Ну ладно, с третьего...

Шагалов смотрит на меня как на умалишенную. Еще бы — такая страстная и такая бессвязная речь — первый признак шизофрении.

— Идем, — командую я. — Давай свернем это Шапито.

Входя в огромный холл, я вижу сначала люстру — ее трудно не заметить...

Висит на том же месте и сверкает, преломляя свет всем миллионом граней своих висюлек-побрякушек. Люстра другой модели, не как та, из-за осколков которой мне пришлось выбросить юбку, но тоже наверняка итальянская и бьющаяся не менее красиво.

Улыбаюсь своим мыслям, а, повернув голову, взглядом запинаясь за спину Кира, стоящего рядом с невестой.

И хоть мне казалось, что я готова к этому, но с шага все же сбиваюсь. Шагалов поддерживает меня, не дает опозориться.

Кошкина немного бледная, без привычного лоска и блеска, даже одета как-то слишком просто для нее. Макияж на месте, но хищности в чертах поубавилось. И вообще она какая-то... простая. Волосы в конском хвосте — идеально гладком, я такой могу сделать только в салоне, — украшений минимум, губы не провокационно-алые, а пастель. Вместо обтягивающих мини-платьев джинсы, экстремально узкие, тонкий джемпер и неизменный бесконечный каблук. К ни го ед . нет

Она выглядит стильно, но бледно. Болезненной.

А может...

Я задыхаюсь от своей догадки.

Может, то, что я слышала в клинике, было не правдой, а очередным спектаклем? Разводом, чтобы подставить меня перед Киrom? Чтобы убедить его в моей предвзятости и навечно поставить точку между нами?

Ну конечно!

Если она все узнала про нас, то логично, что захотела раз и навсегда обезопасить себя от меня, а Кирилла — от Евы.

Ведь если я — беспринципная дрянь, которая пойдет на все, даже наклеветает на святую Кошкину, то и дочь воспитываю неправильно, прививаю ей такие же порочные идеалы. Зачем Кириллу общение с такой дочерью, а их общему ребенку такая единокровная сестра?..

Это бред, но это аргумент. И она могла им воспользоваться.

Что ж стоит признать, что Кошкина оказалась умнее и развела меня как лохушку. И я повелась... Попалась в умело расставленную ловушку, и побежала изобличать ее, теряя тапки. И разум.

Губы сами собой искривляются в горькую усмешку, но я беру их под контроль. Это сейчас максимально неуместно.

С ними еще какие-то люди. Юристы? Неужели они и тут что-то придумали и не отпустят меня?!

Кровь отливает от моего лица. Я буквально чувствую этот отлив. Холодею от ужаса.

Эта пытка, что, никогда не закончится?

Шагалов, видимо, думает то же самое, потому что подходит еще ближе, и я спиной чувствую его напряжение. Но и поддержку тоже.

Становится чуть легче дышать.

— Добрый день, — сухо говорю я, стараясь не смотреть на них. — Вы осмотрели дом и сад? Если вас все устраивает, давайте подпишем все бумаги и разойдемся. Меня ждут другие проекты.

— Мы осмотрели, — в тон мне отвечает Кирилл, протягивая папку. — Бумаги мной уже подписаны. Условия контракты выполнены. Спасибо за профессионализм.

Бормочу "благодарю за высокую оценку" и поднимаю взгляд, чтобы забрать папку. Вижу, что точно такую же он протягивает и Кошкиной.

Глаза самопроизвольно распахиваются в удивлении, но я опускаю веки — не мое дело.

— Тебя все устраивает? — спрашивает Потемкин, я удивленно вскидываю глаза и понимаю, что он это не мне — Ольге. — А впрочем, это никого здесь не интересует. Ты хотела этот дом, ты его получила. Забирай свой "Версаль" и пользуйся в свое удовольствие. Или без него. Мне похрен.

— Кирилл, но... — пытается она возразить, но он не позволяет:

— Не думай, что ты выиграла. Это не компенсация, не обольщайся. Ты столько не стоишь. Не тянешь ни на стоимость этого дома, ни на цену мешка шпукатурки, на него потраченного. Просто мне противно все, что связано с тобой. И этот дом тоже. Не хочу с ним возиться, не хочу марать об него руки. Считай, что я откупаюсь.

От его слов меня пошатывает, и я почти падаю на Рому. Я опять все неправильно поняла. Они не вместе!

— Но это огромный дом. Он требует много... Как я буду его содержать? — Ольга не сдается даже сейчас.

Вот же отбитая...

На что она рассчитывает, после всего, что сделала? Точнее, пыталась.

— Это больше не моя проблема. Но, уверен, ты что-нибудь придумаешь. У тебя полно дерьмовых талантов.

Он говорит это так жестко и холодно, что пронимает даже меня. Представляю, как

некомфортно Кошкиной.

— Адьос, — бросает он и, повернув голову, ловит мой ошалевший взгляд.

Улыбаясь уголком губ, уверенным шагом подходит и пленяет мою руку.

— Пойдем? Мы тут закончили.

Пораженная такой демонстрацией наших не только деловых отношений, я не протестую, да Кирилл и не ждет ни моей реакции, ни моего ответа. Просто разворачивает твердой рукой и уводит меня из дома.

Сажает в свою машину, сам пристегивает несопротивляющуюся меня и вырывает с парковки.

Как только выезжает на шоссе, вновь берет мою руку.

— Прости, Маргаритка, что увидела это. Я был уверен, что ты не придешь. Не захочешь снова быть здесь. Ждал твоего Шагалова.

— Я не могла не прийти, ты включил такой пункт в контракт, — напоминаю негромко.

— Точно, включил, — закрыв на секунду глаза, сокрушается он. — И за это прости. Я злой был, когда этот договор составлял. На тебя злой, на себя, на то, что мы не вместе. И "порешал". Просто хотел, чтобы ты была рядом.

— Рядом? Зачем? Чтобы наблюдала за тем, как вы строите семейное гнездышко? Для вас и будущих котят?

Это глупо, но не могу удержаться от иронии.

Если все было, как он говорит, почему сразу не расстался с Кошкиной? К чему был это спектакль? Артисты...

Кирилл усмехается.

— Я с самого начала надеялся, что мы разрешим все наши проблемы и оба выпорхнем из этого змеиного гнезда. Но все затянулось...

— Надеялся, но сам ничего для этого не делал? — как ни пытаюсь сдержать обиду, понимая, как глупо сейчас "махать кулаками", она вырывается из меня толчками. — Продолжал быть с ней, готовился к свадьбе и почти завел ребенка! Так ты хотел быть с нами?

— Я много раз пытался с тобой поговорить.

— То есть виновата я?! Ты пытался, а я не хотела, но...

— Я знаю, почему ты не хотела. Я понимаю тебя, — вновь мягко возражает и, подняв замок из наших рук к своим губам, целует мои пальцы. — Теперь понимаю. Я был не прав. Ты можешь казнить меня за это каждый день. Только будь рядом. Всегда.

На моих губах проскальзывает робка улыбка. Все аргументы, которые у меня еще были, после его слов разом куда-то испарились.

Я все забыла.

Да если бы и помнила, не стала озвучивать. Я больше не хочу спорить, ссориться, выяснять, кто правее. Я же все равно знаю, что буду с ним. Выяснения ради выяснений — зачем?

Главное — то, что мы испытываем друг к другу. А я не сомневаюсь, я чувствую, что мои чувства к нему полностью и безусловно взаимны.

— Почему ты не сказала мне про долг перед Гладких? Что там за история? — меняет Кир тему.

— Не хочу сейчас об этом, — ежусь от неприятного воспоминания. — Спасибо, что помог. Я все верну, обещаю...

— Не говори ерунды, — морщится Потемкин. — Какой долг? О чем ты? Мне жаль, что не я поставил точку в твоих отношениях с ним. Это бесит, но ты здесь точно ни при чем.

— Ты же не злишься на Филя?

— На Филя? — удивляется он. — Нет, не злюсь. Брат — красавчик. Я бы на его месте поступил так же. А про долги выкинь из головы. Все, что ты мне должна — это пообещать, что если что-то подобное когда-либо повторится, ты сразу придешь с этим ко мне. Не к Диме, не к Филиппу, ни к кому-то еще. Проблемы своей женщины решать буду только я. И деньги на нее тратить тоже.

Усмехается.

— А то развелись Робин Гуды... Баксы у них лишние...

— Баксы? Ты разве не вернул Филу деньги?

Я была уверена, что Кир возместит брату все, что тот так импульсивно — в традиционно Потемкинской манере — швырнул в Димку. Что рассчитается за мой выкуп. И сейчас очень удивлена последним его замечанием.

— Этому вернешь... — усмехается, отвлекаясь на дорогу и подруливая, но кисть мою не выпускает, поглаживая костяшки большим пальцем. — Он меня послал в грубой форме — пересказывать не буду, — сказав, что отмолил старый грешок. Типа он нас развел, ему и сводить. Фил тащится от таких закольцовок. И от собственной значимости. Так что забудь. Ничего не было, возвращать нечего. Зачем ему, как подарок на свадьбу.

Не могу не улыбнуться и сжимаю его ладонь.

Вместо тысячи слов.

Повернув голову, он ловит мой пьяный от счастья взгляд.

— Ева сейчас в садике? — спрашивает неожиданно.

— Д-да, — заторможенно киваю.

— Поехали, заберем ее. Она последняя, кто не знает...

Эпилог. Не по плану часть

— Маргош, тебе доставка.

Мама, постучав, входит в мою старую комнату, где я ночевала впервые за много лет.

А все из-за дурацкой традиции, рекомендующей жениху и невесте проводить отдельно ночь перед свадьбой. Мои родители потребовали две ночи. Но не потому, что так чтут традиции, а из-за того, что хотели провести немного времени со мной и Евой перед тем, как мы уедем в долгий послесвадебный круиз.

Кирилл выбрал яхту.

Есть подозрение, что он тоже любит такие закольцовки — на яхте мы встретились в наш третий раз, — и что-то подсказывает, что это повлияло на его выбор места для медового места.

Но я не возражаю. Я тоже не против закольцовок.

— Что за доставка?

— Цветы, — мама улыбается. — Очень красивые. Кирилл — такой внимательный. Так любит тебя. Я даже не представляла...

Смущенно зарываюсь лицом в нежно-розовые пионы. Как божественно они пахнут!

— Я принесу вазу.

— Спасибо, мам, — говорю ей в спину и вдыхаю аромат поглубже.

Обожаю пионы!

В моем букете невесты они тоже — букетообразующий элемент.

Через полчаса мы выезжаем в салон, где надо мной будут колдовать феи фена и кистей для макияжа, и откуда я поеду сразу в парк, где пройдет наша церемония.

Я выхожу замуж! За Кирилла!

Этот месяц, что мы готовились, мы практически не расставались. Он завалил меня цветами, а Еву подарками. Выписал ее из садика и водил по паркам развлечений, где дурачился с ней сам. Он даже работал меньше, скинув дела на Фила. Но младший без претензий, говорит, что ему давно пора прибираться к рукам.

И даже сегодня он не забыл про цветы для меня.

Это так мило, что я едва сдерживаю слезы. Пока еще можно — макияжа нет и портить нечего.

Когда ставлю букет в принесенную вазу, из него вываливается открытка.

Подняв, открываю и с первого же взгляда понимаю, что букет не от Кирилла — это не его почерк.

Поднимаю глаза, не желая читать записку. Потому что боюсь, что написанное в ней может испортить мне настроение и весь сегодняшний день.

— Что там? — тревожится мама.

— Дима, — одним словом отвечаю я на всё.

— Хочешь, я прочту? — безошибочно считывает она мое состояние.

Я киваю.

Она быстро пробегает текст глазами — а его там немало, — и протягивает открытку мне.

— Читай. Это хорошее письмо.

"Марго, прости, что вел себя как скотина. Знаю, что простить такое трудно, но это была

агония зверя, раненого в самое сердце. Я обезумел от того, что потерял тебя. Я не должен был, но я не справился. Хотел извиниться лично, но решил, что это лишнее. Догадываюсь, что ничего для себя ты не примешь, но надеюсь, не откажешься от подарка для Евы. Я давно его купил, не удержался, ждал ее следующего дня рождения, чтобы подарить. Передай ей, пожалуйста. Скажи, что я скучаю. Но можешь и не говорить, что от меня. Люблю вас".

И чуть ниже P.S.: "Поздравляю со свадьбой. Искренне".

Прочитав, чувствую небольшую слабость в ногах и плюхаюсь на диван. Закрываю глаза.

Какое облегчение, что Дима нашел в себе силы принять мой выбор. Ева будет рада, если сможет общаться и видеться с ним. Она тоже скучает. И детям на площадке говорит, что у нее два папы...

Пусть будет два.

— А что это за подарок для Евы? — негромко спрашивает мама.

— Не знаю. Ничего не приносили?

— Нет. Са-аш, выйди, пожалуйста, во двор, — просит отца, повысив голос. — Там для нас должна быть доставка.

— Чего? — появляется он из гостиной.

— Вот сходишь и узнаешь, — давит мама.

Через две минуты он присылает фото и с подписью "Евик лопнет от счастья".

А на фото настоящий карт с любимым номером "семь" вверху спереди и фамилией в английской транскрипции по низу — на антикрыле.

Теперь я слез не сдерживаю — Дима точно знает, как осчастливить единорожку.

Открываю чат с ним и пишу: "Спасибо!"

Не закрываю, пока двойная галочка не синееет — прочитано.

Этот день — моя сбывшаяся мечта.

Все в нем получилось идеально. Все, как в моих детских грезах, как в любимых романтических фильмах.

Сегодня не какая-то актриса, а я, Рита Сумишевская, в сопровождении почти незаметно прихрамывающего папы, шла по усыпанному лепестками проходу между рядами из белых стульев. На которых расположились и наблюдали за нашим мини-шествием, возглавляемым горделивой Евой в прелестном нежно-коралловом платье, родные и друзья. Самые близкие и дорогие. Около — или даже более — сотни приглашенных.

И почти всех я знаю лично.

Шагая под марш невесты к Кириллу, я едва справлялась с переполнявшими меня эмоциями. Их было так много и так... невыносимо, но каждое из них являлось синонимом к слову "счастье", поэтому я не плакала.

Не проронила ни единой слезинки.

Ни когда я встала перед Кириллом и наши руки соединились.

Ни когда он ответил "Да" на тот самый вопрос регистратора.

Ни когда надел на мой безымянный невероятной красоты и изящества кольцо с гравировкой "Отныне и навсегда", а я окольцевала его.

Ни когда наклонился ко мне для первого официального поцелуя.

Ни когда меня обняла плачущая, не скрываясь, мама.

Ни когда мы танцевали.

Ни когда...

Никогда.

Но я давлюсь слезами много позже, когда после завершения официальной части церемоний мастер подзывает нас с Евой и Кириллом к себе. Отводит меня на шаг от них, протягивает микрофон и сует папку с текстом.

Я не понимаю, что происходит, этого не было в сценарии, но послушно читаю:

— Ева Кирилловна, берешь ли ты дя..., - на первых же словах голос срывается, и мне приходится остановиться, чтобы справиться с эмоциями. — Берешь ли ты дядю-сыщика Кирилла Потемкина в свои законные отцы?

— Беру! — энергично кивает моя девочка.

— Обещаешь любить его? — читаю я дальше. — Ездить на его богатырских плечах и делиться с ним любимой пиццей?

Оглядываюсь на ведущую — откуда у нее вся эта информация? Слишком личная...

Не от меня и, судя по лицу Кирилла, не от него тоже. Так откуда инфа?..

— Обещаю! — звучит звонкий голосок. — А он обещает разрешить мне играть его коллекционными машинками? Ну, теми, что в шкафу под стеклом, — быстро ориентируется хулиганка.

— Клянусь, — во все тридцать два улыбается Кирилл.

И в этот момент он счастлив.

Слезы застилают мне обзор и заставляют дрожать голос. Возвращаю папку — дальше я лучше своими словами.

— Властью, данной мне роддомом номер четыре города Новосибирска, объявляю вас любящим отцом и его маленькой дочкой. И разрешаю вам поцеловаться. Ева, приглашай папу на ваш первый танец.

Начинает играть незнакомая, но очень красивая мелодия. Она иностранная, я разбираю не все слова, но она про отца, про героя. И это так... пронзительно. Так правильно.

Кирилл поднимает Еву на уровень глаз и вальсирует с ней на руках. Кнопка весело смеется и, судя по двигающимся губам, выторговывает еще что-то для себя. По случаю.

Я улыбаюсь сквозь слезы и не замечаю, как ко мне подходит мой папа.

— Ты же не лишишь меня возможности танцевать с невестой? Только ради этого я в кратчайшие сроки прошел реабилитацию и даже взял пару уроков танцев. У твоей мамы.

— Песня подходящая, — улыбаюсь ему, стараясь не разреветься совсем.

Но сейчас уже можно. Я долго держалась.

*

— Не возражаете?

Заметно подуставшего от танца папу — нога его еще не окончательно зажила, — пытается галантно сменить Филипп. И папа радостно вручает меня ему.

Младший братишка начинает кружить меня, ведя уверенной рукой. Как по паркету.

— Не знала, что ты так танцуешь!

— Еще бы. Я тщательно скрываю тот факт, что занимался бальными танцами. Это пятно на моей безупречности...

— Ты бальник? — невозможно округляются мои глаза.

— Бывший, — подчеркивает он, выразительно играя бровями.

— Бывших же не бывает, — смеюсь я.

— Ну, это смотря в чем... — он не соглашается и неожиданно серьезнеет: — Я хотел сказать, что очень рад за вас с Кириллом. Клево, что вы все разрулили, и у вас теперь семья.

— Ты очень помог нам в этом.

— Да брось. С тем, с чем я помог, вы бы справились на раз сами, — отмахивается он. —

А вот за другое...

— Что другое?..

— Ты слышала, что Версаль сгорел? — меняет он интонацию.

— ЧТО?!

— Аха. Прикинь? — очень натурально сокрушается он. — Неосторожное обращение с огнем. Говорят... А дом даже не застрахован. Не повезло.

Я ловлю ртом воздух, как немая рыба, не понимая, это он шутит или Версаль, и правда, сгорел. И то, как он говорит об этом, неужели...? Мама дорогая...

— Песня закончилась. Как жаль, — делает глазки Фил, дотанцовывая меня до Кирилла, и меняется с ним партнершами.

Ева взвизгивает от радости, переключившись из рук отца в надежные руки дяди. А я счастлива вновь оказаться в объятиях мужа.

Мой муж...

Наконец-то!

Наступит ли день, когда я перестану трепетать от одной мысли об этом? О том, что он только мой?..

Не думаю. Не верю.

— Эта идея с обменом клятвами с Евой — это нечто, — тихо говорит он чуть хриплым от переизбытка эмоций голосом.

Его тоже проняло.

— Только не благодари меня. Я к этому не причастна. К сожалению.

— Как не...? А кто?

Он оглядывается, задерживает взгляд на ком-то или чем-то за моей спиной, и по выражению его лица я понимаю, что он нашел организатора. Оборачиваюсь и встречаюсь глазами с Филом.

Он поднимает бокал, чтобы дзинькнуться им с бокалом Евы с минералкой, которая важно восседает на его тренированном плече и дергает за короткие волосы, управляя дядей, как извозчик упряжкой.

"Спасибо", — шепчу одними губами.

"Не за что", — прикрывает он глаза.

— Повезло мне с братом, — констатирует Кир. — И с женой.

— Кирилл, — поймав сигнал ведущей, я набираю побольше воздуха в грудь. — В западных странах есть традиция говорить друг другу клятвы в день свадьбы.

— Ты приготовила клятву для меня? — играет он бровью.

— Нет. Выразить словами все то, что я чувствую к тебе, то, что живет в моем сердце, невозможно. Таких слов еще не придумали. Или я их просто не знаю. И красиво говорить я, к сожалению, тоже не умею. У меня лучше получается показывать.

— Показывать? Ты приготовила шоу? — он все еще улыбается, но уже с долей азарта.

Я буквально вижу, как бегают его глаза, гоняемые мыслями и вариантами, что же это может быть.

И жду.

Жду момента, когда все начнется. И он наступает.

Позади Кирилла раздается шум мотора, и он пытается обернуться. Но я не позволяю ему, удерживая его лицо перед моим.

— Что это? — недоумевает он вслух.

— Машина.

— Машина? Ты решила подарить мне машину? — он теряется в догадках.

— Нет. Только показать, — успокаивающе улыбаюсь я.

Кир в недоумении. И в сомнении. В моей нормальности, очевидно.

Звук набирает обороты и идет кругом, Кирилл вертит головой, сопровождая его. Пытается увидеть его источник. Но он затихает.

Я тяну его за руку к центральному фонтану, куда сходятся все парковые аллеи.

— Просто знай, что я люблю тебя бесконечно.

Он перестает смотреть по сторонам, перестает прислушиваться к звукам, он смотрит только на меня и взглядом проникает внутрь.

И так много всего в этом его взгляде.

Я чувствую, как он касается им моего сердца. Сжимает его в своей ладони. Я полностью в его власти.

— Я всегда буду с тобой, Кирилл. Я и была всегда с тобой, даже если физически меня не было рядом. Я любила одного тебя и жила лишь ожиданием того, чтобы однажды снова с тобой встретиться.

Его глаза напротив моих блестят. И я вижу свое отражение в них.

Так правильно. Так и должно быть — я в нем, а он во мне.

Отныне и навсегда.

— А когда у меня появилась Ева, — продолжаю взволнованно. — Я стала любить тебя еще сильнее. Потому что она — самое дорогое, лучшее, что есть у меня, и она — часть тебя.

Рёв мотора раздаётся вновь, совсем близко. И с каждой секундой набирает обороты. Он почти оглушает.

Мое сердце колотится. Но не из-за звука. Я боюсь разочаровать его, боюсь его реакции. Я умру, если он будет расстроен.

— У меня остался последний секрет от тебя. Самый последний. Клянусь, что больше никогда ничего не буду от тебя скрывать.

— Секрет? — озадаченно сводит он брови.

— Да. Сюрприз. Надеюсь, приятный. Пожалуйста, — срывается голос. — Люби этого ребенка так же, как полюбил Еву.

— Какого ребенка? — столбенеет Кир.

— Нашего, — шепчу я. — Обернись.

Он оборачивается не сразу. Долго смотрит мне в глаза и разрывает контакт, когда вокруг уже раздаются радостные возгласы гостей.

— Это мальчик!

Он узнает новость последним.

Я наблюдаю за ним.

Кирилл, не мигая, смотрит, как в темной тупиковой аллее, выхваченная в яркий круг прожектора, стоит на ручнике и остервенело жужжит шинами маленькая спортивная Субару. А из-под колес и выхлопной трубы валит густой синий дым.

— Что это? — шокированно поворачивается ко мне мой муж. — Это...

— Да. У нас будет сын, — слезы вновь застилают мне глаза.

— Сын? Ты... Ты беременна?

— Мы!

— Мы, — эхом повторяет и, обхватив ниже талии, отрывает от земли. — Мы...

Нас окружает толпа родных. Кто-то радуется, кто-то плачет, отовсюду слышатся поздравления и вопросы.

Моя мама кричит громче всех.

— Как назовете?

Мы с Кириллом переглядываемся.

— Мне кажется, это очевидно, — говорит он.

— Уверен?

Он кивает и объявляет громко:

— Адам.

Больше книг на сайте - Knigoed.net